

Книга посвящена юной героине Великой Отечественной войны – Зине Портновой, удостоенной звания Героя Советского Союза.

Автор собрал большой материал о маленькой подпольщице, её родных и близких, сумел правдиво рассказать о короткой, но яркой жизни Зины, её участии в борьбе с фашистскими захватчиками.

Первая часть
Среди «Юных мстителей»
Глава первая

Зина проснулась от шороха. Приоткрыв глаза, увидела, как сестрёнка Галька, с которой они спали в сенях, вылезла из-под одеяла, осторожно прошла по коридорчику и, звякнув щеколдой, бочком проскользнула за дверь.

«Куда это она?» – тревожно подумала Зина, окончательно проснувшись, и, быстро накинув халатик, тоже выбежала на усадьбу.

Вокруг ни души. Ранняя зорька чуть позолотила верхушки тополей и лип на короткой деревенской улочке, полого спускающейся к реке. Обильная роса словно сединой покрыла луговину. Зина не сразу заметила сестрёнку. Галька стояла неприметно возле тына, босая, с распущенными волосами, в одной короткой рубашонке, и, протянув ручонки в сторону, откуда поднималось солнышко, разговаривала.

«С кем это она?» – Зина, едва слышно ступая, подошла ближе и услышала жалобно-плаксивый Галькин голосок:

– Живём мы у бабушки... Но здесь немцы! Нам так страшно. Мама!.. Мамочка!.. Где ты?.. Забери нас отсюда...

Зина схватила Гальку за руку и, не говоря ни слова, потащила обратно в сени.

– Ложись и спи, противная девчонка!.. – шёпотом строго приказала она, когда озябшая Галька послушно юркнула под одеяло. – Больше меня не тревожь... Разбудила в такую рань. И без тебя так тошно, что жизнь не мила.

И, не выдержав, сама расплакалась, обняла и крепко поцеловала «противную» девчонку, дороже, милее которой для Зины теперь на белом свете никого не было.

Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как они застряли у бабушки в деревне, а Галька отчаянно тоскует, рвётся обратно в Ленинград.

Галька, свернувшись калачиком, вскоре заснула. На её светлых ресницах застыли слезинки. А Зина заснуть уже больше не могла. По улице с шумом и треском проехала одна машина, другая... слышалась немецкая речь, прозвучала автоматная очередь... И снова все стихло.

Стреляют... убивают... И так каждый день.

Зина лежала, закрыв глаза, рядом с сестрёнкой на тощем, набитом соломой тюфяке, а в памяти оживало недавнее прошлое, казавшееся теперь таким далёким. Вот она, весёлая, счастливая, сбегает со школьного крыльца. Кружевной воротничок её синего ученического халатика подхвачен красным галстуком, в пепельные косички вплетены красивые банты. Вслед за ней, прыгая через ступеньку, спускаются оживлённые, весёлые одноклассницы.

Над головой тёплое солнышко, а вокруг молодая яркая зелень деревьев. Позади седьмой класс. Они уже почти взрослые. Осенью восьмиклассников будут принимать

в комсомол. А впереди летние каникулы...

У перекрёстка подружки неохотно расстались. Зина направилась по своей тихой, малолюдной Балтийской улице, размахивая портфелем, улыбаясь встречным от переполнявшей её радости.

Вот и небольшой трехэтажный дом под номером 24. У подъезда Зина замедлила шаги и присела на лавочке, рядом с полуслепой старушкой.

– Отдыхаете, бабуля?.. Может, вас проводить домой?

– Спасибо, Зиночка, спасибо, милая. Я только что вышла...

Зина погладила взъерошенного кота, растянувшегося на ступеньке крыльца.

– Греешься на солнышке, Митька?.. Грейся, грейся, беспризорник ты мой. Наверно, тебя сегодня и не покормили. Подожди, я тебе что-нибудь вынесу...

И тут же строго пожурив воробьев, затеявших шумную, пискливую потасовку на тополе:

– Ну чего вы раскричались, драчуны? Митька же на вас поглядывает.

Поднявшись к себе на третий этаж, Зина тихонько отперла входную дверь и остановилась на пороге комнаты. Галька не слышала, как вошла сестра. Усевшись, поджав ноги, на диване, она тормошила свою большую куклу Ольгу: «учила читать».

– Какая буква? – строго вопрошала Галька. – А это какая? – И притворно-горько вздыхала: – Почему ты такая бестолковая? Беда мне с тобой...

Вскинув голову с бронзовыми кудряшками, Галька, наконец, заметила Зину и бросилась к ней, кубарем скатившись с дивана:

– Что принесла?.. Похвальную грамоту дали?

Прыгая вокруг сестры, Галька засыпала её вопросами. Зина положила на стол табель и грамоту за успехи в учёбе.

Галька не умела ещё читать, но сразу же поняла, что сестра, как и в прошлом году, отличница.

– А это почему же не с круглой буквы начинается? – придирчиво осведомилась она, ткнув пальцем в оценку, непохожую начертанием букв на остальные.

– «Хорошо» по русскому языку... Не дотянула до «отлично», – вздохнула Зина.

– А когда меня записывать в школу поведёшь?.. Маме ведь некогда, она на работе.

– Тебя уже записали.

...За стеной раздался резкий выстрел. За ним – другой. Зина в испуге вскочила с постели. Прильнула к щели бревенчатой стены. Мимо избы по дороге прошли немцы, громко и отрывисто разговаривая. Они вели двух арестованных в солдатских гимнастёрках, очевидно, окруженцев, и, видимо, развлекались, стреляя в воздух.

Мучительная, страшная действительность, от которой опять защемило сердце. Зина с трудом заставила себя снова мысленно вернуться в родной Ленинград. Тогда, в первый день школьных каникул, она пошла вместе с девчонками к Нарвским воротам. Здесь находилось огромное здание Дворца культуры. Во Дворце Зина часто заглядывала в детскую библиотеку. Читать она очень любила, особенно книги о гражданской войне, о подвигах и путешествиях. Пожалуй, не менее страстным её увлечением был балетный кружок, в котором она занималась уже второй год.

– Из тебя может получиться балерина, – хвалили её зимой девчонки, когда она успешно исполнила свою роль в детском балете «Аистёнок».

Звенели трамваи, мчались машины – было шумно и людно, а девчонки, сгрудившись стайкой, шли по тротуару, заглядывая в витрины магазинов, толкая друг

друга и дурачась. Тараторили о всякой всячине и, главным образом, о пионерском лагере.

Обычно Зина ездила летом с сестрёнкой и матерью к бабушке в Белоруссию. И теперь она больше всех радовалась предстоящей лагерной поездке.

– Давайте продумаем, чем мы в лагере будем заниматься? – предложила она.

– Будем в лес ходить!.. На речку, купаться!.. Землянику собирать!.. Цветы... В кружки запишемся, – отвечали Зине сразу несколько голосов.

А на следующий день все радужные Зинины планы летнего отдыха разом рухнули. Под вечер явилась с работы расстроенная мать и сказала:

– Переносят мой отпуск – заболела сменщица. Придётся тебе, Зина, хочешь ты или не хочешь, ехать с Галькой в деревню, к бабушке.

– Ну вот... – помрачнела Зина. – Который год я всё с ней езжу! – И тут же осеклась, увидев, как мать строго сдвинула брови.

Такая же круглолицая, как и Зина, светловолосая, выглядевшая моложе своих тридцати восьми лет, Анна Исаковна относилась к дочерям строже и требовательнее, чем отец, Мартын Нестерович, работавший крановщиком на Кировском заводе.

Зина в этот день едва дождалась, когда он придёт с работы. Ей казалось, отец слишком долго умывался на кухне. Слышно было, как он плескался водой и отфыркивался. Вернулся в комнату, вытираясь полотенцем. Высокий, черноволосый. С добродушной улыбкой оглядел домашних.

– Что все такие унылые? Какая муха вас укусила?

– Мне отпуск не дают. Вот и решаем, как нам быть с Галькой?

Мартын Нестерович задумался.

– Я бы с удовольствием поехал сам с ребятами, половил бы рыбу в Оболи, походил по грибы... Но у меня отпуск осенью.

Несколько минут царило тягостное молчание.

– Ладно, мама, – наконец произнесла Зина, тяжело вздохнув, – не расстраивайся, раз надо, я поеду в деревню с Галькой. – Она подошла, обняла и поцеловала мать.

– Вот и хорошо!.. Вот и хорошо!.. – запрыгала Галька, очень довольная, что с ней поедет Зина, и, не обращая внимания на хмурое лицо старшей сестры, повисла у ней на руке.

– Смотри в деревне меня слушайся, а то сразу обратно уеду... – строгим, учительским тоном предупредила Зина.

Вечером она не пошла к подругам, осталась дома. Перебирала свои книги, тетрадки – приводила в порядок этажерку. Машинально вытирая пыль со статуэтки, небольшой фарфоровой лыжницы – награды за первое место в школьных лыжных состязаниях, Зина с грустью думала, какой предстоит трудный и неприятный разговор с девчонками. Можно представить, какой они поднимут шум, как станут упрекать, что она – староста класса – не едет в лагерь, так легко уступает своим домашним и отделяется от отряда.

Последний день в Ленинграде пролетел незаметно в дорожных сборах. Мать, поездив с Зиной за необходимыми покупками по магазинам, ушла на работу в вечернюю смену, предоставив дочерям самостоятельно решать, что возьмут с собой.

– Какие мне игрушки брать? – спрашивает Галя, разложив на диване всё своё богатство: куклы, кубики, книжки с картинками.

– Сама соображай, ты же не маленькая, – откликается старшая сестра, занятая своими делами.

Горка разных игрушек растёт на диване.

– Это что! Ты все собираешься взять? – ужасается Зина. – Пожалуй, ты всю квартиру заберешь! – И она решительно отодвигает Галькины игрушки в сторону. – С ума сойти! – ворчит она сердито. – Ничего лишнего нельзя брать, понимаешь? Мы не на вечность же едем в деревню, а только на лето... – И Зина снова погружается в сборы, однако одним глазом все же следит теперь за Галькой.

– Возьму Ольгу, – решает Галька, отобрав из кучи игрушек самую большую куклу с льняными кудряшками, в ярко-зелёном платье, и обращается к оставшимся плюшевым и резиновым зверюшкам: – Скучать не будете? Я ведь ненадолго, на лето. Скоро вернусь...

– Ты что, и Ольгу забираешь? – снова восклицает Зина.

– Она не сможет без меня. Она же не выживет, – начинает хныкать Галька.

– Выживет, прекрасно выживет... Она хоть отдохнет без тебя, – откликается Зина.

– Она же здесь зачахнет, – повторяет запомнившиеся слова матери Галька. – Ольге необходим деревенский воздух. Она же малокровная.

Всё же Зина настояла на своём: большую куклу отложили в сторону.

А вечером Зинины одноклассницы собрались снова. Весёлой гурьбой втиснулись в переполненный трамвай и поехали на набережную к Зимнему. Здесь было многолюдно. Казалось, что все школьники и студенты высыпали сюда в этот тёплый и светлый июньский вечер – толпились возле массивных гранитных парапетов, любовались широкой полноводной Невой. Слышались песни, звуки гитары.

Как-то получилось, что Зина и Серёжа Есин, её одноклассник, отделились от ребят: оживлённо разговаривая, ушли вперед и затерялись в людской массе.

Серёжу Есина Зина считала интересным человеком. Ей нравилось его сходство с поэтом Есениным созвучием имен и внешностью, но главное – Серёжка любил поэзию и, по тайным сведениям девчонок, сам сочинял стихи. Он мог совершенно неожиданно прервать разговор, остановиться и, запрокинув голову, начать декламировать. Так поступил он и теперь. Внезапно взметнув руку, с увлечением произнёс:

Гуляет ветер, порхает снег.

Идут двенадцать человек.

Винтовок чёрные ремни,

Кругом - огни, огни... огни.

– Знаешь откуда?

– Ну ещё бы... – ответила Зина. – Блок! А почему тебе сейчас вспомнились эти строки?

– А ты знаешь... Мне кажется, «Двенадцать» шли тогда, в ноябрьский вечер, по этой же самой набережной.

– Ты так думаешь?

– Уверен.

– Серёженька, а ты теперь не можешь прочесть что-нибудь своё? Пожалуйста.

– Хорошо, прочту. Только ты никому не говори и не смейся. Ладно? – И, пристально посмотрев на Зину, он решился прочесть:

У тебя глаза что зори.

И сама ты – цвет.

Расскажи, в каком же поле

Родилась на свет...

А когда закончил чтение, смущённо прошептал:

– Это я посвящаю тебе...

И тут случилось то, чего Зина и сама от себя не ожидала. В порыве нежной благодарности она обхватила Серёжину голову и поцеловала его в губы. Первый раз в жизни поцеловала мальчишку, сама поцеловала. И, покраснев как кумач, потупившись, спросила:

– Ты не сердишься?

– Не сержусь, – ответил Серёжа и умолк, однако глаза его сияли.

Прервать это неловкое молчание Серёжка решил своеобразно: он кинулся к цветочной клумбе и спросил:

– Хочешь, я тебе сорву?

– Что ты... – испугалась Зина. – Разве можно...

– А какой твой самый любимый цветок?

– Ромашка, – отозвалась Зина.

– Но ромашек здесь нет, это же не садовый цветок, а полевой...

– Поэтому и любимый, что полевой.

– А почему?

– Почему да почему... Ну... у ромашки такие белоснежные лепестки, а посередине – солнышко. Ромашка даже ночью светится, не веришь?

– Ты фантазёрка... А хочешь, я тебя тоже буду звать Ромашкой?

– Сегодня?

– Нет, всегда. – И, осмелившись, Серёжка осторожно взял её за руку.

Зина своей руки не отняла.

...Особенно ярко в память врезался какой-то тревожный, суматошный отъезд.

Обычная суতোлка на Витебском вокзале, где семью Портновых уже поджидала родная сестра Анны Исаковны – Ирина со своими сыновьями Лёнью и Нестёркой.

Перед отъездом договорились, что Зина с Галькой и тётя Ира с мальчиками не сразу поедут к бабушке на Витебщину, а вначале в город Волковыск, где муж тётя Иры работал начальником вокзала. Побыв с неделю в Волковыске, Зина с Галей должны будут уже одни отправиться к бабушке в деревню.

– Воли ты девчонкам не давай, – напутствовала Анна Исаковна свою сестру, а Зине наказывала: – За Галькой поглядывай...

– Слушайся Зину, – в свою очередь напоминал Гале отец.

Подшло время отправления поезда. На перроне возле окна вагона остались только Мартын Нестерович с женой. Не выдержав, Зина сорвалась с места и выскочила на перрон.

– Мамочка!.. Приезжай скорее... – попросила она, крепко обнимая мать.

– Меня вот так не просит, – шутил отец, тихонько посмеиваясь в свои чёрные усы.

– Иди, Зиночка, иди, а то поезд тронется! – волновалась мать.

Зина всё медлила. Со слезами на глазах она переводила взор с отца на мать.

Тронулся поезд. Зина, в последний раз крепко обняв и поцеловав отца и мать, на глазах у которой тоже навернулись слёзы, уже на ходу вскочила на подножку вагона и, обернувшись, замахала рукой...

В Волковыск приехали в полдень двадцать первого июня. Вечером гуляли по улицам города, долго не ложились спать. А утром на рассвете все проснулись от воя самолётов, грохота взрывающихся бомб. Началась война!..

Когда Зина выбежала из дому на улицу, там творилось что-то невообразимое. Все

стремились поскорее уехать из объятаго пламенем, в клубах чёрного дыма города. Только в сумерках, когда подали состав, мужу тётки Иры удалось с трудом втиснуть в вагон своих гостей. Поезд уже был битком набит, а народ всё пробивался, лезли не только в двери, но и в окна.

В Минск поезд пришёл утром и попал под налёт вражеских самолетов. Кругом рвались бомбы, горели строения, оглушительно стреляли зенитки... Крики, плач, вой... Вагон, в котором ехала со своими Зина, не пострадал, но несколько других из их состава сгорели... После отбоя воздушной тревоги уцелевшие вагоны прицепили к другому составу, и поезд, часто останавливаясь, пошёл дальше на восток.

Сменялись за окном полустанки. По просёлочным дорогам, над которыми висели облака густой пыли, двигались тракторы, комбайны, грузовики, подводы, шли люди... Лишь на третьи сутки их поезд дотащился до Орши и там окончательно застрял. До Витебска пришлось добираться на разных железнодорожных составах, то и дело попадавших под бомбёжку вражеских самолётов.

В Витебске движения по железнодорожным магистралям уже не было. Они попали в город как раз во время налёта. С оглушающим ревом пикировали вражеские «юнкерсы» с чёрными крестами на крыльях, на вокзальные строения падали бомбы... Рушились здания... Поспешно разбежались люди... Слышались крики, стоны... Когда налёт кончился, Зина с ребятами долго сидела в привокзальном сквере на своих вещах, с тревогой поглядывая на солнечное, безоблачное небо. А тётка Ира, в измятом, полуразорванном платье, с небрежно скрученными в валик на затылке волосами, в стоптанных порыжелых ботинках, без чулок, всё ещё сновала по станционным путям, забитым эшелонами с военным грузом и беженцами, пытаюсь найти возможность пристроиться с детьми к одному из них.

Вернувшись, она изнеможённо, вытирая рукавом катившийся по лицу пот, сказала:

– Будем пешком пробираться в деревню к бабушке. Иного выхода у нас нет...

И, взвалив на себя вещи, смешавшись с толпой таких же беженцев, они поплелись по шоссе, в сторону Оболи, которая находилась километрах в восьмидесяти от Витебска.

На третьи сутки все вздохнули с облегчением: показались знакомые места. Вот и Оболь – станционный посёлок с широкими, но короткими улицами. Небольшое здание вокзала из красного кирпича. Неподалеку – водокачка... И совсем рядышком, за мостом, над рекой, на пригорке, деревня Зуя, где живет бабушка Ефросинья Ивановна... На углу проулка небольшая, срубленная ещё в прошлом веке, почерневшая избушка с одним подслеповатым окошком, другое, боковое, глядит на усадьбу. Ветхий часток из ивовых прутьев, на котором торчат крынки, а на дощатом крыльце... стоит седая худощавая старушка в длинной тёмной юбке и, прищурив глаза, вглядывается в приближающихся пешеходов, навьюченных узлами.

– Бабушка!.. – первая с криком бросается к старушке Галька и повисает у ней на шее.

Зина, не дойдя до крыльца, сваливается на завалинку – уже нет сил стоять на ногах.

К удивлению Зины, на крыльце показалась долговязая фигура старшего брата Анны Исаковны и тётки Иры – дяди Вани. За ним выбежала чёрненькая, как цыганочка, маленькая девочка в коротком голубом платьице с куклой в руках.

Незадолго до начала войны дядя Ваня с младшей дочкой – четырёхлетней

Любочкой – тоже приехал из Ленинграда провести отпуск в Зуе.

– Иван, а мы думали, ты уже в Ленинграде!.. – отдышавшись, с недоумением воскликнула тётя Ира.

– Задержался... Любочка прихворнула, – ответил он с виноватой улыбкой на худощавом, с нездоровым румянцем лице, словно бы оправдываясь. – Всё откладывал отъезд со дня на день. Завтра обязательно уеду.

– Опоздал... – кратко бросила брату тётя Ира. – Поезда на Ленинград уже не ходят.

...Не в силах больше заснуть, Зина в полудрёме лежала с закрытыми глазами. Рядом чуть посапывала крепко уснувшая Галька. Малышка... Она ещё не понимает всего происходящего! Не понимает страшного, что случилось с ними...

Дом начал пробуждаться. Первой, как всегда, встала бабушка. По своей старческой привычке закричала, заохала. И вскоре с небольшим ведёрком в руках прошла через сени, спустилась по ступенькам во двор. И там послышался её голос:

– Вставай, родимая!.. Вставай!.. Стой!.. Не маши хвостом...

Зазвенели струйки молока о ведро.

Пододвиг корову, бабушка стала растапливать печку, теперь уже разговаривая с кошкой, урчавшей над блюдцем с молоком. Немного спустя в сенях появилась тётя Ира в пестром ситцевом халатике. Слегка пошатываясь от сна, с полотенцем в руках, она пошла умываться. Проснулся спавший на сеновале дядя Ваня. Стали подавать голоса и ребята: Лёнька, Нестёрка, маленькая Любаша.

Когда вся семья собралась за столом, снова возник мучивший всех вопрос: как жить дальше?

– Раз застряли, – рассуждал дядя Ваня, держа на коленях Любочку, – надо сидеть на месте.

– И умирать тоже будем здесь, на месте? – с горькой усмешкой спросила брата тётя Ира.

– Что же ты предлагаешь? Какой выход?

– Был выход... – Не сдержавшись, она заплакала: – Говорила я, нужно немедленно уходить...

Тёте Ире теперь казалось, что стоило тогда, в первый день, им тронуться в путь – и они сумели бы вернуться в Ленинград.

– Глупо ты рассуждаешь! – пресёк спор дядя Ваня и вышел из-за стола.

Зина сидела, низко опустив голову, кусая губы. Сколько же раз тётя Ира будет вспоминать и попрекать дядю Ваню в том, что они здесь застряли! Хотя он, по существу, ни в чём не виноват, а скорее уж виновата она, Зина, – это она удержала всех!

А случилось это так. На второй день их жизни в деревне стали решать оставаться ли у бабушки, пока события прояснятся окончательно, или, влившись в поток беженцев, не медля, уходить пешком дальше, в сторону Ленинграда. В избе на полу лежали узлы с вещами, на узлах сидели, прижимаясь друг к другу, Галька и смуглолицая Любочка, внимательно прислушиваясь к тому, о чём так громко спорят взрослые.

Тётя Ира и Зина стояли на том, чтобы немедленно уходить.

– Отдохнули немного – и в путь... – настойчиво предлагала тётя Ира. Не будет попутного транспорта, пешком пойдём.

Дядя Ваня с решением медлил.

– Пешком мы всегда сможем уйти... – рассуждал он. – Никто нас не задержит. Но нужно всё предварительно точно узнать, продумать. Уйдем, всё бросим, а завтра, может, поезда пойдут... – развёл он свои беспальные руки.

Контуженный во время финской войны, он отморозил пальцы рук, и мысль идти пешком и нести на себе маленькую Любочку и вещи страшила его.

– Ах, как жаль, что не уехал в первые дни! – снова сокрушался он. – Ведь вот, как на грех, тогда Любочка прихворнула, да я был уверен, что немцев не допустят до Витебска.

В их разговоры не вмешивалась только баба Фрося – так звали ребята свою бабушку. Казалось, всецело поглощённая хозяйственными заботами, она всё время суетилась, то выходя из избы, то возвращаясь обратно с ведром или чугунком.

– Не хочешь идти пешком, так надо искать подводу, – продолжала убеждать брата тётя Ира. – Не понимаю тебя, Иван... Чего мы медлим, ждём? – уже кричала она.

– Да-а, застряли мы... – растерянно бормотал он, нервно шагая взад и вперёд по избе. И наконец решительно высказался: – Подождём до утра. Утро вечера мудренее. Завтра со свежими силами двинемся в путь.

Зина не утерпела и побежала на шоссе, проходившее рядом с деревней. Там стоял сплошной гул. В одну сторону шли беженцы, двигались машины и подводы с эвакуированным имуществом. Навстречу им шли военные машины с боеприпасами и красноармейцами. Возле дороги на обочине канавы лежали скрюченные трупы погибших при бомбежке. На перекрёстке толпились люди... Кричали, плакали, ругались... В этой людской сумятице нельзя было ничего понять. Зина уже собиралась вернуться домой, как её сзади окликнули:

– Зинка!

Перед ней стоял в рваной куртке, заношенных серых брюках двоюродный брат Илья – темноволосый сероглазый паренёк, он был всего лишь на два года старше Зины.

Зина радостно бросилась к нему. Они обнялись. Зина торопливо стала рассказывать, как попала в Зую. Но разговор их прервала незнакомая Зине круглолицая девушка, торопливо шагавшая по тропинке.

– Пошли скорее в школу! – окликнула она Илью. – Там все наши собираются.

И он заспешил к ней, кивнув Зине:

– Увидимся.

Зина вернулась домой в ещё более подавленном состоянии. У крыльца на неё настороженно глядел дородный петух Иванушка, как его в своё время окрестила Зина, горделиво щеголявший своим золотисто-чёрным оперением, с мясистой королевской короной на голове.

– Ничего у меня нет, Иванушка, – развела руками Зина. – Не до тебя теперь. Застряли мы... Не можем домой вернуться.

В избе стояла кутерьма, на неподметённом полулежали неразобранные вещи, валялись обрывки бумаги, какие-то тряпки.

Отчаявшись найти какую-нибудь попутную машину или подводу, тётя Ира раздобыла где-то у соседей тележку-тачку на низких колёсах и теперь прикидывала с дядей Ваней, как лучше приспособить её.

– Возьмём с собой только продукты да самое необходимое, – говорила она.

Бабушка по-прежнему, словно не слыша их разговоров, хлопотала у печки.

И вдруг за окном слабо звучащая ночью на западе канонада усилилась. Где-то

совсем близко слышались взрывы, загрохотали орудия. Все стали связывать узлы, засуетились: надо уходить, пока не поздно...

– Тебе, мать, помочь что собрать?.. – обратился дядя Ваня к бабушке.

– Никуда я не пойду... – Бабушка присела на лавку. Слёзы потекли по её морщинистым дряблым щекам. – Лучше дома помирать, чем на дороге...

Все в растерянности смотрели на Ефросинью Ивановну, только теперь спохватившись, что в суете сборов забыли спросить: согласна ли восьмидесятилетняя бабушка уходить с ними? В состоянии ли она решиться на такой шаг?

– Мы тебя силой не тянем... – с мольбой и страданием смотрел на мать дядя Ваня. – Ты пойми, не можем мы тебя бросить на произвол судьбы... – Его голос срывался от волнения.

Сердце Зины сжималось от мучительной жалости, от щемящей тревоги. Казавшееся таким простым решение немедленно уходить вдруг обернулось другой стороной: они все молодые, способны ехать и на подножке вагона, идти пешком, тащить на спине и на плечах свои вещи. Но такая старенькая бабушка Фрося не выдержит – свалится и умрёт по дороге.

В избе с низким закопченным потолком было сумрачно и душно от жарко натопленной печи, пахло хлебом, который сегодня спозаранок напекла бабушка. Самовар на столе уже остыл, к нему так и не прикоснулись.

– Как же нам теперь? – растерянно спрашивала заплаканная тётя Ира.

– Вы уходите!.. – вскрикнула Зина и запнулась. – Возьмите с собой и Гальку... А я... я... здесь останусь. – На глазах её заблестели слёзы. – Не любите вы бабушку! – вдруг вспыхнув, с вызовом бросила она родным.

Безнадёжно махнув рукой, дядя Ваня, согнувшись, вышел из избы.

В эту ночь в избе Ефросиньи Ивановны почти никто не спал. А наутро возник новый план. Зина вместе с дядей Ваней ушли в соседнюю деревню Мостище к дальним родственникам Дементьевым посоветоваться: нельзя ли на время военных действий определить к ним бабушку? С таким решением Зина была согласна. Не возражала и бабушка.

Но и этому плану не суждено было осуществиться. В деревне на калитке Дементьевых висел замок. Окна наглухо забиты...

– Уехали... Вчера эвакуировались на лошади, – сообщила соседка.

– На лошади... – упавшим голосом машинально повторил дядя Ваня, опускаясь на ступеньки крыльца.

Усталые и растерянные возвращались они в Зую. А вокруг мирно зеленели поля. По краям дороги желтели одуванчики. В парном после дождя солнечном воздухе ощущался непрерывный звон: слышался стрекот кузнечиков, гудели и жужжали шмели и осы, на своём языке разговаривали неутомимые труженицы пчёлы. Зине хотелось закрыть глаза, выбросить все тревоги из головы, а потом открыть и убедиться, что никакой войны нет. Что это только сон. Тяжёлый, кошмарный...

Едва они вошли в деревню, сразу почувствовали неладное. Вокруг мёртвая тишина. На деревенских проулках ни души, а просёлочная дорога и луговина возле изб запорошены куриными и утиными перьями.

– Слава богу, уцелели! – бросилась к ним на крыльце бабушка и испуганно перекрестилась. – В деревне были немцы! Не заходили к нам. Только всех курей, супостаты, половили, перестреляли.

Показалась белая как полотно тётя Ира. Вслед из чулана выскочили ребята.

– Боимся выходить, – призналась она.

Мальчишки принялись рассказывать, как на дороге появились со скрежетом и грохотом немецкие лёгкие танки.

– С чёрными крестами на броне, – наперебой говорили Лёнька и Нестёрка. – А за танками, на двух транспортерах, – пехота.

– Из избы мы не выглядывали, боялись, – остановила сыновей тётя Ира. – Они недолго пробыли в деревне. Ловили и стреляли на улице кур, уток. Но в избу к нам не заходили.

– Слава богу, не заглянули... – вторила ей напуганная бабушка. – Уехали...

– Что же делать?! Что делать? – растерянно плюхнувшись на лавку, бормотал ошеломлённый таким крутым поворотом событий дядя Ваня.

Тётя Ира предложила закопать в подполе наиболее ценные вещи и документы.

– Может быть, не найдут, – неуверенно сказала она, спускаясь в подпол.

Вслед за ней спустился и дядя Ваня.

Когда Зина с сестрёнкой вышла на усадьбу, в деревне было тихо и безлюдно. Только с шоссе доносился гул машин.

– Смотри, – дёрнула сестру за платье Галька.

Из картофельной борозды, пугливо озираясь, вылезло какое-то странное, взъерошенное существо.

– Иванушка... – прошептала Галька, едва узнав своего любимца.

Полузадушенный и полуощипанный петух с жалобным, хриплым клёкотом стал созывать своё семейство. Не сразу на его призыв откликнулась только молоденькая рябая курочка, да из-под сарая вышли белые, как одуванчики, малыши-цыплята, но без наседки.

– Зиночка! – окликнул кто-то из-за тына, и тут же над ним показалась черноволосая голова соседки Нины Азолиной. – К вам немцы не заходили?

– Нет, а к вам?

– Тоже нет... Слава богу!..

Раньше, когда Зина приезжала к бабушке, она часто забегала к своей ровеснице – весёлой и боевой Нине. Вместе они ходили на реку купаться, играли в волейбол.

– Ты боишься?..

– Очень!

– Я тоже... – призналась Нина. – Говорят, гитлеровцы на северо-западе замкнули кольцо окружения. Уже обратно возвращаются беженцы.

...В этот же день в деревне появилась новая воинская часть врага. В окно Зина видела, как солдаты заволокли улицу.

«Может быть, к нам не придут...», – со слабой надеждой думала Зина, но ошиблась. В сенях что-то загремело, распахнулась дверь, и в избу ввалился долговязый солдат в серой пилотке с металлическим орлом, в измятом кителе мышинового цвета, с автоматом на груди. Оставив дверь открытой, он, ни слова не говоря и будто никого не замечая, проследовал на кухню, стал шарить по полкам. Нашёл в корзиночке яйца, кусок сала, все это выгреб. Видя, что больше поживиться нечем, так же молча, ни на кого не глядя, вышел, толкнув локтем попавшуюся на пути бабушку и громко топая коваными ботинками. Он оставил после себя тяжёлый запах табака и давно не стиранного белья.

Так впервые Зина увидела в лицо заклятого врага советских людей.

Гитлеровец пришёл... Он мог сделать с ней, с Галькой, тётей Ирой, бабушкой что

угодно, и никакой защиты от него не было.

В этот день Галька больше уже не увидела своего любимца петуха.

– Немцы Ивана съели, – плача, объясняла она потом своей приятельнице, маленькой Любаше.

А Любаша все боялась, как бы немцы не съели и старого кота Ушастика, мирно дремавшего, свернувшись калачиком, на лавке, возле печки.

Вдвоём с Любашей Галька перенесла кота в лукошке на кухню и прикрыла сверху мешком, уговаривая его не вылезать.

Теперь ленинградцы и сами старались пореже выходить из дома.

А войска в деревню прибывали. Оккупанты располагались на постой, занимая лучшие избы. В ветхую избу бабушки Фроси немцы, к счастью, больше не заглядывали.

Порой в деревне раздавались выстрелы – солдаты стреляли в собак, охотились за уцелевшими курами. Весь вечер до поздней ночи на дороге урчали тяжёлые грузовики, слышалась чужая гортанная речь. Тиликали губные гармошки.

Глава вторая

Прошла неделя, другая... И вот однажды утром, когда семья собралась за столом, Галька, сидевшая у окошка, вдруг скатилась с лавки и бросилась к Зине:

– К нам полицаи идут... Прячь меня. Я боюсь.

– Уже... – Дядя Ваня побледнел. – Так я и знал. – Высокий, широкоплечий, с тёмными длинными волосами, зачёсанными назад, на первый взгляд он казался богатырём, однако впалая грудь и болезненный цвет лица выдавали съедавшую его чахотку. Тётя Ира кинулась было прятаться в кухню, но дядя Ваня остановил её, вскинув свою беспалую руку. – Бесплезно... От них не спрячешься. – И, вынув кiset с табаком, стал закуривать.

– Не к нам... – успокоил всех Лёнька, тоже подскочивший к окну. – Они к Азолиным пошли.

Тётя Ира, тяжело вздохнув, снова присела на лавку у стены.

– Зайдут на обратном пути, – предположил дядя Ваня, нервно затягиваясь сигаркой.

В избе установилось напряженное молчание.

И тут, словно нарочно, на середину избы вылез Ушастик и, усердно облизывая лапу, стал «замывать гостей».

– Это ещё что?! – застонала тётя Ира и вышвырнула кота за дверь.

Через несколько минут, громко топая, закрипели под тяжёлыми шагами половицы в сенях, и в избу ввалились двое полицаев с белыми нарукавными повязками.

– Здравствуйте!.. Гостей не ждёте? А мы вот к вам пожаловали... – заговорил, видимо, старший из них, лет пятидесяти, темноволосый, с уже тронутыми сединой висками и потому особенно резко выделяющимися смоляными усами на впалом лице.

Другой, помоложе, белобрысый, молча осматривался кругом.

Дядя Ваня освободил место за столом, пересел в угол, рядом с сестрой и Зиной.

– Проводим регистрацию всего населения, всех трудоспособных, – пояснил чернявый, удобно устроившись за столом с тетрадкой и карандашом в руках. Хозяйка дома? – Он оглядел бабушку. – Как зовут? Лет сколько?

– Ефросинья Ивановна Яблокова, – ответила бабушка. – А лет мне со дня рождения восемьдесят шесть... – И добавила: – Старая уже. Помирать пора.

– Ничего, поживёте ещё. Семья у вас большая?

– Десять сынков и дочек у меня было... – Она взглянула на дядю Ваню: Старшенький... А это... – указала на тётю Иру, – моя младшенькая.

– Точно отвечай! – грубо прервал её белобрысый. – Не приписывай чужих к своему семейству...

– Эх, Чиж, – пожевав губами, с укоризной произнесла бабушка, – ничего-то ты не смыслишь, хотя и наш односельчанин. Надел белую повязку, нацепил кобуру, а как был недотёпой, так и остался. Кого же я приписываю-то?

Белобрысый, которого бабушка назвала деревенским прозвищем, было вспыхнул, схватился за кобуру револьвера, но под успокаивающим взглядом другого полицая остыл.

Зина удивилась. Бабушка держалась с полицейскими очень свободно, очевидно, нисколько не боясь их. А Зина очень боялась. Она впервые так близко видела этих предателей и старалась понять: что же это за люди?

Теперь черноусый полицейский глядел на дядю Ваню.

– Как звать?

– Иван Яблоков, – неохотно пробурчал дядя Ваня.

Полицейский, записав, выжидающе глядел на него.

– Сорок два года... – добавил дядя Ваня, положив на колени свои изувеченные руки.

Зина не сомневалась, что полицейский спросит, где дядя Ваня потерял пальцы. Но полицейский, только мельком взглянув на его руки, сделал какую-то отметку в своём списке и уже строже спросил:

– Вы же не местный? Откуда прибыли?

– Как же не местный!.. – заспорил дядя Ваня. – Здесь, в деревне, я родился и вырос... – Из Ленинграда приехал с дочкой, к матери, на лето. И вот... застрял.

– А где в Ленинграде работали?

– На машиностроительном заводе.

– На Путиловском? – вдруг переспросил другой полицейский.

Очевидно, кто-нибудь из соседей уже сообщил им.

– Кажется, так раньше назывался, – слегка растерявшись, неохотно признался дядя Ваня.

– Ты говори правду, – предупредил его Чиж, – ежели преждевременно на тот свет не хочешь попасть.

– Я и говорю правду.

– Кто в Ленинграде остался?

– Жена и две дочери-школьницы, – ответил дядя Ваня, тяжело вздохнув и крепче прижимая к себе Любочку.

Записав дядю Ваню, усач полицейский обратился к тёте Ире:

– Ваша фамилия, красавица?

– Ирина Езовитова, – заметно волнуясь, ответила тётя Ира.

– Сколько лет?

– Тридцать четыре.

Усач полицейский не зря назвал тётю Иру красавицей. Среднего роста, стройная, со слегка изогнутыми бровями, с длинными густыми тёмно-русыми волосами, лежавшими волнами на плечах, а теперь небрежно собранными на затылке, она выглядела значительно моложе своих лет и была очень хороша собой. Зина отметила

про себя, что тётка умолчала о том, что из Ленинграда она не сразу попала к бабушке в деревню. На вопрос о муже и месте его работы ответила неправду, заявив, что муж беспартийный, остался в Ленинграде и работает бухгалтером в торговой организации.

Года своим детям почему-то немного убавила. Старшему Лёньке, сказала, десять, а Нестёрке – восемь.

– Смотри говори точно, – предупредил Чиж, подметив, что тётя Ира отвечает не совсем уверенно. Он сидел развалиясь, всё время курил, ежеминутно сплёвывая на пол. Сапоги его воняли дёгтем, а от самого разило потом.

Тётя Ира сделала возмущённое лицо, недовольно вздёрнула покатыми плечами.

«Все же тётя Ира хитрее своего брата», – подумала Зина.

Полицейский, оставив тётю Иру в покое, что-то записал в свою тетрадь. Зина ещё более насторожилась. Усач полицейский, прищурился глазами, теперь глядел на неё.

– А тебе, дочка, сколько лет?

Зину так и передернуло от слова «дочка».

– Четырнадцать, – сквозь зубы неохотно ответила она, не зная, говорить ли ему правду.

– Тоже из Ленинграда?

– Да...

Полицейский, доброжелательно глядя на Зину, вкрадчиво спросил:

– Комсомолка?

– Нет.

– Служивый, а служивый, – вдруг вмешалась в разговор бабушка, – ты наш, местный, али приезжий?

– Приезжий, из Полоцка, – ответил усач, недоумённо глядя на бабушку.

– Кончай... Нечего тут рассусоливать! – сердито бросил Чиж и, шумно поднявшись, вышел из избы.

Усач, медля вставать из-за стола, предупредил:

– Никто из вас, зарегистрированных, под угрозой сурового наказания не имеет права покидать или менять своё местожительство. – И тут же «посоветовал» дяде Ване и тёте Ире поскорее устраиваться на работу. – В противном случае, как не связанных с сельским хозяйством и нездешних, вас отправят в Германию, – предупредил он.

– Чувствительно благодарим, – вежливо отозвался дядя Ваня, приложив руки к груди.

Зину покоробили и его жест, и какие-то чужие, неискренние слова.

– Посторонних чтобы никого не пускать ночевать! За каждого случайного ночлежника голову потеряете. С партизанами тоже никаких связей не иметь!

– Сами понимаем, – покорно отозвался дядя Ваня, склонив свою длинноволосую голову набок и снова приложив руки к груди.

Подчеркнутая покорность дяди Вани, тон голоса, выражение его лица крайне удивили Зину. Таким он, кажется, раньше не был.

– Горюнович! – послышался за окном голос белобрысого.

– Сейчас иду, – отозвался усач, убирая свою тетрадь и вылезая из-за стола. – Ну, живите, не унывайте, – почему-то счел он своим долгом подбодрить присутствовавших.

Когда полицейский ушёл, дядя Ваня, закуривая самокрутку, сердито бросил ему вслед:

– Разговорчивый фараон. Жизнь веселит. Впасть теперь получил. – И тут же

пояснил: – Фараонами мы городских в царское время звали.

– Может, не все они звери, – отозвалась тётя Ира. – С виду доброжелательный, разговорчивый...

– Пока в руки к ним не попадешь, – уточнил дядя Валя. – Вот его спутник сразу виден. Наплевал, нагадил. А этот... маскируется под добрячка. Скользкий какой-то. И нашим, и вашим. – Дядя Ваня тяжело, с надрывом, закашлялся. – С этим... Горюновичем и разговаривать-то не знаешь как. Ухо остро нужно держать...

Вскоре после визита полицейских в избу к Ефросинье Ивановне Яблоковой дядю Ваню вызвали в комендатуру гестапо.

– Ну, – тревожно спросила тётя Ира, когда, вернувшись домой, дядя Ваня тяжело опустился на лавку, – зачем вызывали?

– Допрашивали, не коммунист ли я, чем теперь занимаюсь.

– А ты что ответил?

– Сказал как есть – в партии не состою. Показал им свои руки. К счастью, поверили, что производственная травма. Но приказали взяться за посильную работу и назначили бригадиром похоронной бригады. Сказали мне, что много теперь убитых наших в окрестных лесах, дожидаются погребения... Очищайте, говорят, окрестные леса от красной заразы. Чтобы ни одного трупа на земле не лежало. – Дядя Ваня вынул из кармана список бригады, который ему дали в комендатуре: – Одну молодёжь включили, начиная с четырнадцати лет. Тебя тоже, – кивнул он головой племяннице.

– Я не пойду, – затряслась Зина. – Я очень боюсь покойников.

Она только теперь сообразила, какую допустила ошибку, сказав полицейским, что ей четырнадцать лет.

– Глупая... – Дядя Ваня с сожалением глядел на племянницу. – Сама не пойдешь, так заставят или отправят и Германию, церемониться с тобой не станут.

– Не пойду, не пойду! – ожесточаясь, повторяла Зина и в конце концов расплакалась.

К ней подбежала Галька и испуганно прижалась.

Успокаивая рыдавшую Зину, тётя Ира стала упрекать брата, что не сумел отстоять племянницу.

– Благодарю бога, что и тебя не записали, – урезонивал сестру дядя Ваня. – И потом, как я понял, наших хоронить будем. Понимать должна. Наших!

...Утром на окраине деревни, возле колодца, собрались завербованные, с лопатами, топорами.

Заметив среди собравшихся своего двоюродного брата Володю Езовитова, Зина бросилась к нему:

– Володя, меня забирают, заставляют зарывать мертвецов.

– Меня тоже, – мрачно пробурчал Володя. Высокий, стройный, серьезный, он, как и Илья, казался Зине почти взрослым парнем, хотя они были почти ровесники.

– Можете отправляться, – сказал дяде Ване дежуривший здесь полицейский, когда собралось человек двадцать. – Доложишь вечером, кто как работал.

В ближнем лесу уже стали попадаться трупы. Но дядя Ваня, не останавливаясь, вёл свою бригаду вглубь, решив начать с дальнего леса.

С жутким любопытством Зина озиралась по сторонам.

Особенно много было трупов на обширной болотистой низине, заросшей кривым лиственным мелколесьем. Очевидно, на этом участке леса немцы, окружив советскую воинскую часть, обстреливали её из орудий, бомбили с воздуха: верхушки многих

берёз и осинника были начисто срезаны, чернели воронки.

– Смотрите себе под ноги! – предупредил дядя Ваня. – Как бы на мину не нарваться.

Чем дальше они углублялись в лес, тем сильнее преследовал Зину тошнотворный запах.

Пройдя ещё немного, дядя Ваня остановился.

– Вот отсюда мы и начнём... – сказал он. Достал из своей брезентовой сумки ворох разных тряпок и стал раздавать, советуя: – Завяжите нос и рот... легче дышать будет.

В болотной трясине чернели завязшие лёгкие орудия, зарядные ящики со снарядами, на лесной дороге валялись разбитые повозки, автомашины. И тут же рядом с военным имуществом в траве, на болотных кочках, на дороге и на полянах лежали скрюченные мёртвые люди.

– Ой-ой, сколько... и все наши, – раздался за спиной Зины сдавленный шёпот.

Увиденные здесь страшные следы смерти потрясли Зину. Руки, державшие лопату, тряслись.

А вокруг зеленела густая трава, нежные полевые цветы прикасались к застывшим лицам убитых. Краснела крупными спелыми ягодами лесная земляника, словно трава и зеленый мох были забрызганы кровью.

После долгих часов тяжкой работы бригада возвращалась домой. Шли, растянувшись длинной цепочкой.

Некоторые ребята тайком прихватили найденные винтовки, пулемётные ленты...

Зине показалось, что дядя Ваня только делает вид, что ничего не замечает. Сама она шла, пошатываясь от охватившей её слабости, удручённая и опустошенная.

Через несколько дней, когда похоронная бригада закончила работу, дядя Ваня, отметившись в комендатуре, вернулся домой в хорошем настроении.

– Местные власти к нам теперь относятся благосклоннее, – сообщил он тёте Ире.

– Выслуживаешься! – сквозь зубы процедила она.

На этот раз покладистый, спокойный дядя Ваня не стерпел.

– Приходится... А почему – сама соображай: нас занесли в список лиц, которых собирались отправить в лагерь, а теперь разрешили жить в деревне. Раз-ре-ши-ли... Думаешь, тебя, жену коммуниста, они помилуют?.. Ты почему-то не хочешь понять, что плетью обуха не перешибёшь. Не понимаешь, в какой обстановке мы живём. Мне моя жизнь не дорога, мне осталось немного... Видишь, что творится вокруг? Находимся, словно в мясорубке... убивают, расстреливают. Главное – детей уберечь. Ведь страну после войны им, молодёжи, придётся восстанавливать.

Вечером Зина тихо сказала тёте Ире:

– Дядя Ваня опять кашляет с кровью.

Изменившись в лице, тётя Ира ничего не ответила.

Глава третья

Зина подошла к калитке и остановилась, опешив: мимо избы под конвоем гнали пятерых босых красноармейцев в расстёгнутых, без ремней, гимнастёрках. Очевидно, их захватили где-то поблизости, в лесу.

– Сестрёнка, попить бы, – прохрипел один из них, когда конвоиры на минуту остановились.

Зина метнулась за водой, но за спиной прогремел выстрел, и просивший пить, худощавый, измождённый парнишка, свалился на землю. Остальных немцы погнали

дальше.

Испуганная Зина вбежала в избу.

– Опять изверги убивают. – Бабушка перекрестилась.

Тётя Ира поспешно спряталась на кухню.

Вскоре прибежали где-то пропадавшие Лёнька и Нестёрка – «братья–разбойники», как их прозвали родные за многочисленные проказы, – и, всхлипывая, сообщили:

– Четверых наших пленных у кладбища расстреляли...

Смерть становилась обычным явлением в Зуе: почти каждый день гитлеровцы расстреливали советских людей. Жители старались как можно реже появляться на улице. Поэтому, когда через несколько дней под окнами избы Яблоковых послышались крик и шум, Зина и тётя Ира побоялись выйти на крыльцо. В раскрытое окошко они увидели полицейского Чижа, который, размахивая револьвером, допрашивал двух женщин и девочку-подростка:

– Кто такие?.. Куда бежали?..

Женщины что-то испуганно отвечали ему. Смуглолицая девочка с небольшим вещевым мешком за плечами молчала.

– Ты шагай своей дорогой, – наконец разрешил полицай девочке, а женщин, подталкивая в спину, повел к станционному посёлку. – Там разберемся, кто вы такие, – слышала Зина уже издали его по-бабьи визгливый голос.

Голубоглазая смуглянка лет двенадцати, босая, в запылённом ситцевом платье, тяжело дыша, присела рядом с тыном на бревнах. Тонкие плечи вздрагивали.

– Хлебушка у вас не найдётся? – обратилась она к тётке Ире. И тут же пояснила: – Мы испугались, побежали, а он и разъярился. Вредный!..

Зина вынесла из избы небольшой кусок хлеба.

– Спасибо! – поблагодарила девочка, низко, по-деревенски кланяясь. Хлеб она есть не стала, аккуратно завернула в платочек и спрятала. – Забрали моих попутчиц, – со слезами на глазах пожаловалась она... – Что теперь делать? Одной несподручно идти.

Из избы выбежали Галька, Лёнька и Нестёрка, окружили девочку.

– Ты откуда? – участливо спросила тётя Ира.

– Издалече... Нас страшно бомбили... Мы прятались в канавах, в овраге. Наш детский дом сгорел. А мы, все девчонки и мальчишки, разбежались. Немцы пришли... Мою подружку Раечку убили... Осталась я одна. С этими женщинами по дороге я познакомилась. Вот теперь забрали и их...

Диковатые глаза на не по-детски серьёзном лице девочки сверкали каким-то горячным блеском. И говорила она неестественно бесстрастным, спокойным голосом.

– А теперь куда путь держишь? – продолжала расспрашивать тётя Ира.

– Как куда?! В Пушкино, под Ленинград. Там у меня двоюродная сестра живёт.

Тётя Ира и Зина изумлённо переглянулись.

– Как же ты... так пешком и пойдёшь? – недоверчиво переспросила тётя Ира.

– Где к машине прицеплюсь, а где поездом. А то и пешком. Я сильная, как-нибудь дойду.

– А фронт как ты перейдёшь?

– Я маленькая... Незаметно как-нибудь проскочу. – В её голосе была такая непоколебимая уверенность, что Зина и мальчишки смотрела на неё с невольным

восхищением.

– А ты не боишься? Вдруг убьют по дороге? – Тётя Ира пытливо посмотрела на девочку.

Та потупилась.

– Меня уже убивали, но не убили... А смерти я не боюсь, только пугаюсь.

Стоявшая рядом с Зиной Галька вдруг встрепенулась и дёрнула сестру за платье:

– Пойдем и мы?

– Куда?

– Домой, к маме... в Ленинград.

Зина обняла Гальку, крепко прижала к своей груди.

Беженка неохотно встала, вскинула на плечи вещевой мешок и, ещё раз поблагодарив за хлеб, медленно побрела к большаку.

– Да-а... решительная девчонка, – вздохнула, глядя девочке вслед, тётя Ира. – Не то что мы – нытики.

Разговор с голубоглазой смуглянкой поднял новую сумятицу в душах растерянных ленинградцев.

– Нужно и нам уходить... – настойчиво предлагали мальчики матери.

– Неразумные... Разве хватит у нас сил... Местные беженцы на подводах да на машинах и то вернулись. Слышали, вон Дементьевы, к которым дядя Ваня с Зиной ходили, уехали было на подводе, а пришлось вернуться...

Возражала тётя Ира как-то неуверенно, словно сама сомневалась в своих доводах. Очевидно, её сыновья это подметили. Ходили они по усадьбе вдвоём, обнявшись, о чём-то долго шептались, а перед вечером Нестёрка подошел к Зине:

– Выйди на усадьбу... разговор есть.

Лёнька сидел у липы и держал на коленях вырванную из учебника карту европейской части Советского Союза. Тут же на луговине лежали сумка от противогаза, котелок, алюминиевая фляжка, складной нож в деревянной оправе.

– Решай, Зинка, пойдёшь с нами или нет?

– Куда?!

– Неужели не соображаешь?.. В Ленинград.

– Пойду! – вырвалось было у Зины.

– Только гляди не проговорись об этом нашей маме, тогда все сорвётся.

Нестёрка для убедительности потряс головой, растрепав свой длинный чубчик, отчего стал похож на взъерошенного галчонка.

– Надо подумать... – ответила Зина уже уклончиво. Предложение уходить тайком охладило ее пыл. – А Галька как же? Она тоже с нами пойдёт?

Нестёрка нахмурился.

– Не-ет, – протянул он, – она маленькая. С нашей мамой пусть останется.

– Разве можно Гальку брать с собой? – поддержал брата спокойный, медлительный Лёнька, который во всем подчинялся бойкому, ловкому на разные выдумки младшему брату. И, видя, что Зина молчит, нетерпеливо спросил: – Ну как, согласна?

– Завтра утречком и пойдём, – уточнил Нестёрка.

– Вот что, братья мои дорогие, без Гальки я не тронусь с места, поняли?

Растерянные братья отошли в сторону. Недолго пошептавшись, вернулись.

– Ладно уж, бери Гальку. Морока с ней. Но, смотри, точка и могила! – Вытаращив глаза, Нестёрка произнес своё устрашающее заклинание.

При упоминании о могиле Зину слегка передёрнуло. Она почувствовала, что разговор с мальчишками становится каким-то нелепым. Одна бы она, не задумываясь, пошла куда угодно. Теперь, когда началась война и многое пришлось пережить и испытать, она уже не боится, как прежде, ни темноты, ни бомбёжки, ни покойников. Но уходить тайком от своих! Заставить переживать тётю Иру и бабушку!

– Ты, никак, уже сдрейфила? – Нестёрка пытливо вглядывался в Зинино лицо. – Мы ж Гальку берём.

Братья, насторожившись, смотрели на Зину.

– Ты смотри никому ни гугу! Особенно матери и дяде Ване... Не выдашь нас? – забеспокоился Нестёрка.

– Не беспокойтесь, не выдам.

– Дай честное пионерское! – потребовал Нестёрка.

И Зине пришлось дать им честное пионерское слово. Какова же была её растерянность, когда на следующее утро тётя Ира спросила:

– Ты что, с моими мальчишками собираешься уходить в Ленинград? – Она пытливо смотрела на Зину.

«Всё, догадалась! Всё знает!» – смущённо вспыхнув, подумала Зина.

– Когда тебя старшие звали, ты отказалась. А теперь что? – выговаривала ей тётя Ира.

Зина выскользнула из избы, разыскала на усадьбе ребят.

– Никуда я не пойду. – С укором взглянула на них: – Тётя Ира все уже знает. Сама догадалась, что вы бежать решили.

Как-то за ужином дядя Ваня сообщил, что в посёлке оккупационные власти начинают отбирать у населения скотину, и выразил опасение:

– Как бы и к нам не нагрянули.

Он будто напоролил.

Утро следующего дня началось в деревне суматохой.

Реквизировали скот в первую очередь в семьях, где были коммунисты или воины в Красной армии. Пришли полицейские и в избу к Ефросинье Ивановне. Старший из них, высокий, бравый, светловолосый, с маленькими заплывшими глазками, со списком в руках, заорал в сенях:

– Ефросинья Яблокова кто будет?

– Это я... – Бабушка поспешно вышла навстречу, вытирая мокрые жилистые руки о фартук.

– Пришли, бабка, за твоей коровой. Всем нам, белорусам, нужно всемерно помогать доблестной германской армии. Кончится война, тебе другую корову выделят.

Лицо Ефросиньи Ивановны потемнело.

– Не дам! – сказала она резко.

– Как это не дашь? – изумился старший полицейский со списком в руках.

– Не дам, и всё!

Вслед за бабушкой вышли дядя Ваня, тётя Ира, выбежали ребята. С испугом смотрели они на полицейских и немецких автоматчиков, заполнивших сени и крыльцо перед домом.

– Ну-у, бабка, ты не ерепеняйся! – прикрикнул полицейский. – Добром не отдашь, сами возьмём. – И распорядился: – Выводи корову!

Немцы вышли за калитку, а один из полицейских, спустившись со ступенек,

направился в сарай за коровой.

– Не уводите. Видите, сколько детей у нас? – одновременно со слезными причитаниями бабушки стал просить было и дядя Ваня, подступая к полицейскому, который, широко распахнув ворота, выводил корову, набросив ей на шею поводок.

Один из гитлеровцев, нацелив на дядю Ваню, а затем на тётю Иру свой автомат, заставил их отступить, угрожающе крикнул, коверкая русские слова:

– Пуль! Пуль... стрелять!

Выскочив вслед за взрослыми и ребятами из избы, Зина в нерешительности остановилась у крыльца, всё ещё не веря, что Белокопытку, которую она помнила с давней поры ещё игривой, рыженькой тёлочкой, с которой так потешно было забавляться, уведут навсегда.

Пока полицай отталкивал бабушку, Белокопытка вырвалась и устремилась обратно во двор. Полицейский догнал её, снова накинул верёвку на шею, и Белокопытка пошла на поводу, недовольно мотая головой и упираясь.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Девочка-подросток в пёстром платье бросилась к полицейским, растолкав их, вырвала из рук оторопевшего полица веревку и, обхватив корову за тёплую шею, закричала тонким, прерывающимся голосом:

– Не дадим! Не дадим!.. Мы все с голоду подохнем... Не отдадим!

Мальчишки, следуя примеру Зины, тоже подбежали к корове и, обхватывая её руками, старались заслонить от полицейских. Те, грязно ругаясь, стали отталкивать ребят. Один из полицейских, пытаясь вырвать из рук Зины поводок, споткнулся, едва не упав, и сшиб маленькую Любашу.

Возле избы уже собрался народ. Слышались голоса:

– У бабки Яблоковой корову забирают...

А Зина, подхватив на руки заплаканную маленькую Любашу, подскочила к немецкому офицеру, стоявшему поодаль и с холодной надменностью наблюдавшему эту сцену.

– Оставьте нам корову, господин офицер!.. Чем мы Любочку будем кормить. Оставьте...

Офицер недовольно сморщился, повернулся медленно к полицейским, солдатам, махнул рукой и громко по-русски произнес:

– Оставить...

И, отстранив Зину, вышел с усадьбы на улицу. Вслед за ним к калитке направились солдаты и полицейские.

– Германское командование, проявляя гуманность, в виде исключения, сжалилось и дарит вам корову! – счёл нужным напоследок сообщить переводчик, обращаясь к бабушке.

А Зина, все ещё не веря в то, что у нее хватило смелости отстоять Белокопытку, присела на завалинку, стараясь успокоиться, чувствуя, как обессиленно дрожат у неё руки и ноги.

Глава четвёртая

О контрнаступлении Красной армии, которого жители деревни с таким нетерпением ждали, уже не было разговора. Все понимали: на фронте происходит что-то неожиданное и страшное, раз гитлеровцы так быстро оказались за сотни километров от границ – в районе Витебска и Полоцка.

Немецкие сводки, расклеенные на заборах, сообщали об огромных успехах

гитлеровских войск, которые уже находятся под Ленинградом и на пути к Москве, о том, что Красная армия окончательно разбита и в руках «доблестных войск фюрера» сотни тысяч пленных.

«Неужели это все правда?» – с ужасом думала Зина, и её сердце тоскливо сжималось. Утешала надежда, что отец и мать не в оккупации, остались в Ленинграде. Она теперь избегала говорить с тётёй Ирой о Ленинграде, напоминать ей о родных. Видела: тётя Ира очень страдает, предчувствуя, что погиб муж.

– Преждевременно хоронишь, – старался успокоить её брат. – Он железнодорожник, с каким-нибудь эшеленом, наверно, пробился к своим. Это мы с ребятами здесь застряли.

Хотя и сам дядя Ваня с каждым днём становился мрачнее, теперь он уже часто вслух задавал себе терзавший его вопрос: как это он, участник Гражданской войны, так опростоволохился, остался в деревне?

Пожалуй, единственным членом семьи, не потерявшим бодрости, живости, не впавшим, как остальные, в отчаяние, была бабушка. «Что людям, то и нам!» – откликнулась она своей обычной поговоркой, когда возникал какой-либо тревожный разговор. Её явно утешало, что в избе так много близких и она не одна.

Общительный, разговорчивый дядя Ваня, не в пример сестре и племяннице, дома долго не засиживался, всё чаще стал навещать соседей, уходить в посёлок.

Зине казалось странным, что дядя Ваня не только охотно вступал в разговор с любым встречным, но и общался с полицейскими, даже угощал их махоркой. Спрашивал, сколько они получают за свою службу, как относятся к ним гитлеровцы. А когда тётя Ира упрекнула его, что ведет он себя с полицией слишком панибратски, дядя Ваня заявил:

– Я правду ищу. Живём мы теперь, как кроты в норе. Нет у нас ни газет, ни радио. Разговаривая с ними, что-нибудь новое узнаю.

Однажды, вернувшись из посёлка, он сообщил:

– Немцы уже не так ретиво хвастаются своими победами. Есть слух, что наши под Смоленском сильно им по зубам дали. Значит, наши уже задерживают гитлеровцев, не дают им ходу дальше. – Помолчав, добавил: – В станционном посёлке беспокойно. На днях подожгли склад с хлебом, развинтили рельсы на узкоколейке, оборвали провода телеграфной связи.

«Значит, есть люди, которые не хотят покоряться гитлеровцам», – обрадовалась Зина.

От дяди Вани она узнала, что в станционном посёлке появилась полевая жандармерия.

– На рукаве у них череп со скрещёнными костями. Говорят, эти страшнее гестапо. Расстреливают без допроса.

Однажды дядя Ваня вернулся из поселка не один. К большой радости домашних, привел двоюродную сестру Зины – Ниночку Давыдову.

– Вот встретил Нину, наше Солнышко... – сказал он, пропуская вперед круглолицую светловолосую девушку с короткой стрижкой, в измятом дорожном платье и рваных ботинках.

Весной в Ленинграде Нина, которую в семье с детских лет ласково называли Солнышком, вышла замуж за военного лётчика и сразу же уехала с ним в пограничную воинскую часть.

– Ниночка!.. И ты с нами?.. – бросилась к ней бабушка, обнимая и целуя.

Поздоровавшись, Нина устало опустилась на лавку.

– С вами... с вами, – повторяла она, привлекая к себе и нежно целуя Любашу и Гальку. – Ой, как я только уцелела, как добралась до Оболи, и сама не знаю!.. – принялась рассказывать она за чаем о своих мытарствах в пути.

Зина очень любила свою двоюродную сестру. Хотела походить на неё. Смелая и решительная, Нина лихо ездила и на велосипеде, и на мотоцикле, не боялась одёрнуть хулигана. И теперь у Зины мелькнула надежда: «Может, с приездом Солнышка жизнь в Зуе станет не такой унылой?»

Но Солнышко жить у бабушки отказалась, понимая, как тесно в избушке. Поселилась в соседнем поселке торфозавода, в пустовавшей комнате рабочего жилого барака.

– Боюсь я за Солнышко. Жена военного лётчика, заберут ее немцы, – беспокоился дядя Ваня.

На всякий случай строго внушат ребятам ни с кем не говорить о своей родственнице. Бабушку дядя Ваня тоже предупредил:

– Ни слова...

– Разве я не понимаю... – ворчала Ефросинья Ивановна. – Что я, уж такая глупая!

Вскоре дядя Ваня явился очень встревоженным.

– Оказывается, наша соседка, Нинка Азолина, в комендатуру гестапо поступила.

Все были ошеломлены, и, пожалуй, больше всех Зина. Было просто непостижимо, как это комсомолка Нинка Азолина могла пойти работать на немцев! Синеглазая, разговорчивая Нинка, обладавшая столькими талантами – умела и петь, и играть на гитаре, – в которую она, Зина, просто была влюблена, вдруг стала предательницей!

Жизнь в Зуе становилась с каждым днём труднее. Приходилось экономить всё. Спать вынуждены были ложиться в сумерках: керосин не достанешь ни за какие деньги. Утро для Ефросиньи Ивановны начиналось с тревожной заботы: как и чем накормить своих жильцов?

– Обьедаем мы тебя, – первым вслух высказался дядя Ваня, когда они за обедом хлебали пустые щи.

– Обьедаем, а что же делать? – согласилась с ним тётя Ира и машинально положила на стол кусок хлеба.

Все за столом примолкли, даже ребята.

– Доится ещё Белокопытка... – попыталась утешить их бабушка. Как-нибудь проживём. Бог не без милости.

Сама она, даже не пробуя молока, всё отдавала детям. Взрослые сидели на овощах.

Картошка на огороде была рано вырыта и почти наполовину съедена.

Оккупационные власти не торопились с раздачей земли в личное пользование населения. На месте колхозов были созданы общинные хозяйства. Многие в деревне ходили теперь в поле рыть общинную картошку. Рыли осторожно, с оглядкой, поскольку урожай с общинного хозяйства должен был поступать в закрома оккупантов.

После обеда дядя Ваня скомандовал:

– День сегодня погожий, солнечный, айда урожай снимать! – и, захватив с собой мешок и маленькую лопату, отправился в поле.

– Мы тоже сейчас двинемся, – сказала тётя Ира, разыскивая, во что обуться. Она ушла одна, чтобы не привлекать внимания полицаев, вслед за матерью ушли Лёнька и

Нестёрка.

Зина с Галей отправились в другую сторону.

– Нароем много-много, – мечтала Галька, бодро шагая нога в ногу с Зиной. Со старшей сестрой она готова была идти куда угодно.

Картофельное поле с уже тронутой морозом почерневшей ботвой пестрело многочисленными проплешинами. В этих местах картофель был вырыт, оставались только мелкие кусты. Сестры усердно принялись за работу. Зина маленькими вилами, приподнимая, выворачивала пласт земли с ботвой, а Галька, ползая на коленях, обрывала от ботвы клубни и бросала их в мешок. Но ей это занятие быстро надоело. Она бросала уже лениво, неохотно.

– У меня руки болят, – ныла она.

– Ещё немного нароем – и домой, – уговаривала Зина сестрёнку и вздыхала: – Мелочь одна попадает, крупную до нас собрали.

Они работали рядом с опушкой. Вдруг кустарник зашелестел, и раздался мужской хриловатый голос:

– Девочка, а девочка!..

Зина испуганно обернулась. Из кустарника выглядывала черноволосая голова в пилотке со звездочкой.

– Не бойся, мы свои. Подойди поближе.

Зина выпрямилась, с вилами в руках нерешительно сделала несколько шагов. В кустах стоял красноармеец в гимнастёрке, затянутой ремнём, но без оружия. «Наверное, окруженец», – сразу же определила Зина. К ней подбежала Галька.

– Девчушки! Вдали что за дорога? Куда она ведёт?

– На Полоцк, а в другую сторону – на Витебск, – сразу же отозвалась Зина, в то время как Галька, прищурив глаза, с любопытством рассматривала незнакомца.

– Вы кто, дядя? – робко спросила Галька. – Не полицай?

– Нет, девчурка, нет, – улыбнувшись, успокоил её красноармеец.

Зина, вспомнив предостережение дяди Вани о переодетых полицейских, пытливо разглядывала человека в красноармейской форме, совсем ещё юного, с измученным, усталым лицом. Из кустарника к ним вышел другой, в такой же форме, но с малиновыми кубиками в петлицах гимнастёрки. Этот, заросший рыжеватой бородкой, выглядел постарше.

– Колхозница? – строго осведомился он и, не дожидаясь ответа, стал расспрашивать, находятся ли в окрестных деревнях немецкие гарнизоны и как можно перебраться через реку, есть ли поблизости лодка или брод.

Зина отвечала уклончиво. Ей очень хотелось помочь красноармейцам, и в то же время возникшее подозрение заставляло отвечать на их вопросы неопределенно, по существу, отмалчиваться.

– Ты что, не местная, приезжая? – догадался, наконец, рыжебородый.

Зина, вздохнув, кивнула головой:

– Из Ленинграда мы... Приехали на каникулы и застряли с сестрёнкой в деревне.

– Значит, приезжая?... Ты меня не бойся. Я ведь тоже из Ленинграда.

– А где вы там жили? – встрепелась Зина.

– Ишь ты какая... Допрашиваешь? – Военный улыбнулся, и строгое лицо его с заметными рябинками на щеках сразу стало привлекательным, добродушным. Возле Нарвской заставы. Знакомо тебе это место?

– Ой, как же! – невольно вырвалось у Зины. «Очевидно, говорит правду», –

подумала она, успокаиваясь, но все же спросила: – А на площади что стоит?

– Триумфальная арка стоит, да не бойся, девочка. Мы свои. Ты вот что, раз моя землячка-ленинградка, помогла бы нам переправиться через реку. Раненые есть у нас и больные. Помогла бы, а?.. Где лучше и безопаснее, можешь указать?

– Могу, – вспыхнула радостью Зина, сразу уверившись, что перед ней свои. Теперь казалось слишком свойским русское, открытое голубоглазое лицо этого военного с мягким, немного окающим говором. – Тут кругом немцы, – предупредила Зина, воткнув вилы в землю и держа за плечи перед собой прижавшуюся Гальку. – В Оболи – это стационарный посёлок – большой гарнизон. К линии железной дороги и к шоссе не выходите – там охрана...

Зина рассказала красноармейцам всё, что было ей известно. И условилась, где она вечером будет их ждать.

Когда красноармейцы скрылись в лесу, Галька спросила:

– Будем рыть или пойдём домой?

– Ещё немного пороем и пойдём, – ответила Зина, все ещё находясь под впечатлением встречи. Было необычайно радостно, что она встретила своих, что воины Красной армии доверились ей, девчонке, и попросили помощи. – Ты не вздумай своим подружкам на улице болтать, что мы встретили красноармейцев, – предупредила она сестренку. – Болтают только предатели.

– Нет! Я буду молчать, – с очень серьёзным лицом ответила Галька. – Что я, маленькая?!

Когда сёстры вернулись домой, в избе никого, кроме бабушки и Любаши, ещё не было.

– Пришли? Родные вы мои, – засуетилась бабушка.

Галька не замедлила похвастаться:

– Полную корзинку мы нарыли.

– Что-то наших долго нет, – беспокоилась бабушка. – Не забрали бы их! Лютуют полицаи...

Но тут за окном появились мальчики и за ними тётя Ира, все тоже с грузом.

– Нужно рыть теперь каждый день, – сказала тётя Ира, устало сбрасывая мешок, – пока погода стоит. Завтра снова все пойдём.

– Хорошо, – рассеянно ответила Зина: её тревожила новая забота.

Ей хотелось посвятить в свою тайну дядю Ваню, посоветоваться, попросить помощи. Но он всё не появлялся. А времени терять было нельзя.

– Я скоро приду, – предупредила Зина тётю Иру и пошла к реке, огибающей полукругом деревню.

От недавних дождей Оболь стала шире, разлилась в низинах. Зина знала один брод. Но он слишком близок к мосту, охраняемому немцами днём и ночью. Рядом с мостом чернеют неошкуренные штабеля бревен. На лесопилке под надзором гитлеровцев работают пленные. К лесопилке близко подходить нельзя: застрелят. На берегу, в кустарнике, полузатопленная лодка, но о ней нечего и помышлять. На виду она у охраны, да и, возможно, дырявая. Сгоряча пообещав красноармейцам помочь, она не знала, что теперь делать. Спросить у людей, где другой брод, – сразу же выдашь себя. И вдруг Зину озарило. Илья! Двоюродный брат Илья! Вот кто может помочь! Он комсомолец. Ему можно раскрыть тайну. И она помчалась к Илье.

У перекрёстка дорог замерла: на телеграфном столбе с оборванными проводами белел свежий приказ комендатуры гестапо:

«Предупреждаем: за помощь красноармейцам разбитых советских войск, блуждающих теперь в окрестных лесах и болотах, – расстрел. Сообщайте местным властям об их местонахождении и лицах, помогающих им».

Илью Зина обнаружила возле сарая. В избе у них квартировали солдаты, и Илья старался туда почти не входить. Он усердно обрабатывал толстый обрезок бревна. В его умелых, привычных к топору и лопате, вилам и молотку руках с каждым ударом тесло послушно вырубало мягкую сердцевину, образуя широкую щель. Илья сказал Зине, что хочет спрятать в этом бревне винтовку, которую летом принёс из лесу. Отложив тесло на длинной ручке в сторону, Илья вытер рукавом ситцевой рубашки загорелый потный лоб.

– Ты что, Зинок, такая взволнованная? – спросил он, заметив по лицу Зины, что её привели к нему какие-то необычные обстоятельства. – Что-нибудь случилось у вас?

– Дело есть, Илюша... – немного поколебавшись, вымолвила Зина. – Но это тайна. Чтоб никому больше ни слова. Понятно? Большая тайна.

Необычная для Зины скороговорка выдавала её глубокое волнение.

– Говори! – Илья загорелся любопытством.

Они отошли в сторону и присели на бугорок. Зина шёпотом рассказала Илье о своей встрече с красноармейцами.

– Поможешь? – спросила она.

– Какие могут быть разговоры! – с готовностью согласился Илья и стал забрасывать Зину вопросами: сколько окруженцев? вооружены ли они и где она условилась встретиться с ними? не разболтала ли она кому-либо об этой встрече?

– Ты что? Разве можно? Очень боюсь за Гальку, она может проболтаться.

– Придётся пригласить Володьку и Женьку... Втроём мы справимся... Ты чего нахмурилась?

– А мне, что же, прикажешь возвращаться и сидеть дома? – Лицо Зины потемнело от обиды.

– Ну, хорошо, я не возражаю, чтобы и ты шла.

– А может быть, я возражаю доверять другим. Ты об этом подумал?

– Ишь ты! – растерялся Илья. – Кому не доверяешь, мне?.. Володьке? Твои, что ли, красноармейцы?

– Мои... и не спорь. Обойдусь и без вашей помощи. Не воображай много о себе.

– Я не воображаю. Но вдвоём нам с тобой не справиться. Пойми ты, девчоночья твоя голова, плот надо сколачивать... Неужели ты своим братьям не доверяешь?

– Доверяю. И Женьке доверяю. Но мне, Илюша, обидно, что ты хочешь меня отстранить. Думаешь, если я девчонка, то ни на что не способна?.. Ты только не сердись, Илюша. – Она погладила его по руке. – Я всем говорю правду в глаза. Ты это знаешь. И давай больше не спорить, лучше пойдём посмотрим на реку.

Зина явно брала руководство в свои руки. Илья подчинился.

Они отправились к Оболи.

– Искать брод не будем, – предложил Илья. – Нынешний год везде глубоко. Нужно найти глухое место, с кустарником по берегам.

Навстречу попались двое полицейских. Они шли по тропинке берегом реки. Илья обнял Зину за плечи, изображая прогуливающуюся парочку.

Полицейские прошли, не обратив особого внимания на стоявших в обнимку на берегу реки парнишку и девчонку.

Когда полицейские скрылись из виду, Зина и Илья продолжили путь.

На пригорке, рядом с глухой просёлочной дорогой, они заметили кучку еловых кругляшей, очевидно заготовленных для мостика.

– Пригодятся, – по-хозяйски оглядев их, определил Илья. На глаз промерил ширину реки: – Всё. Подготовку плота я беру на себя. Во сколько встречаемся?

– Встречаемся в девять вечера, – ответила Зина и торопливо пошагала домой.

– Где ты так долго пропадала? – поинтересовалась тётя Ира, едва Зина переступила порог.

Зина растерялась: что ответить? А ведь предстоит снова уходить на весь вечер. И она решила посвятить домашних в свою тайну.

– Ты что, с ума сошла? – побледнев, всплеснула руками тётя Ира. – А если на полицаев нарвешься? Сама идёшь на смерть и всех нас в петлю... Да и чем ты там можешь помочь? Никуда я тебя не пущу.

– Ну как же!.. Меня люди будут ждать, а я подведу...

– Не пущу! – решительно повторила тётя Ира. – Пойми, перед твоей матерью я за тебя головой отвечаю.

Дядя Ваня, подойдя к племяннице, угрюмо сидевшей в углу, положил свою тяжелую руку ей на плечо.

– Я тебя, Зина, понимаю. Но ты учти, у тебя сестрёнка. Ты же не одна... Ты понимаешь, какая опасность тебе и всем нам угрожает?

– Я пойду... – упрямо повторила Зина.

– Иван, что же ты молчишь? – воскликнула тётя Ира. – Запрети ты ей... Вразуми!

Влетевшие в избу «братья-разбойники» заставили взрослых прекратить разговор. Поужинав, Зина молча стала собираться.

– Иван, чего же ты смотришь? – снова не выдержала тётя Ира.

Дядя Ваня вместе с Зиной вышел из избы на крыльцо. За ними последовала и тётя Ира.

– Если ты так настаиваешь, то пойдём вместе, – предложил дядя Ваня племяннице.

– Только тебе с твоим кашлем туда идти! – запротестовала тётя Ира. Тебя не только на том берегу – в Витебске услышат.

– Не бойтесь за меня. Я не одна. Со мной наши деревенские ребята... – как могла, пыталась успокоить родных Зина, но называть имена своих помощников не стала.

– Что ж, иди!.. – наконец уступил дядя Ваня, тяжело вздохнув.

Тётя Ира проводила племянницу до дороги, обняла, поцеловала.

– Будь осторожна! – прошептала она трясущимися губами.

Моросил дождь. Низко нависли облака. «Хорошо!» – радовалась рано наступившей темноте Зина, осторожно шагая по тропинке.

Илья, как уговорились, встретил её у прогона. С ним были и Володька с Женькой, в дождевиках и сапогах. Зина в своём легком городском плаще уже начала промокать. Но холода она не чувствовала.

– Где же твои подшефные?.. Много их?.. – спрашивали ребята, обступив Зину.

– Там, где им полагается... – уклончиво отозвалась Зина. Ей не понравилось, что ребята хотят сразу все знать: – Стойте здесь! – приказала она Володе и Жене. Сама вместе с Ильёй пошла к кустарнику, откуда навстречу уже выходили красноармейцы.

Объяснив командиру, что реку теперь вброд не перейдёшь, ребята повели красноармейцев к излучине реки, показав, где спрятан заранее подготовленный плот.

– Молодцы! – похвалил командир. – Вижу, у вас всё уже готово.

Красноармейцы подняли плот, перенесли к реке, опустили на воду.

– Четверых выдержит? – спросил один из них.

– Выдержит и пятерых, – ответил Илья и стал привязывать к плоту верёвку.

Володя с Женей вытащили из кустарника жерди. Из ближнего леса подходили остальные красноармейцы. Их оказалось много.

«Человек пятьдесят, не меньше», – подумала Зина.

По распоряжению командира в разные стороны ушли дозорные.

Зина напряженно вглядывалась в темноту. Пологий берег реки, мокрый кустарник. Небо завешено сеткой холодного, морозящего дождя. Зина вздрагивала от всплесков воды – казалось ей, очень громких, – когда на собранный из еловых бревнышек плот взбирались человек по пять красноармейцев и, отталкиваясь от берега шестью, уплывали на противоположную сторону. В сторону тёмного леса страшно даже смотреть: кажется, что оттуда бесшумно подкрадываются немцы... Но рядом свои, в их руках винтовки... Тут же по колено в воде суетятся Володя, Женя, Илья. Они стараются стащить перегруженный плот с мелководья. Зина тоже включилась в работу: стала помогать отводить на плот раненых. Она старалась не замечать, как в её резиновых ботиках хлюпает вода. На носилках пронесли на плот тяжелораненого. Зина не удержалась, подскочила к носилкам, поправила сползавшую шинель с двумя ромбами в петлицах. Когда на берегу оставалось только несколько человек, к Зине подошел командир:

– Спасибо тебе, девчушка, выручила! Большое красноармейское спасибо. И, по-отечески обняв, крепко поцеловал Зину. – Как тебя зовут-то?

– Зина Портнова. – Она подняла на командира засиявшие глаза и, осмелев, попросила: – Не отдавайте немцам Ленинград.

К ним подошли ребята. Командир каждому пожал руку:

– Спасибо вам. Огромное спасибо! Мы вернёмся. Соберёмся с силами и вернёмся. Не дадим врагу поганить нашу землю.

Командир с тремя бойцами переправился на плоту последним.

Ребята на берегу остались одни, только теперь Зина ощутила, как она продрогла, зуб на зуб не попадал. Женя набросил на её плечи свой пиджак, изнутри он был ещё сухой, тёплый. Ребята напряженно вглядывались в водную гладь. И когда заметили плывущие по течению бревна от плота, облегченно вздохнули.

Слабо брезжил рассвет. Расходились поодиночке. Зина категорически отказалась, чтобы её провожали. Ребята всё же незаметно проследили, пока она не перелезла через изгородь...

Зина явилась домой промокшая до нитки, измазанная в песке, глине. Хорошо, что калитка оказалась незапертой, не нужно стучать... Тётя Ира и дядя Ваня сидели в темной избе, не спали.

– Ну как?.. – бросилась навстречу тётя Ира.

– Во-о! – Зина по-мальчишески вскинула большой палец.

От усталости и пережитого волнения она была не в силах что-либо говорить.

Переодевшись во всё сухое, Зина устало повалилась на свой тюфяк, рядом с крепко спавшей Галькой. И уже сквозь сон слышала рядом тихие голоса:

– Совсем умаялась девчонка... Как бы не заболела!

Глава пятая

После ночной переправы Зина не только почувствовала себя более самостоятельной, повзрослевшей, но и ближе узнала деревенских ребят. Своих

двоюродных братьев она, конечно, знала и раньше. Но с белокурым голубоглазым однофамильцем Володи – Женей Езовитовым, которого мельком видела и раньше, она, по существу, познакомилась только теперь.

Недели две спустя после переправы она встретила с Женей на улице.

– Здравствуй, Зина!.. Как живёшь?

– Сам знаешь, Женя, какая у нас теперь «отличная» жизнь.

Они медленно шли по улице и разговаривали. Он расспрашивал о Ленинграде и посетовал:

– В Ленинграде я ещё ни разу не был.

– Когда приедешь, Женя, обязательно заходи к нам. – И тут же, тяжело вздохнув, с намернувшимися на глаза слезами сказала: – Только не знаю, попаду ли я сама обратно в Ленинград.

– Конечно, попадёшь, Зина, обязательно попадёшь, – успокоил ее Женя. На фронте теперь дела налаживаются.

Она удивленно взглянула на него. Откуда ему это известно и почему так уверенно говорит?

– Верь мне, Зина, мы победим.

– Я и так верю.

К ним подошел Володя, и тут затеялся совсем странный разговор.

– К вечеру заходи сегодня ко мне, – предложил Жене Володя.

– Думаешь, будет слышимость?

– Попробуем.

– Я приду обязательно. Ещё кого-нибудь приглашаешь?

– Да... Есть тут свои...

Зина недоуменно поглядывала то на того, то на другого.

– Пригласил бы ты, Володя, и меня к себе! Дома такая скучища, – попросила она двоюродного брата.

– А разве тебе кто запрещает приходить? – удивлённо округлил Володя глаза, но от Зины не укрылось, как многозначительно переглянулись они с Женей.

Женя, пристально взглянув на Зину, предложил Володе:

– Пригласи и её, девчонка стоящая.

Володя тоже пытливо, каким-то изучающим взором поглядел на сестру и спросил Женю:

– Думаешь, можно?

– Полагаю, вполне. Поговори сам с ней... – И, попрощавшись, Женя свернул к своему крыльцу.

– О чем же, Володя, твой приятель советует поговорить со мной? – спросила Зина.

Володя огляделся по сторонам и, наклонившись к ней, прошептал:

– Хочешь радио наше, советское, слушать?

– Ой, хочу! – Зина просияла такой радостью, что Володя невольно улыбнулся. – А когда можно?

– Даешь слово, что никому, ни одной живой душе, не проговоришься?

– Даю.

– Смотри держи язык за зубами, особенно со своими подружками.

– Не беспокойся, Володя, я умею молчать, да и подруг у меня здесь нет.

– Приходи сегодня вечером ко мне. Я попрошу Илью зайти за тобой.

«Если он посылает за мной Илью, значит, у Володи не впервые собираются ребята», – размышляла Зина по дороге домой. О том, что Володя страстный радиолобитель, она знала и раньше, ещё во время своих прежних приездов на каникулы в деревню.

Над Володиной избой возвышалась антенна, из окоп гремела музыка. «Но каким чудом ему удалось сохранить радиоприёмник теперь? И где они слушают передачи: ведь антенны над избой не видно».

Как было обещано, под вечер за ней зашёл Илья. Он тщательно вытер ноги у порога о половичок, поздоровался, передал Ефросинье Ивановне небольшой узелок:

– Мать прислала.

– Спасибо, родимый... – отозвалась бабушка, принимая подарок.

– Собирайся! – грубовато буркнул он Зине.

– И когда ты, Илюша, со своей сестрой будешь более ласково и вежливо разговаривать? – упрекнула Зина, мгновенно собравшись.

– Куда направляетесь? – поинтересовалась тётя Ира.

– Не бойтесь, тётя Ира. Приведу вам Зиночку обратно, – уклонился Илья от прямого ответа.

Зина выскользнула вслед за Ильёй. По дороге он рассказал, что Володя из разных деталей собрал новый ламповый приёмник.

– Работает. Изредка слушаем наши передачи, – добавил он.

С Ильёй Зине всегда было легко. Простой, бесхитростный, покладистый. Ещё в раннем детстве, когда маленькая Зина появлялась вместе с матерью у бабушки в деревне, Илья с удовольствием играл с ней, был верховой лошадью, а она – наездницей. Все просьбы маленькой Зины он выполнял беспрекословно.

Калитка у Володиной избы оказалась незапертой.

– За мной... – прошептал Илья Зине.

Из полутёмных сеней, шагая по скрипучим ступенькам, они осторожно поднялись на чердак. Там было немного светлее. На ящиках уже сидело человек пять ребят, своих, зуевских. Среди них знакомы Зине были Женька и Федя Слышенков. Она робко присела на свободный ящик. С любопытством огляделась. Под железной крышей был оборудован под мастерскую небольшой уголок. У окошка – накрытый серой клеёнкой стол со стопкой школьных тетрадей и книг. Над ним – прибитая к обрешётке крыши длинная полка с множеством склянок и каких-то пакетиков. Рядом, на ящике, – верстак с разными инструментами.

– Моя двоюродная сестрёнка! – отрекомендовал Зину Володя.

– Теперь все собрались. Начинай! – раздались голоса.

И Зина поняла, что все ждали её.

Из ниши, в углу, под застрехой, заложенной досками, Володя достал небольшой самодельный приёмник. Выставил в щель зашторенного окошка небольшой стержень-антенну и включил приёмник. Ребята подвинулись ближе, жадно вслушиваясь в раздававшийся треск и шум. Звук появился не сразу. Володя осторожно крутил рычажки.

– Сейчас, – взволнованно прошептал он, слабо уловив на одной волне русскую речь.

И тут произошло чудо. Вдруг ясно и отчетливо Зина услышала:

– «Говорит Ленинград!.. Говорит Ленинград!.. – Последовала небольшая пауза. И тот же мелодичный женский голос продолжал: – Рабочие и работницы Нарвской

заставы города Ленина... – (Сердце у Зины забилося так сильно, что стало трудно дышать.), – отвечают труженикам Красной Пресни славной столицы нашего государства Москвы. Мы выстоим, товарищи москвичи! Враг не возьмет нас ни бомбами, ни блокадой! Ленинград борется...»

Все слушали затаив дыхание, а у Зины от волнения пробежала дрожь по телу, горели щеки – её родной Ленинград живёт и борется! Она, прикрыв глаза, мысленно видела Нарвскую заставу, знакомые родные места, где она выросла, где остались мама и папа.

Когда передача прервалась, ребята заговорили не сразу.

– Искали Москву, а нашли Ленинград! – произнёс Володя, словно извиняясь перед ребятами.

– И очень хорошо! – горячо отозвалась Зина и тихо добавила: – Спасибо тебе, Володя. Значит, неправда, что немцы взяли Ленинград.

– Вот бы переписать и расклеить это сообщение, – заметил кто-то из ребят.

– А что, надо это дело наладить, – предложил Евгений и посмотрел на Володю.

Но тот, деловито свёртывая провод, словно не расслышал.

А ровно через неделю на немецких плакатах, расклеенных в посёлке, появились слова: «Смерть Гитлеру! Да здравствует Советская власть!»

– Очевидно, партизаны действуют, – высказал предположение дядя Ваня.

У Зины заблестели глаза:

– Партизаны!.. Кто же эти смельчаки? Хоть бы одним глазом взглянуть.

Но дядя Ваня ошибался. Авторами этих надписей были Володя и Евгений Езовитовы.

Глава шестая

Уже стояла зрелая осень.

Желтели листья на берёзах, в багрянце были клёны, а трава на луговине темнела, теряя свою зелёную окраску, покрывалась после ночных заморозков белым инеем. Надвигались зимние холода.

– Да-а... Жизнь становится день ото дня суровой... – вздыхал дядя Ваня. – Ходим разутые, раздетые. Ничего тёплого с собой не захватили, ни обуви, ни одежды.

– Кто же мог подумать, что застрянем в деревне... – жалобно вторила тётя Ира.

И невольно при этом разговоре Зина вспоминала, как права была мама, когда настаивала, чтобы дочери захватили в деревню хотя бы тёплые свитеры.

– Возьми. Вечера могут быть холодные, – уговаривала она Зину.

– Зачем? – удивлялась Зина. – Мы с Галькой закалённые, физкультурницы. Не замёрзнем.

Мама всё же настояла на своём... Как теперь Зина была благодарна ей.

Тётя Ира принялась разбирать разные тряпки, хранившиеся в летней горенке.

– Из этих лоскутов можно выкроить Гальке платье... – обещала племяннице тётя Ира. – А из старой кофты, пожалуй, Нестёрке рубашку сошью.

Нашлись лоскуты и для платьев Любочке.

На помощь ленинградцам пришли деревенские родственники. Мать Ильи принесла им чёрную железнодорожную шинельку. Зина примерила её, шинель показалась неуклюжей, жёсткой и длинной. Но в шинельке было гораздо теплее ходить, чем в лёгоньком летнем плаще.

После того как дядя Ваня, обследовав в кладовке все продовольственные запасы бабушки, сообщил тёте Ире и Зине: «Скоро последние остатки муки съедим»,

ленинградцы перешли на полуголодный паек.

– Что же делать? – растерянно спрашивала тётя Ира. – Неужели по миру придётся ходить?

А через несколько дней подавленный и мрачный дядя Ваня объявил:

– Устраиваюсь на работу... кладовщиком в продовольственный склад. Там паёк дают.

– К немцам?! – одновременно спросили тётя Ира и Зина.

Дядя Ваня с укоризной взглянул на них:

– Но что же делать? Выхода иного нет. Как иначе жить, объясните! Вздохать, охать, плакать и помирать с голоду – не выход. Да... придётся работать. Ты, Ирина, тоже подумай об устройстве...

– Идти помогать немцам убивать наших людей?! – загорелась гневом тётя Ира. – Мне? Жене коммуниста? Как я потом мужу в глаза буду смотреть?.. – И она разрыдалась.

Дядя Ваня, продолжая держать в зубах давно потухшую сигарку, с жалостью глядел на сестру...

Поступив на работу, дядя Ваня больше общался с людьми и приносил домой слухи о делах на фронте.

Теперь у него не было прежних радужных надежд, что к весне война обязательно кончится.

– Конец войны не близок... – сказал как-то он. – Гитлеровцев не скоро осилишь. Не на жизнь, а на смерть война идёт. Или мы их, или они нас...

Однажды он пришёл с работы поздно, уже в сумерках, и не один. Привел с собой бородатого человека в ватнике, кирзовых сапогах, с приметной седой прядкой в смоляных волосах.

– Мой друг... – кратко представил он гостя тётя Ире и навестившей их Солнышку.

Бабушка, очевидно, хорошо знала гостя.

– Где же ты, Михаил Иванович, теперь обретаешься-то? – поинтересовалась она.

– В лесу... – просто ответил гость, заставив ребят сразу наострить уши.

Дядя Ваня прервал дальнейшие бабушкины расспросы. Сразу же после ужина увел гостя на сеновал. Немного погодя он пришёл за Солнышком, которая в этот вечер оставалась у бабушки ночевать.

– Нужно нам с тобой поговорить, – объяснил он и кратко бросил: – Ирина, ты тоже нужна.

Когда они вернулись в избу, Зина не слышала – спала, а когда проснулась, Михаила Ивановича в доме уже не было.

Наступила годовщина Великого Октября. По совету дяди Вани вся семья принарядилась во всё лучшее.

Зина вплела в свои косички красные ленточки. На голове у Гальки тоже появился красный бант.

За обедом дядя Ваня поставил на стол бутылку, заткнутую самодельной пробкой. У кого-то достал самогонки.

– За будущую нашу победу! – негромко произнёс он, подняв стаканчик.

Вскоре к бабушке заглянула и Солнышко. Пришла она в своей будничной одежде и сразу встретила осуждающий взгляд дяди Вани.

– Хотя бы для праздника принарядилась.

– Я в душе праздник отмечаю... – ответила она. – У нас праздник уже с раннего

утра начался: в посёлке нашли расклеенные на заборах советские листовки. – И пояснила: – Рукописные... Полицай обыск производили, допрашивали.

– О чём? – встревожился дядя Ваня.

– Всё о том же... Как оказалась в Оболи? Откуда приехала?

– Вот что, надо вам с Ириной без промедления устраиваться на работу, – сказал дядя Ваня.

– Я уже об этом думала. У нас рядом с бывшим торфяным заводом открывают столовую для офицерского состава – курсанты, что ли, какие-то приехать должны. Уже и мебель завезли. Надо попытаться устроиться туда официантками. Дадут ли только справки в комендатуре?

– Постарайтесь получить эти справки. Сейчас очень важно, чтобы вы сумели туда устроиться, – сказал дядя Ваня и, как показалось Зине, как-то многозначительно посмотрел на Солнышко.

Зину удивило, что, побывав через несколько дней в комендатуре, тётя Ира и Солнышко явились оттуда домой в хорошем настроении.

– Начальника полиции не было на месте. Принимал его заместитель, – сообщила тётя Ира.

– Сразу стал за нами ухаживать... – засмеялась Солнышко.

– Ну, справки получили? – нетерпеливо перебил дядя Ваня.

– Мы да не получим... Вот... – И Солнышко показала дяде Ване две справки с круглыми печатями.

– О чем же вас спрашивал?

– О прежней нашей жизни... Так, отделались общими словами.

– Повезло вам!.. – обрадовался дядя Ваня. – Сам начальник полиции, находишь он на месте, всю душу из вас бы вытряс. Знаю по своему опыту. Дотошный и злобный.

Столовая открылась в конце ноября.

В первый же день, вернувшись домой с работы, тётя Ира пожаловалась:

– Требуют, чтобы я поселилась в бараке, рядом со столовой, как и Солнышко, – была бы на глазах у начальства.

Выслушав, дядя Ваня сказал:

– Что поделаешь, придётся согласиться.

На семейном совете было решено, что вместе с сыновьями, Зиной и Галькой тётя Ира переберется в посёлок торфяного завода. С бабушкой останутся дядя Ваня и Любаша.

Зина не возражала. Она как-то безразлично отнеслась к переселению. Ей было все равно где жить, раз они не дома, в Ленинграде.

Для Зиной с Галей нашлась в бараке небольшая комнатка, низкая, мрачная, с одним окном, выходившим на пустырь, но тёплая, если протопить печку в общем коридоре, что стало обязанностью Зиной и ребят. Тётя Ира с сыновьями поселилась в комнате рядом.

Лучшую комнату в бараке занимала немка-переводчица, служившая в комендатуре.

Зине она не понравилась. Толстая, рыжеволосая, глядевшая на всех застывшим, стеклянным взором. В разговор она с жильцами не вступала, хотя русский язык знала неплохо.

– «Баба-яга», – немедленно окрестила ее Галька, боявшаяся встречаться с суровой, молчаливой немкой.

Первое время Галька тосковала, оказавшись вдали от бабушки, маленькой Любаши и своего любимца, кота Ушастика. Она взбиралась на подоконник и, прильнув носом к стеклу, тянула:

– Ску-учно мне!.. Ску-учно!..

– Ишь чего, веселья захотела!.. – возмущалась Зина. – Будь довольна, что с голоду не умираем, в тепле живём.

Вскоре Галька немного успокоилась. Не чаявший в ней души Нестёрка принёс от бабушки Ушастика, и кот, к радости Гальки, прижился на новом месте.

Зина с головой погрузилась в разные хозяйственные заботы. Привела свою комнату в порядок. На чисто вымытом окне уже висела белая занавеска. В углу комнаты на железной кровати лежал набитый соломой тюфяк. Возле колченогого стола стояли две табуретки. Правда, потолок закопчённый и на стенах рваные, с ржавыми пятнами, обои. Но ничего, жить можно.

Прежние жильцы барака успели эвакуироваться, оставив после себя разную рухлядь. Зина озабоченно морщила лоб, примеряя то сестрёнке, то себе и старое рваное платье, и стоптанные ботинки, и ветхую тужурку, соображая, как залатать и приспособить к носке найденные вещи.

Зато теперь появилась новая и приятная забота – ходить к бабушке в деревню за молоком. До деревни недалеко – двадцать минут ходьбы. Посидев у бабушки, которая сразу же сажает их за стол, стремится чем-либо угостить, сёстры, захватив с собой маленький бидончик с молоком, возвращаются домой.

– Почему не остались, – сердится Галька, – у бабули так хорошо! – И демонстративно отходит от сестры, не желая идти рядом. Но Зина не терпит своеволия, снова берет её за руку.

На хорошо укатанной дороге оживлённо. Снуют штабные и интендантские машины, попадаются навстречу вражеские солдаты и офицеры, надменные, гордые, упоенные своими победами. Живут они в Оболи и в посёлке, занимая лучшие дома.

Сёстры боязливо сторонятся, сходят, держась за руки, на обочину дороги. Зина всегда помнит предостережение тёти Иры: «Поменьше попадайся им на глаза... Они всё могут сделать!» Нахмурившись и даже потемнев в лице, она исподлобья окидывает взором немцев.

«Проклятые... Пришли на пашу землю и теперь торжествуете...»

Идут по заснеженной зимней дороге две девчонки, одетые в старое тряпье. Одна круглолицая, ясноглазая, с ямочками на розовых от мороза щеках. Другая совсем ещё малышка, худенькая, голенастая, глазастая, с серьёзным испуганным взором, тащится за ней.

Немцы не обращают на них внимания.

– Ну, вот мы и дома... – говорит Зина, вернувшись к себе.

Дома дел у Зины много. В комнатах прибраться надо и печку истопить. Да и день теперь короткий. Не успеешь оглянуться, уже сумерки. Если не задержатся в столовой, скоро вернутся домой тётя Ира и Солнышко. Им будет приятно, что все убрано.

– Давай мечтать!.. – предлагает Галька, присаживаясь к сестре и кладя голову ей на колени. – Приедем в Ленинград, там мамочка нас встретит... Спросит: «Где вы так долго пропадали?!» А мы скажем: «У бабушки... Немцы нам дорогу преградили и не отпускали. Но мы – народ хитрый! Мы сели на поезд тишком и уехали...» Нет, лучше: «Мы забрались в грузовик. Там много ящиков было. Мы забрались в ящики. Так мы доехали...»

Галька умеет фантазировать. Получается у нее складно, интересно. «Вот скрипнула калитка... Это калитка жалуется, что ей живётся плохо. Шумит ветер под крышей... Очевидно, ветер заблудился на чердаке». Увидела в окно бродячую собаку, пугливо поджавшую хвост. «Это она уже который месяц ищет свой дом и не может найти. Надо ей помочь». Галькины фантазии прерывает стук входной двери. Это вернулись с работы тётя Ира и Солнышко. Они почти всегда вместе приходят. Сами они теперь ужинают в столовой. Что-нибудь съестное приносят ребятам. Всем поровну – таков непреложный закон тёти Иры. Она не делает различия между своими сыновьями и Зиной с Галькой.

Детям порой всё же голодно, но жить можно.

Переселившись в посёлок торфяного завода, Зина реже видела деревенских ребят. Слушать радио её не приглашали. А ей так хотелось снова услышать голос Большой земли! Встретив однажды Володю, узнала: радиоприёмник у него вышел из строя, передачи слушать не удастся, пока он его не починит. Володя заспешил домой, а прощаясь, сказал Зине:

– Сходила бы в станционный посёлок. Говорят, там на базарной площади развешано много плакатов и листовок. Если узнаешь что-нибудь особенное, на обратном пути зайди ко мне.

Посёлок был заполнен солдатами. Все заборы и столбы на базарной площади оклеены разными гитлеровскими плакатами, приказами, победными сводками с фронтов военных действий. Всюду слышалась только немецкая речь. Лишь в одном месте пожилой рябой полицай с белой повязкой на рукаве вслух читал по-русски небольшой группе людей приказ:

«Кто укроет у себя красноармейца или партизана или снабдит продуктами, укажет дорогу, чем-либо поможет, тот карается смертной казнью через повешение...»

Зина кинулась прочь из посёлка. Пошла домой не по дороге, а кратчайшим путём – по просёлку. У перекрёстка, на телеграфном столбе, слегка раскачиваясь, висел в одном исподнем белье бородатый мужчина. Испугавшись, Зина побежала по тропинке. Навстречу попала Нинка Азолина – нарядная, в белой шерстяной косынке и длинном синем пальто. Она было приостановилась, хотела что-то спросить у Зины, но та, опустив голову, вихрем проскочила мимо. «Немецкая овчарка! Ишь расфрантилась!»

Возле барака Лёнька и Нестёрка очищали от снега дорожку. Полуодетые, без варежек, трудились они так усердно, что от них валил пар.

– Комендант заставил... – пожаловались они. – Грозился выпороть, если плохо расчистим.

Зина оправилась у них пальтишки, застегнула, увела домой греться.

– Где была?.. Почему не сказала? – строго встретила её Галька.

– Чем допрашивать меня, ты бы лучше умылась... Сидишь грязнулей.

– Не буду я умываться. Назло тебе.

– Это ещё что такое?.. – Зина рассердилась. – Так и знай, не будешь слушаться, я уйду отсюда... Не нужна мне такая чумазая, непослушная. Измучилась я с тобой.

– Я с тобой тоже измучилась! – огрызнулась Галька.

Скрипнув дверью, в комнату юркнул Ушастик. Приблизившись к Гальке, прыгнул на колени, громко мурлыча и ласкаясь.

– Ты вот и Ушастика тоже обижаешь! – сердито попрекнула сестру Галька. – Вчера веником его огрела, грозилась в болото занести.

– Тоже заступница... – изумилась Зина. – Твой Ушастик на столе слопал всё, что тётя Ира нам оставила, а ты его защищаешь!

Надувшись, Галька замолчала, но через полчаса не выдержала, подошла к сестре и начала ласкаться:

– Никуда не уйдёшь?

– Не уйду. Какая ты глупенькая.

– Даёшь слово?

– Ну, даю.

– Какое – пионерское?

– Ну, хотя бы пионерское. Ладно, давай мириться!

Зина поцеловала сестрёнку в подставленную щёку. Присутствие Гальки, непрестанная забота о ней как-то скрашивали тяжелую жизнь.

– А теперь пора заниматься. Будем учить буквы... Я тебе буду диктовать, а ты пиши! – Зина, несмотря ни на что, старалась готовить Гальку к школе, надеясь, когда вернутся в Ленинград, определить её сразу во второй класс.

Галя знала уже все буквы, умела по складам читать.

Занимаясь с сестрёнкой, Зина горестно раздумывала, что живёт она на хлебнице у тётки Иры и Солнышка, которым так трудно всех прокормить! Может, попытаться и ей устроиться на работу в столовую? Но как противно обслуживать фашистов, этих убийц!

Вечером, когда ложилась спать, перед глазами стоял повешенный, которого она видела днём, – с неподвижными, стеклянными глазами, с раскрытым ртом.

Боясь закричать от страха, Зина с головой накрылась одеялом, но жуткое видение не проходило. Зина встала, попила воды, но немного успокоиться смогла, только когда перебралась на постель к Гальке. Обняв младшую сестрёнку, она, наконец, уснула.

Глава седьмая

Володя вскоре выполнил своё обещание. Илья снова привел Зину слушать советскую радиопередачу.

На этот раз на чердаке собралось гораздо больше новых ребят, и среди них две девушки – года на три постарше Зины.

Одну из них – белозубую, бойкую на язык – звали Фрузой Зеньковой. Другая, в светлом берете, – очевидно, её подруга – красивая, черноволосая, с приметной родинкой на лбу, была из соседней деревни Ушалы, звали её Валею Шашковой. Немного погодя подошли ещё две девушки – Маша Дементьева и Маша Лузгина, их обеих Зина хорошо знала.

– Уважаемые дамы и господа! – шутливо обратился к своим гостям Володя. – Рассаживайтесь согласно своему общественному и социальному положению в германском рейхе. Более знатные – впереди, менее знатные – позади.

Шутливый тон Володи как-то сгладил тревожную обстановку, которую усугубляло зашторенное окошко, полумрак, нарушаемый только светом радиоламп.

Володя, управляя рычажками, долго ловил нужную волну. Ребята, сгрудившись возле приёмника, ждали. В этот зимний пасмурный день слышимость была плохая.

И вдруг чётко слышались русские слова. Все обрадовались. Но оказалось, преждевременно: это был голос немецкой передачи на русском языке – передавали сообщение о налёте гитлеровской авиации на Москву.

Володя хотел перевести рычажок на другой диапазон, но сидевший рядом Евгений попридержал его руку:

– Давай послушаем.

Не совсем твёрдый на ударениях голос диктора извещал:

«Сильные соединения немецкой авиации каждую ночь подвергают уничтожающей бомбардировке Москву – этот важнейший индустриальный центр страны. Заводы и фабрики, расположенные вокруг русской столицы, настолько разрушены, что их вряд ли можно будет восстановить. Кремль и почти все вокзалы в черте города превращены в груды развалин. Особенно сильно пострадали промышленные районы Москвы, вступив в фазу уничтожения...»

– Будет! Враки все это... – Фруза решительно повернула рычажок. Ей не сразу удалось поймать в хаосе звуков слова русские слова.

– Стой, не крути, – остановил её Володя и стал настраивать громкость.

Передавали сводку Советского информбюро. Ребята слушали, застыв. Но никаких особых новостей на этот раз в передаче не было. Сообщалось, что во многих районах временно оккупированной немцами советской земли возникли партизанские отряды и они наносят свои удары в тылу врага. И вдруг – в конце сводки:

– «В Белоруссии неподалеку от Витебска, возле станции Оболь, партизанский отряд под командованием товарища К. подорвал вражеский эшелон».

– У нас! – воскликнул кто-то в темноте.

Передача кончилась. Володя выключил и убрал радиоприёмник. Ребята обменивались впечатлениями.

– Кругом действуют партизаны... А мы долго так будем сидеть? – громко воскликнул Федя Слышенков, коренастый, широкоплечий паренёк со светлым чубом.

Володя поспешно шагнул к Феде и приложил ладонь к его губам:

– Тише ты!

– А ты что предлагаешь? – осторожно спросил Евгений, сузив глаза.

– Ну, об этом не здесь разговор. Давайте пройдем вниз, ко мне в комнату, – прервал его Володя и предупредил: – Только не всем скопом. Выходите поодиночке. – И предложил Илье: – Проводи сестрёнку.

Зина с Ильёй вышли на улицу. Уже совсем стемнело. Улица была пустынной. И вдруг тишину пререзая окрик:

– Стой!..

Илья, остановившись, взял Зину под руку.

– Прохожие... гуляем, – пробормотал он, когда к ним подскочили два полица с пистолетами в руках.

– Не видали тут чужаков?

– Не-ет... – отрицательно замотал головой Илья.

– В соседние избы при вас никто не заходил?

– Нет.

Полицейские, не пряча оружия, свернули в сторону.

– Вот что, Зина, – тревожно зашептал Илья, когда они отошли немного, я вернусь предупрежу ребят. А то накроют их. Придётся тебе одной шагать. Побудь пока у бабушки. Видишь, как сегодня здесь беспокойно...

Когда Зина явилась домой, тётя Ира встретила ее в большой тревоге.

– Долго где-то ты пропадаешь, – упрекнула она. – Галька ждала-ждала и заснула.

Зина растерянно оправдывалась:

– Задержалась я, отсиживалась у бабушки. В деревне было тревожно. Полицай кого-то ловили...

Зина не лгала. Она и в самом деле, добравшись до избы бабушки, некоторое время отсиживалась там и затем, несмотря на уговоры бабушки и дяди Вани, замирая от страха, направилась домой.

Проснувшись Галька, обрадованно посмотрела на сестру сонными глазами и напонила:

– Скоро день моего рождения! Что ты мне подаришь?

– Подарок, – машинально отозвалась Зина.

В то время, когда на деревенской улице рыскали полицейские, в избе Володи Езовитова шёл важный разговор.

– Вот что, ребята!.. – обратилась к оставшимся Фруза. – Вы слышали сейчас сообщение о деятельности наших, витебских, партизан! Разве мы тоже не смогли бы проявить себя в борьбе с врагом? Сколько можно сидеть сложа руки?

– А почему ты думаешь, что мы все сидим сложа руки? – спросил Евгений.

– Знаю, что ты хочешь сказать. Уже слышала от Володи о листовках, но надо действовать не поодиночке, а коллективно.

– Ты, Фруза, была секретарем нашей комсомольской организации в школе. Говори смелее... – поддержал её Володя.

– Я предлагаю организовать подпольную группу для борьбы с оккупантами, – взволнованно сказала Фруза.

В этот момент кто-то настойчиво постучал в наружную дверь. Все замерли. Володя вышел из комнаты и... вернулся с Ильёй.

– Что случилось? – тревожным шепотом спросила Фруза.

– Полицайи на улице, кого-то ловят.

– А как же Зина?

– Я проводил её почти до бабушки. В случае чего она там и заночует.

– Ты завтра загляни к сестренке, узнай, как добралась, – сказал Володя и погасил на столе лампу, слабо освещавшую комнату.

Теперь сидели в полной темноте, настороженно прислушиваясь, но за окном пока было тихо.

– Вот что, Илья, – первым нарушил тишину Володя, – пока ты провожал Зину, вели мы тут разговор, как нам дальше жить...

– Вернее, как нам бороться с фашистами, – поправила его Фруза, – пока гитлеровцы нас не забрали и не отправили в Германию. Мы решили создать подпольную организацию. Давайте сообща подумаем, кто в неё войдет.

Федя Слышенков, вскочив с места, внёс предложение принимать в подпольщики только тех, кто не струсил, не сжёг свой комсомольский билет.

– Мы должны верить не билету, а человеку, – возразил Евгений.

– Но ведь речь идёт не о железнодорожном билете, а о комсомольском! – горячился Володя.

– Володя, чуток зажги огонь, – попросила Фруза.

Володя зажег стоявшую на столе лампу, подвернул фитиль. Жиденькое пламя слабо озарило лица ребят. Федя из потайного кармана ватника достал комсомольский билет. Его примеру последовал Володя.

– У меня дома запряган, – смущенным голосом произнесла Фруза. – Можете поверить. При следующей встрече я принесу.

Ребята кратко обменялись тем, что каждый из них сумел сделать за время вражеской оккупации. Так они узнали, что Федя Слышенков вывел из строя

узкоколейку к кирпичному заводу. Володя и Евгений расклеили в поселке несколько рукописных листовок со сводкой Совинформбюро. Маша Дементьева и Маша Лузгина сорвали два фашистских плаката. Илья рассказал, как они вместе с Зиной, Володей и Евгением организовали переправу красноармейцев.

Слушая рассказ Ильи, Володя вырвал из тетради лист бумаги. Он быстро набросал список присутствующих. В него пока внёс восемь человек: Фруза Зенькова, Владимир Езовитов, Евгений Езовитов, Федор Слышенок, Илья Езовитов, Валентина Шашкова, Мария Дементьева, Мария Лузгина.

– Запиши и моего брата – Николая Зенькова, – попросила Фруза. – Я за него ручаюсь головой.

Но тут раздались другие голоса. Маша Дементьева попросила включить в список свою старшую сестру Надю, Маша Лузгина – свою сестру Антонину. Они тоже ручались за них.

Список у Володи рос. Была намечена и резервная группа, состоявшая из Николая Зенькова, Николая Алексеева, Аркадия Барбашева, Дмитрия Хребтенко, Марии Хребтенко, Антонины Лузгиной, Зои Софончик, Зины Лузгиной, Надежды Дементьевой, Марии Ушаковой, Екатерины Зеньковой, Ефима Лемнева, Ивана Галошкина.

– Ещё одну девчонку я бы внес в список... – предложил Володя и назвал свою двоюродную сестру Зину Портнову. – Приехала из Ленинграда, а уже проявила себя. – И Володя подробно рассказал про участие Зины в переправе красноармейцев.

– Смелая... очень смелая девочка и умная... – поддержал предложение Володи Евгений.

Так последней в список была включена ленинградская школьница пионерка Зинаида Портнова.

– А теперь список уничтожь... – предложила Фруза Володе. – Чтобы никаких следов не оставлять. На память всех надо знать.

Взяв из рук Володи клочки бумаги, она нашла на столе коробок спичек. На медленном огоньке клочки бумаги превратились в сероватый пепел, который сразу же разлетелся по комнате.

– Нужно, ребята, соблюдать большую осторожность, – предупредила Фруза. – Я не против тех, кого сегодня называли. Но с каждым, кого мы собираемся принимать, следует поговорить отдельно. Никому не навязывать наше решение. И ни в коем случае не разглашать, что мы создали подпольную группу. С Зиной Портновой я сама поговорю. В следующий раз соберёмся, как и сегодня, в том же составе. Новеньких с собой никого не приводит.

– Надо установить связь с «людьми из леса», – предложил Евгений. – Есть сведения, что партизанский отряд находится неподалеку от нас, в Шашанских лесах. Вот только кому это поручить?

– Давайте поручим это дело Фрузе, – подал голос Володя. – Ты, Фруза, согласна?

– Я не возражаю... – И, помедлив, произнесла: – Вот что, ребята... Буду с вами откровенна... Задание создать подпольную группу в Оболи я получила от подпольного райкома партии... – Фруза приподнялась с места, лампа на столе выхватила из сумрака её покрывшееся румянцем лицо. – Да, ребята, не удивляйтесь! Подпольный райком партии существует и действует. Подпольный райком комсомола – тоже. Они будут руководить нашей работой, нашей предстоящей борьбой с фашистскими извергами. Вы знаете, как гитлеровцы расправляются с нашим народом? Мы, комсомольцы, не

можем пассивно наблюдать за этими зверствами. А если и погибнем... что ж, теперь война. Гитлеровцы завтра каждого из нас могут расстрелять уже только за то, что мы комсомольцы... Итак, наше сегодняшнее решение создать подпольную организацию должно остаться глубокой тайной... Давайте, ребята, поклянемся друг другу, что тайну мы сохраним! Что будем бороться с гитлеровцами, не щадя своей жизни. Я первой готова дать такую клятву.

«Я, комсомолка Ефросинья Зенькова, клянусь отдать все свои силы и свою жизнь беспощадной борьбе с гитлеровцами...»

И страстные, идущие от сердца слова, произнесенные Фрузой, словно зажгли остальных. Ребята поочередно вставали с места, называли своё имя, фамилию и торжественно произносили слова клятвы.

Так в зимний декабрьский вечер в небольшой белорусской деревне Зуе, возле Оболи, в избе Володи Езовитова, родилась Обольская подпольная комсомольская организация.

Глава восьмая

Как-то рано утром Володя заглянул к себе на чердак. Вынул из тайника приёмник. Включил... Время для приема передачи Совинформбюро было неурочное, и Володя почти не рассчитывал на удачу. И вдруг знакомый голос Левитана:

– «Говорит Москва!.. Говорит Москва!..»

После короткой паузы:

– «В последний час... Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве».

У Володи перехватило дыхание, сильнее забилось сердце.

В приёмнике раздался сильный треск. Володя низко склонился над ящиком:

– «Шестого декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»

Голос диктора вдруг ослаб, куда-то исчез. Володя дрожащими от волнения руками взялся было за рычажок, но голос снова пробился сквозь сплошной шум и треск:

– «...После перехода в наступление с 6 по 10 декабря частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше четырёхсот населённых пунктов...»

Сообщение о разгроме немцев под Москвой словно ярким лучом озарило холодный, полутёмный чердак. Нужно было что-то немедленно предпринимать. Схватив шапку и одеваясь на ходу, побежал к Евгению.

– Женька!.. Разгром немцев под Москвой начался! – радостно прошептал он, встретив Евгения на крыльце. – К вечеру приходи ко мне, а я побегу к Фрузе. Ты понимаешь, какое это событие!

В день, когда Володя принял сообщение о разгроме немцев под Москвой, ничего не подозревавшая об этом огромной важности сообщении Зина тоже встала до рассвета. У нее было своё, маленькое, событие – день рождения Гальки.

Свой подарок сестрёнке Зина готовила в большом секрете, особенно от любопытных «братьев-разбойников».

С нетерпением Зина ждала, когда Галька проснётся. И вот та зашевелилась, повернулась на другой бок, открыла глаза и удивлённо уставилась на лежавшую рядом

куклу, величиной с оставленную в Ленинграде Ольгу, но сшитую из разноцветных лоскутков. Ноги куклы были сшиты из зелёного сатинового обрезка, руки – из синего бархатного лоскутка, платье желтое, ситцевое.

Плотно набитая ватой, с маленькой фарфоровой головкой, обнаруженной Зиной в свалке старого тряпья, кукла выглядела почти как настоящая.

Галька порывисто села на постели, взяла куклу на руки.

– У тебя теперь новая Ольга... – улыбаясь, сказала Зина и поцеловала сестрѐнку.

Подарок вызвал у Гальки бурный восторг.

– Моя!.. – радостно взвизгнула она, очевидно не веря ещё своим глазам и прижимая Ольгу к груди.

С куклой она не расставалась весь день. Раздевала и снова одевала, укладывала спать, кормила, поднося к губам куклы ложку с воображаемой едой.

– Ешь! – приказывала Галька. – Давно я тебя не кормила. Недосуг было. Сами голодные сидели. Тѐтя Ира и Солнышко нам хлебушка носят. Поняла?.. А сейчас спи. Нечего прохлаждаться! Ведь мы не дома. Вот вернѐмся в Ленинград, тогда заживѐм...

Праздновать день рождения сѐстрам долго не пришлось. Явился комендант посѐлка и выгнал всех, кто находился в бараке, расчищать от снега дорогу.

День выдался вьюжный. С ночи валил густыми хлопьями снег, засыпав все тропинки и дорогу к посѐлку. На расчистку собралось человек пятнадцать, главным образом женщины и подростки.

Легко одетая, Зина быстро озябла на студѐном ветру. Лопата то и дело вываливалась из коченеющих пальцев. Когда Зина обернулась, чтобы поднять её, она увидела на дороге быстро шагавшего Володю. И хотя воротник его короткого овчинного тулупчика был высоко поднят, он тоже заметил двоюродную сестру. Подойдя к Зине и увидев на её глазах слѐзы, поднял лопату:

– Отдохни пока... – и сам вместе с другими принялся расчищать дорогу.

Закончив работу, он отдал Зине лопату, при этом успев шепнуть о том, что услышал по радио.

– Бегу в Ушалы, к Фрузе, – сказал он и торопливо зашагал в соседнюю деревню.

Володя был вторым гостем у Фрузы в Ушалах. Накануне, когда уже надвигались сумерки, в калитку Зеньковых чуть слышно постучали.

– Кого это на ночь глядя принесло? – удивилась мать Фрузы и пошла открывать. Минуту спустя она ввела в избу закутанную по самые брови в тѐмный полушалок женщину в ватнике и подшитых валенках.

Гостья поздоровалась и медленно развязала полушалок.

На Фрузу пытливо глядела румяная от мороза сероглазая девушка с круто изогнутыми тѐмными бровями. Глядела с лукавой усмешкой, словно спрашивая: что, не узнаешь?

Фруза обомлела: перед ней стояла хорошо знакомая ей ещё с довоенного времени секретарь райкома комсомола.

– Зови меня просто Наташа... – улыбаясь, предупредила гостья и спросила: – Отогреться можно у вас?

– Ну что за разговор... как же!.. – заторопилась Фруза, помогая Наташе раздеться, и увела к себе в горницу. – Задание я выполнила, – рассказывала Фруза Наташе. – Подходящие ребята есть. Наши школьники. На днях снова собираемся...

– Тебя райком партии утвердил организатором и руководителем подпольной группы. Я за тебя поручилась... Помню, тебе перед войной комсомольский билет

вручала... Сохранила его?

Вместо ответа Фруза сняла с колышка праздничное платье и прощупала зашитый в подол комсомольский билет.

– Вот здесь.

Домашние Фрузы уже давно легли спать, а девушки всё беседовали. Наташа инструктировала Фрузу, как нужно вести себя на подпольной работе. А утром, незадолго до прихода Володи, секретарь подпольного райкома комсомола ушла.

На следующий день после визита Володи в Ушалы в Оболи на заборах и телеграфных столбах появилось с десяток рукописных листовок с сообщением о разгроме немцев под Москвой и начавшемся наступлении Красной армии.

Листовки переписали и расклеили Евгений, Илья, Маша Дементьева и Фруза Зенькова.

Подпольная комсомольская организации в Оболи, состоящая пока из восьми человек, начала действовать.

О разгроме немцев под Москвой и успешном наступлении советских войск на Западном, а затем и на Калининском фронтах скоро стало известно не только в Оболи, но и в окрестных деревнях.

Встречаясь у бабушки с дядей Ваней, который, работая на складе, теперь больше, чем кто-либо из ленинградцев, общался с разными людьми, Зина первым делом спешила спросить:

– Ну как наши, что слышно?.. Наступают?

– Судя по всему, произошел крутой перелом в войне... – отвечал дядя Ваня, вынув кисет и затягиваясь махоркой, и делился своими наблюдениями: – Немцы встревожены... Все время в разговоре у них – Москва!.. Москва!.. Говорят, есть секретный приказ Гитлера расстреливать своих отступающих, чтобы задержаться на месте.

– Значит, скоро поедem домой?.. – радовалась Зина.

Но дядя Ваня, задумчиво качая головой, расхолаживал её:

– Вряд ли скоро... Вгрызаются немцы в нашу землю. Новые укрепления вдоль железной дороги и шоссе строят. Своими глазами видел.

Зина и сама заметила, как усилилось движение поездов. Со стороны Полоцка чаще обычного стали проходить эшелоны с войсками и военной техникой, а в обратном направлении – из Витебска в Прибалтику – следовали санитарные поезда.

– Немцы уже не скрывают своего поражения. Об этом только и разговор в столовой... – рассказывала дома Солнышко, немного знавшая немецкий язык. Много обмороженных с фронта везут.

Немцы в эти дни лютовали в Оболи всё сильнее. Однажды дядя Ваня специально пришёл в посёлок – предупредить детей:

– На шоссе не заглядывайте, к полотну железной дороги не только близко, но и вообще не подходите. Патрули расстреливают всех на месте. Немцы опасаются красноармейских десантов.

– Слышали? – строго спрашивала тётя Ира своих сыновей. – От дома ни шагу. Поняли?

Мальчишки угрюмо молчали. Лёнька при этом искоса испуганно поглядывал на двоюродную сестру: «Расскажет или нет?»

Недавно «братья-разбойники» вернулись домой еле живые, в разорванной одежде, а Лёнька вдобавок хромал, опираясь на плечо брата.

- Подранили... – признался он Зине.
- Хотели и меня убить... – добавил Нестёрка.

Сняв одежду со старшего, Зина так и ахнула: кровь обильно текла из простреленной ноги. Хорошо, что пуля только порвала кожу и не застряла, кость не была повреждена.

В Ленинграде в младших классах школы у Зины часто на рукаве белела повязка с красным крестом. А дома она практиковалась делать перевязки на младшей сестрёнке, благо та охотно ей подчинялась.

Теперь Зина не растерялась. Раздев Леньку, стала промывать ему рану. Она не заметила, как в комнату неслышно вошла «Баба-яга». Она имела привычку, не постучав в дверь, заглядывать к соседям. Зина застыла на месте. Увидев полуголого Леньку в крови, немка изумленно вытаращила глаза.

– Это что есть такой? – спросила она.

– На гвоздь напоролся, – испуганно пролепетала Зина, забинтовывая Лёньке ногу старым полотенцем.

«Братья-разбойники», насупившись, молчали. Переводчица неодобрительно покачала головой.

– Провода на шоссе обрываль? – догадалась она и, не дожидаясь ответа, удалилась.

Она не ошиблась: братья в самом деле занимались проводами.

«Пропали...», – с глухим отчаянием, в страшной тревоге подумала Зина и, кончив бинтовать ногу Лёньке, принялась замывать следы крови на полу.

– Ты только маме ничего не говори, – умоляли Зину братья.

Весь день Зина ожидала появления гитлеровцев или полицаев. Но они, к счастью, не пришли. А под вечер снова заглянула в комнату немка-переводчица, принесла на тарелке ребятам два бутерброда с колбасой и, молча поставив на стол, удалилась. Зина облегчённо вздохнула. «Не выдаст, раз кормит», – решила она.

Когда вечером вернулись с работы тётя Ира и Солнышко, Лёнька скрыл, что нога у него прострелена. Он объяснил хромоту тем, что упал и ушибся. Мать поверила, не стала ни о чем расспрашивать. Она была сама чем-то сильно озабочена. Зина же развила в этот день бурную хозяйственную деятельность: мыла полы, стирала. С необычным рвением помогал ей и Нестёрка. И даже маленькая Галька пыталась подключиться к хозяйственным делам.

– Не твое это дело, – остановила её Зина. – Я и одна управлюсь. Ты лучше слушайся... Далеко от дома не отходи, когда выходишь гулять.

Стояли сильные морозы, и Зина опасалась, что в своей лёгкой одежонке и дырявых валенках Галька может обморозиться.

– Ладно... – соглашается Галька.

– Что ладно-то?

– Не уйду.

На её бледном, с редкими веснушками, лице – полная покорность. Но Галька умеет хитрить: стоит Зине отвернуться, как она все начинает делать по-своему. А когда Зина начинает её бранить, Галька с невинным видом заявляет:

– Ты же сама сказала...

– Что я сказала?

– Что нельзя уходить далеко.

– Ну-у?..

– А я ушла недалеко.

– До чего же ты умная стала, – укоризненно качает головой Зина.

На осунувшемся лице Гальки снова полное согласие. Разумеется, она не возражает, что её считают умной.

Глава девятая

Под Новый год совсем низко над Оболью пролетел советский самолёт. Он вынырнул из-за леса, рассыпал над станционным посёлком и окрестными деревнями разноцветные листки и скрылся в ночном небе. Крутивший всю ночь снежную позёмку ветер далеко разнёс их.

Зина встала позже, чем всегда, но Галька ещё крепко спада, прижимая к себе свою куклу. Зина заглянула в соседнюю комнату. Тётя Ира и Солнышко уже ушли на работу. Нестёрка с Лёнкой спали вдвоём на деревянном топчане, прикрытые сверху ватниками.

Зина надела свою чёрную железнодорожную шинельку, повязала голову серым вигоневым платком, который ей дала двоюродная сестра, и только тогда разбудила Гальку.

– Ты полежи ещё, поспи. Я мигом слетаю к бабушке за молоком и вернусь. Ладно? – Она укрыла потеплее Гальку попавшимся под руку тряпьем, взяла с собой маленький бидончик и отправилась в деревню.

Уже в поле, когда Зина, зябко поёживаясь, шагала по слабо проторённой снежной тропке, ветер прибил к её ногам небольшую зелёную бумажку.

«Кажется, листовка...» Оглядевшись по сторонам, Зина подняла её и, спрятав у себя на груди под блузкой, торопливо зашагала дальше.

В избе бабушки было дымно и душно. Бабушка вместе с Любашей топила печку. Дяди Вани дома не было.

– Утром ушёл в свой склад, – сообщила бабушка.

Зина принесла из колодца пару вёдер воды, бросила охалку дров в сени, разделась и стала греть в печурке окоченевшие ладони.

– Может, ещё чем помочь? – предложила она бабушке.

– Отдыхай, кажется, всё сделано... – Ефросинья Ивановна налила немного в бидончик молока для Гальки и вздохнула: – Кончает наша Белокопытка доиться. – Она поставила перед Зиной блюдо с горячей картошкой, пододвинула солонку: – Ешь...

Когда бабушка захлопоталась у печки, Зина осторожно извлекла листовку из-под блузки, бережно разгладила и, отвернувшись к окну, прочла первые крупные строчки:

«Советским юношам, девушкам и подросткам занятых врагом областей!

Дорогие наши юные друзья!

Доблестная Красная армия по всему фронту перешла в решительное наступление. Славные воины Красной армии гонят немцев от Москвы...»

Дальше читать в избе Зина не стала. Она тихонько вышла в сени и там с замиранием сердца стала вглядываться в каждую новую строчку листовки:

«Юные советские патриоты!

Наши дорогие соотечественники, друзья!

Собирайте сведения о противнике, о его силах, о передвижении и передавайте эти сведения партизанам и частям Красной армии.

Рвите телефонную связь врага! Портите немецкие машины и выводите их из строя. Помогайте бойцам Красной армии уничтожить отступающих немцев. Вредите

оккупантам всюду и везде.

Смерть немецким оккупантам!

Прочитав, передай листовку товарищу!»

Вернувшись в избу, Зина не могла удержаться и, сияя, сообщила бабушке:

– Наша Красная армия наступает... Скоро нас освободят!

– Славу богу!.. – Бабушка истово перекрестилась на висевшие в углу над столом почерневшие от старости, иконы с венчальными свечами и бумажными лентами. – Быстрее бы этих супостатов выгнали.

– Выгонят, – заверила Зина, – теперь уже точно выгонят. – И, поцеловав маленькую Любашу и бабушку, с бидончиком молока в руках отправилась домой.

Всё кругом было бело от ослепительного снега: и деревья, и крыши, и безлюдная дорога, по которой шла в своей чёрной шинельке заметная издалека Зина.

У околицы она замедлила шаги, увидев группу людей с повязками на руках.

В это утро вся полиция усердно трудилась, собирая разбросанные с самолёта советские листовки. Наряд полиции обыскивал у околицы всех проходивших.

Зина с запрятанной под блузкой листовкой сама шла навстречу своей гибели.

«Что делать?... – лихорадочно размышляла она, замедляя шаг и не решаясь повернуть обратно. – Выбросить листовку – заметят». Зина приостановилась, у неё дрожали ноги.

– Мамочка, дорогая, помоги!.. – прошептала она.

Полицейские, закончив обыскивать какую-то девушку в белом платке, смотрели на Зину.

И тут Зина вспомнила знакомый с раннего детства приём. Если впереди стоят мальчишки, которые могут обидеть и которых она боится, то нужно не сворачивать в сторону – это хуже, – а смело идти, делая вид, что совершенно не обращаешь на них внимания и ни чуточки не боишься. Мальчишки тогда скорее пропустят... Зина вскинула голову и, выставив вперёд руку с бидончиком (чтобы был заметен), пошла навстречу полицаям.

– Что несёшь?.. – остановил один Зину и, открыв крышку, заглянул в бидончик.

– Девчонка... Она здесь живёт, в деревне... – произнес другой, запомнившийся ей черноусый полицай и подтолкнул Зину в спину: – Проходи!

Зина, не оглядываясь, пошла по дороге, убыстрив шаг. Впереди в коротком овчинном полушубке, закутавшись в тёплый белый платок, шла девушка, которую только что обыскивали. Подойдя поближе, Зина узнала в ней Фрузу.

– Обыскивали, сволочи!.. – пожаловалась Фруза и с ожесточением сплюнула в сторону. – Этот молодой гад за пазуху полез, стал лапы распускать. Так хотелось ему по морде дать.

– А меня не обыскивали, так пропустили. А посмотрите, что при мне было.

Молчать после только что пережитого волнения Зина никак не могла. Тем более что эта приветливая белозубая девушка с таким мягким, ласковым голосом очень ей нравилась. Зина вынула из-за пазухи сложенный вчетверо зелёный листок и доверчиво протянула Фрузе:

– Хотите прочитать?

Фруза остановилась, удивлённо заморгав глазами:

– У тебя листовка?! И ты не испугалась? Прошла мимо полицаяев?

– Испугалась, – призналась Зина. – Сначала очень испугалась, потом ничего.

– А если бы тебя обыскали, нашли листовку? – Фруза испытующе смотрела на

Зину. – Смелая ты... Это хорошо. Но будь осторожна. Теперь смерть каждому в затылок дышит... Пожалуй, листовку я у тебя возьму.

– Берите.

Фруза расстегнула воротник своей шубейки и запрятала листовку у себя на груди.

– Знаешь что... Приходи в субботу ко мне в Ушалы на вечеринку. Там наши ребята соберутся...

– Приду... – Зина очень обрадовалась, что с ней разговаривают, как со взрослой.

– Я попрошу твоего брата Илью зайти за тобой.

Когда вечером явились с работы тётя Ира и Солнышко, Зина рассказала о найденной листовке.

– Ты её домой принесла? – испугалась тётя Ира.

– Нет... я бросила... – схитрила Зина, опустив глаза.

Тётя Ира строго предостерегла:

– С листовками будь осторожна. Не вздумай домой приносить. Себе петлю наденешь и нас погубишь... Слышали, сорванцы? – обернулась она к притихшим Нестёрке и Лёньке. – Вас тоже касается.

– Слышали... – за себя и за брата ответил Нестёрка.

А на следующий день, когда мать и Солнышко ушли на работу, два давно не стриженных замухрышки-оборванца предстали перед своей старшей двоюродной сестрой. Оба в стоптанных валенках, в разорванных, латаных-перелатаных штанах и куртках, из которых они уже выросли. (На них всё словно горело, а мать не успевала их обрядить.)

– Мы тоже достали, – похвалились они и выложили из своих карманов на стол пять листовок, точно таких же, какую нашла Зина. – Возле дороги в кустарнике подобрали.

Зина растерялась. За стеной в соседней комнате – немка-переводчица, за окнами в поселке – гитлеровцы. Часто заглядывают в барак с обысками полицаи...

– Вы кому-нибудь их показывали?

– Ребятам, – признался Нестёрка.

– Зачем же вы показывали?... Не выдадут ваши дружки? Ведь если немцы узнают, всех нас повесят.

– Не-е... не выдадут, – заверил сестру Нестёрка.

– И всё же я их лучше сожгу... – Зина взяла листовки и сунула в печку.

– Нельзя их жечь! – решительно воспротивился Лёнька, выхватывая листовки из печки. – Листовки-то наши, советские... Там написано: «Прочитай и передай товарищу».

– Хорошо, не буду жечь. – Зина снова отобрала у ребят листовки и предложила: – Одевайтесь и шагайте со мной...

Добравшись до опушки леса, приказала братьям:

– Следите, чтобы кто-нибудь нас не накрыл... – и разбросала листовки возле дороги.

Домой вернулись другим путём.

У Зины словно гора с плеч свалилась.

– Сидеть сегодня дома и никуда не шляться! – приказала она братьям. – А то я всё расскажу тётя Ире.

– Не расскажешь, – буркнул про себя Нестёрка, всё же подчиняясь приказу сестры.

– Это почему же не расскажу?

– Потому что, – Нестёрка хитровато сощурился, – ты нас любишь.

Теперь, когда опасность миновала, Зина снова вернулась к беспокоившей её вчерашнего вечера мысли: в чём идти на вечеринку? Её летние платьица, которые она захватила с собой из Ленинграда, поистрепались, а приличной зимней одежды у неё не было.

Вечером, когда пришли с работы тётя Ира и Солнышко, Зина сидела унылая, с заплаканными глазами.

– Что случилось?.. – тревожно спросила тётя Ира.

Зина молчала.

– Она плакала... У неё нет платья на вечеринку пойти, – ответила за сестру говорливая Галька.

Зина вспыхнула:

– Не болтай! – и с укором посмотрела на сестрёнку.

– Можешь что-нибудь взять у меня, – предложила Солнышко, – но, правда, тебе все будет великовато.

– Зина, не плачь!.. Хочешь, мы тебе достанем платье?.. – подойдя к сестре, спросил Нестёрка.

Был он такой забавный со своим хохолком на затылке, так участливо глядел на нее, что Зина невольно улыбнулась сквозь слёзы:

– Глупый ты... Где же ты мне достанешь платье?

Нестёрка, ничего не ответив, подошел к старшему брату и стал с ним о чём-то шептаться.

Утром братья куда-то исчезли. Явились часа через два. Младший сразу заглянул к сестре в комнату.

– Зина, – зашептал он, почему-то тревожно оглядываясь назад, – выйди в коридор. У нас дело есть.

– Что за дело?

– Выйди... – настаивал Нестёрка.

В коридоре стоял Лёнька.

– Знаешь, что мы тебе принесли?.. – в два голоса зашептали ребята. Платье... Смотри... – И Лёнька, развернув трещавший от мороза свёрток, протянул Зине пёстрое, в полоску, видно, недавно выстиранное платье.

Нестёрка смущенно глядел в сторону.

– Где вы его взяли?.. – изумилась Зина. – Вы что, хотите из меня воровку сделать?

– Не-е... Это мы сами, – забормотал старший, не решаясь взглянуть в глаза сестре.

– Несите сейчас же обратно, туда, откуда стащили.

Мальчишки жались у двери, растерянно молчали.

Зина подошла и сунула в руки Нестёрке хрустящий свёрток, пахнущий морозом:

– Сейчас же несите. Я никогда не возьму чужого.

Когда ребята вернулись, свёртка в их руках уже не было.

– Отнесли?.. – спросила Зина. – Вот уж никогда не думала, что мои братья ворами станут!

Лёнька и Нестёрка стояли, понуро опустив головы, и так виновато шмыгали носами, что Зине стало жаль их. Ведь мальчишки о ней заботились. Но она всё же сказала им, строго сдвинув брови:

– Слышите... Больше никогда этого не делать! А если такое ещё раз повторится, вы мне – не братья!

Глава десятая

Когда Илья зашёл за Зиной, она была уже готова. Нарядиться в тёткины вещи она не стала. Но в свои косички вплела красные ленточки, а шею повязала голубым платком, привезённым из Ленинграда.

– Вот что, Галочка! – предупредила она сестрёнку. – Я уйду на вечеринку в Ушалы. С тобой побудут Лёнька и Нестёрка. Так что ты не скучай. Ты же у меня умница.

Когда она разговаривала с Галей просительно и ласково, младшая на всё соглашалась.

Илья, в осеннем пальто, стоял у порога и нетерпеливо крутил в руках свою старенькую шапку-ушанку.

Вместе они вышли на улицу.

– Всё же отпустила тебя Галька... Сложные у тебя условия, большая забота, – сочувственно сказал Илья.

– Что делать, Илюша. – Зина вздохнула.

Получивший от Фрузы задание привести Зину и немного по дороге её подготовить, Илья сказал:

– А ты знаешь, Зина, у нас сегодня не обычная вечеринка. Мы, комсомольцы, решили бороться с гитлеровцами. Всеми силами будем помогать нашей Красной армии. Тебя Фруза тоже решила пригласить в наши ряды... Ты как... готова? Не трусишь?

– Ой, да я со всей радостью!

– Собираемся мы под видом вечеринки... Понимаешь? Подпольную группу создаём, тебя тоже сегодня будут принимать, если ты согласна.

– Конечно, согласна. Вот только приняли бы.

– Раз мы с Володькой поручились за тебя, конечно, примут, – счёл нужным подчеркнуть свой и Володин авторитет Илья.

В Ушалах, у крыльца небольшой избы с вырезанным из дерева голубем над мезонином, их встретил светловолосый голубоглазый парень в коротком ватнике с распахнутым воротом, в коричневой цигейковой шапке. Он расчищал от снега дорожку.

– Брат Фрузы, Колька, – представил его Илья.

Вглядевшись в лица подошедших, парень первым поздоровался.

– Много снега в этом году... – заметил Илья, остановившись.

– Да, зима снежная, – отозвался парень, продолжая работать, и показал рукой на крыльцо: – Проходите.

Зина догадалась, что это пароль.

Со скрытым волнением вслед за Ильёй Зина вошла в горницу, оклеенную полосатыми обоями. На окнах белеют занавески с кружевной вязью. Вдоль стен расставлены скамейки, посередине – стол, покрытый серой льняной скатертью, на котором уже стоит закуска, тарелки, чашки. Подвешенная к брусу потолка над столом десятилинейная керосиновая лампа под жестяным абажуром неярко освещает избу.

Зина с Ильёй пришли одними из первых. Но вскоре стали подходить ребята и девушки, рассаживались молча. Собралось уже человек двенадцать, а хозяйка дома отсутствовала. Кто-то, примостившись у порога, крутил самокрутку. У окна

настраивал старенький отцовский баян Федя Слышенков.

Наконец в избе шумно, с громкими возгласами, появилась в расстёгнутой шубейке Фруза и с ней... такая же румяная от мороза Нина Азолина. Зина от удивления широко распахнула глаза: Фруза и Нинка явились не одни – привели с собой двух парней с белыми повязками на рукаве.

«Полицаи!» – обмерла Зина.

Мысль о предательстве ошеломила её. Она вопросительно взглянула на Илью. Но тот, как-то криво улыбнувшись, молчал. Зина беспокойно заёрзала. Если бы можно было незаметно скрыться, она тотчас бы ушла. Судя по всему, и Илья не меньше удивлён, выходит, и он обманут. Что же будет дальше?..

– Усаживайтесь сюда, ближе к столу, – даже не успев раздеться, радушно приглашает своих спутников Фруза.

Брат Фрузы, Николай, тоже засуетился возле полицаев, налил тому и другому по стакану самогонки.

С приходом Фрузы вечеринка разгорелась. Играл баян, пели, танцевали. Особенно усердно Нинка. Её наперебой приглашали Володя, Евгений, молодой полицаи... А красивая хозяйка дома в пунцовой блузке, с брошью на груди, в чёрной юбке, ясноглазая, белозубая, с приятным певучим говором, оживлённо угощала полицаев, подливая в стаканы хмельное.

Зина не спускала глаз с Фрузы и с полицаев, которые, развеселившись, чувствовали себя за столом хозяевами.

– Вижу, у вас собираются как по мирному времени... – поощрительно отозвался один из них, смуглолицый длинноволосый парень. И, выпив снова, довольно крякнул и обтёр губы рукавом.

– Значит, одобряете? – игриво наклонилась к нему Фруза, одновременно бросив выразительный взгляд на кого-то из своих ребят.

– Одобряем. Собирайтесь почаще, – откликнулся другой полицаи с бледным, одутловатым лицом.

– Может, ещё выпьете? – потчевал полицаев брат Фрузы. – Вы ведь теперь у нас начальство...

– И большое... – самодовольно заметил полицаи и взял было в руки налитый ему стакан.

Но смуглолицый остановил его:

– Хватит... Мы же... государственные люди. Пить нам больше не положено. – И, поднявшись, вдруг гаркнул: – Хайль Гитлер!

Полицаи, пошатываясь, сопровождаемые Фрузой в ее братом Николаем, наконец ушли. Танцы в избе сразу прекратились.

Но вернувшаяся в избу Фруза кивнула головой баянисту:

– Играй. – А сама подошла к Зине: – Зайдем ко мне. Поговорим...

Зина покорно последовала за ней в небольшую горенку.

– Я слышала, ты ленинградка. Кто у тебя там? – спросила Фруза, усаживая Зину за небольшой столик.

– Отец и мать.

– Отец работает?

– Да... и мама. На Кировском заводе. А теперь не знаю, живы ли. – Зина тяжело вздохнула.

– Унывать не нужно... Может быть, всё обойдется благополучно. В комсомол тебя

приняли?

- Нет ещё... Я пионерка. У нас в Ленинграде только в восьмом классе принимают.
- Ты знаешь, для чего мы собрались? С тобой разговаривал Илья?
- Да-а, он сказал мне... – прошептала Зина.
- Ну, ты как, решилась?

Зина вместо ответа порывисто схватила за руку Фрузу, по-детски прижалась к ней:

- Примите меня. Буду до самой Победы с вами.
- Теперь догадалась, на какую я тебя вечеринку приглашала?
- Конечно... Да и Илюша мне всё объяснил.
- Значит, решено твёрдо?
- Да.

– Тогда сегодня будем рассматривать вопрос о твоём приёме. Кратко расскажешь о себе. За тебя поручились Илья и Володя. Пошли к ребятам.

Они вернулись в большую половину избы.

– Теперь можно начинать, – сказала Фруза, окинув глазами собравшихся.

Замолк баян. Ребята перестали петь, ближе подсели к столу. Нина Азолина сидела на прежнем месте одна. Зина заметила, что никто не подсел к ней и что ребята как-то искоса поглядывают на нее. Фруза, казалось, не обращала никакого внимания на эти косые взгляды.

Зина снова насторожилась. «Почему Нинка не ушла с полицейскими? Разве ей место здесь?» – обескураженно думала она.

– Проводил? – спросила Фруза, когда брат вернулся в избу.

Николай, нахмурив свои белёсые брови, только махнул рукой и заглянул на кухню. Сразу же оделся и вышел из избы отец Фрузы, грузноватый и широкоплечий, лет пятидесяти, с небольшой окладистой бородой.

«Пошел дежурить к крыльцу», – догадалась Зина.

– Давайте теперь о деле поговорим... – предложила Фруза.

К удивлению Зины, Фруза вынула из кармана зелёную листовку, ту самую, что накануне утром она передала ей.

– К нам обращаются люди с Большой земли...

Читала Фруза медленно, внятно. Зина, искоса наблюдая за ребятами, видела: Нина Азолина вся обратилась в слух. Валя Шашкова напряжённо склонила гладко зачёсанную голову над столом. Полузакрыв глаза, внимательно слушал Володя... Пока Фруза читала, никто не проронил ни слова.

Кончив читать, Фруза протянула листовку сидевшему рядом Евгению. Листовка пошла по рукам.

– Как видите, нас призывают к борьбе. Для этого мы и собрались сегодня... Эту листовку нашла и передала мне присутствующая здесь ленинградская школьница Зина Портнова. – Фруза медленно оглядела собравшихся. – Она новенькая среди нас, как и Нина Азолина...

– Ого! – удивлённо воскликнул кто-то из ребят.

– Да, Азолина... И ей мы доверяем, пожалуй, больше, чем кому-либо... А сейчас мы должны услышать от них самих, готовы ли они вместе с нами бороться с гитлеровскими оккупантами, мстить фашистам за нашу Родину, за все те страдания, которые они принесли всем нам. Давайте перейдем к приёму. Начнем с Нины Азолиной. Рекомендует Нину... подпольный райком комсомола.

Изумлённая Зина обернулась к Нине. Та сидела смущённая, опустив свои прекрасные синие глаза. Миловидное, с нежным продолговатым овалом лицо её пылало.

– Все мы знаем Нину... Вряд ли ей стоит подробно рассказывать о себе.

– Знаем, – поддержал Володя. Он сидел рядом с Ниной и, как заметила Зина, пожал ей руку. То, что Володя неравнодушен к Нине, знали все.

По глазам ребят Зина видела, что многие удивлены.

Нина встала.

– Да, я прошу принять меня... Я тоже готова и дальше делать все, что поручит райком комсомола и наша подпольная организация.

Нине не задали ни одного вопроса, приняли единогласно.

Фруза снова поднялась с места, и Зина, вспыхнув, услышала свою фамилию и тут же рассердилась на себя: «Ох уж эта глупая привычка краснеть!»

– Рекомендуют Зинаиду Портнову Илья и Володя. Я присоединяюсь к рекомендуемым, – сказала Фруза.

Все испытующе глядели на Зину. А она, растерянно опустив руки, стояла перед собравшимися, не зная, что говорить.

– Я из Ленинграда... – тихо, вздрагивающим от волнения голосом начала Зина. – Окончила в Ленинграде семь классов, перешла в восьмой. Жила у бабушки Ефросиньи Ивановны Яблоковой в Зуе... А теперь вместе с тётёй Ирой, родной сестрой моей матери, живу в посёлке при торфозаводе. Мама и отец остались в Ленинграде. – Голос Зины пресекся от волнения. Едва справившись с ним, она продолжала: – Со мной здесь младшая сестрёнка... – Она почувствовала, что говорит что-то не то, не самое главное, и смущённо произнесла: – Я тоже готова свою жизнь отдать за нашу победу над фашистами. Прошу принять меня в ваши ряды!

Выступили рекомендуемые: Илья, Володя. Кратко каждый охарактеризовал её как смелую и решительную девочку, упомянул и про переправу красноармейцев.

Опустив голову, Зина словно в тумане – так она волновалась – слышала, как Фруза спросила:

– Принимаем Зинаиду Портнову в свои ряды?

И чей-то голос произнес:

– Принять...

Зина не видела, кто поднимал руку, только услышала:

– Принята единогласно.

Так 4 января 1942 года ленинградская школьница пионерка Зина Портнова стала членом Обольской подпольной комсомольской организации.

Глава одиннадцатая

– Разговаривала я с начальством, – сообщила племяннице тётя Ира, вернувшись с работы. – Им на кухню нужна коренщица: чистить картошку, овощи. Тебя могут взять, если согласишься. – И тут же предупредила: – Работа не из лёгких, но зато тебя будут кормить, да и Галинке сможешь что-нибудь приносить.

Согласившись пойти на следующий день с тётёй Ирой и Солнышком к начальству столовой, Зина терзалась мыслью: «Что скажут об этом товарищи?» Не назовут ли её предательницей? Поделиться своими сомнениями с тётёй Ирой или Солнышком нельзя. Она не может нарушить тайну, которую ей доверили подпольщики.

«Что делать? – думала Зина, ложась спать. – Если не пойду работать, то как же

жить дальше с Галькой?» Ведь тётке Ире всех не прокормить. Выхода нет. Она пойдет работать. Её, конечно, сразу же исключают из подпольной организации. Правда, Нина Азолина тоже работает на немцев. Но она работает по заданию...

Промучившись всю ночь, утром Зина всё же пошла в столовую.

– Вот моя племянница, – представила её тётя Ира толстому офицеру с нашивками на коричневом кителе. – Я вчера вам говорила...

По бледному лицу тётки Иры Зина догадалась, как нелегко ей вести этот разговор – просить, заискивая, фашиста, которого она так ненавидит!

– Принесешь справку от врача и из полиции? – потребовал гитлеровец, смерив Зину надменным взглядом.

Зина, вместо того чтобы сразу идти к врачу, как ей посоветовала тётя Ира, помчалась в Ушалы.

Фруза встретила ее испуганно:

– Что случилось? На тебе лица нет.

Вышли в сени.

Зина торопливо все рассказала.

– И только-то?! – Фруза облегченно вздохнула, – Фу-у... Как ты меня напугала!.. Я думала, что-то серьёзное, – И тут же вслух упрекнула себя: Как это я раньше не сообразила, что у тебя такое тяжёлое положение. Ты не расстраивайся, поступай на работу. Мы даже рекомендуем всем нашим ребятам трудоустроиться. Иного выхода нет. Так безопаснее и лучше для дела. А тебе ведь с сестрёнкой как-то надо кормиться.

На следующий день Зина, заметно робея, отправилась в комендатуру. Медленно поднялась по крутой лестнице на второй этаж. Терпеливо дождалась своей очереди к начальнику полиции.

Высокий, худощавый обрусевший немец в полувоенной форме, с сухим, надменным лицом и колючим взглядом, выслушав Зину, спросил:

– Почему ты хочешь в столовую, а не на работу в Германию?

– Там же меня берут... – испуганно ответила Зина. – Есть договоренность...

– Кто твой отец? – перебил ее начальник полиции.

– Он в Ленинграде, работает на заводе...

– Больше он уже не работает, – скривил губы начальник полиции. Ленинград теперь сплошное кладбище. Повымерли все. Как зовут мать?

– Анна Исаковна.

– Еврейка?

– Нет, – Зина энергично затрясла тёмными косичками, – белоруска... Она, как и отец, местная: здесь, в Зуе, родилась.

– Исак – это в Белоруссии имя распространенное, – счёл нужным вмешаться в разговор вошедший полицейский.

– Комсомолка?

– Нет...

Кончив допрашивать, начальник полиции подписал справку.

Зина не помнила, как ноги вынесли её из кабинета. В коридоре остановилась перед полураскрытой дверью соседней комнаты, где за пишущей машинкой заметила Нину Азолину. Встретившись с ней взглядом, слабо улыбнулась и поспешила к выходу.

Первый день работы в сыром, промозглом подвале кухни показался Зине бесконечно долгим. С огромным трудом продержалась она до конца.

Вечером от усталости едва доплелась домой и сразу свалилась на постель.

– Не до тебя, Галчонок, дай отдохнуть, – только и смогла проговорить Зина, когда к ней сунулась сестрёнка.

– Ну как? – спросила тётя Ира, зайдя в комнату. – Выстояла? Тяжело тебе?.. И подбодрила: – Ничего, Зиночка, привыкнешь... Нам с Солнышком тоже с непривычки тяжело показалось таскать поднос с тарелками...

Зина только махнула распухшей рукой. Говорить ей не хотелось.

Руки саднили, ломило спину. И ночью все снилось, что она – чистит картошку, режет овощи... Уже целая гора на столе. А сзади все покрикивают, приказывают быстрее работать...

В следующие дни было так же тяжело, но Зина уже начала втягиваться, привыкать. Появилась необходимая сноровка.

Главное – когда кончался обед, подсобным рабочим наливали по миске супа, давали остатки второго, а картофельные очистки разрешали брать домой.

Сначала напарница – худощавая зеленоглазая блондинка Зося – больше приглядывалась к своей юной подруге, а потом, смешивая в разговоре белорусские слом с польскими, стала учить Зину уму-разуму:

– Смотри... – говорила она, показывая на вьющуюся из-под ножа тоненькую, почти прозрачную картофельную кожуру. – Кожицу снимаешь чуть-чуть. Это когда наблюдают за тобой. А это ты чистишь для себя... Из-под ножа Зоси теперь выходила толстая кожура. – Следи, чтобы на очистках оставался белый след. Домой придёшь, хорошие лепешки приготовишь.

На следующий день Зина так и поступила. Галька и двоюродные братья с удовольствием уплетали лепешки из очисток, которые им напекла Зина.

С напарницей Зина сдружилась. Поочередно отпускали они друг друга пораньше домой. Шеф-повар – толстый, неуклюжий немец с круглой бритой головой в белом колпаке – не возражал: были бы приготовлены вовремя овощи.

А необходимость пораньше уйти с работы у Зины возникала нередко.

... На этот раз «вечеринка» собралась в избе Володи Езовитова, в Зуе. В светлой прихожей висело большое зеркало, и Зина невольно задержалась у него. На нее глядела худенькая девочка невысокого роста, тёмно-русые волосы заплетены сзади в две косички, в синеватом простеньком платье, в бабушкиных подшитых валенках.

За дверью слышались шаги, и Зина, быстро отскочив от зеркала, направилась к ребятам.

В угловой высокой комнате было значительно просторнее и больше мебели, чем у Фрузы в Ушалах. На стенах несколько цветных репродукций с картин Репина, Шишкина. Для конспирации, как и в прошлый раз, простая закуска и несколько бутылок хмельного. Стол уже при Зине заканчивал накрывать сам Володя.

– Прошное решение мы успешно выполнили, – сказал Володя, когда все собрались. – Листовки со сводками Советского информбюро, наверно, читали?..

«А я не читала», – с досадой подумала Зина.

Володя не назвал фамилии исполнителей. Ограничился только общими сведениями. Перешли к приему.

Первым в члены подпольной комсомольской организации приняли черноволосого тихого, застенчивого парнишку, Ефима Лемнева, – у него недавно немцы расстреляли отца и родного дядю. Все сочувственно глядели на него, не задавая никаких вопросов. После Ефима принимали Машу Ушакову из деревни Ушалы и затем соседку Фрузы –

Катю Зенькову.

– «Люди из леса» знают, что мы существуем? – поинтересовался Илья, когда после приема перешли к текущим делам.

– Знают... Просили обратить особое внимание на движение поездов и автомашин по шоссе, – ответила Фруза.

– Я слежу за движением поездов. Но мне нужен помощник. Одному трудно, отозвался худощавый темноволосый парень в железнодорожной куртке.

Внимательно приглядевшись, Зина узнала в нем своего дальнего родственника – Николая Алексеева. Он выглядел «стариком» среди юных подпольщиков. Николаю было уже двадцать три года.

– Получишь помощника... – Фруза скользнула взором по собравшимся. – Мы это продумаем. Надо будет учесть, кто ближе живёт к железной дороге... А вот следить за шоссейкой попросим Машу и Тоню Лузгиных.

– Согласны... – за себя и за старшую сестру ответила Маша.

– Сведения будете передавать Володе, – предупредила Фруза. – А Володя мне, по цепочке. В целях конспирации меня теперь называйте Таней. Советую каждому взять себе подпольную кличку.

– Это обязательно или желательно? – спросил Евгений, имевший привычку возражать. – Начиталась ты, Фруза, всякой приключенческой литературы! В условиях деревни, когда все хорошо друг друга знают, клички совершенно излишни, и нечего заниматься всякими пустяками...

– О пустяках нам «люди из леса» советы давать не будут, – перебила его Фруза и спокойно добавила: – Настаивать я не буду. Как, девочки, думаете? – обратилась она к женской половине собравшихся.

И девушки поддержали её.

– Меня можете звать Ласточкой, – первой откликнулась Маша Лузгина и, взглянув на старшую сестру, добавила: – А Тоню зовите Несмеяной. – И тут же пояснила: – Она у нас редко смеётся. Мы её так дома окрестили. Тоня, ты согласна?

Совершенно непохожая на свою сестру, высокая, стройная, с длинной тёмно-русой косой, Антонина улыбнулась:

– Ну что ж, пускай буду Несмеяной...

– Орлик, – придумала себе кличку задушевная подруга Фрузы Маша Дементьева. – Так меня звали в детстве... – И шутливо толкнула в бок Нину Азолину: – А тебя как?..

– Василёк, – задумчиво отозвалась Нина.

Зина, внимательно слушая, отметила про себя, что эта подпольная кличка очень подходит синеглазой Нине.

– Дело это, ребята, серьёзное, – снова предупредила Фруза. – Разговаривать о наших подпольных делах, не оглашая фамилий, – закон конспирации. – И обратилась к своей подружке-односельчанке Зине Лузгиной: – А тебя как будем именовать?

– Зовите Мальвой. В честь героини повести Максима Горького.

Теперь Фруза смотрела на сидевших рядышком брата и сестру – Митю и Машу Хребтенко.

– Ёлочка, – назвала себя Маша.

– А я ещё подумаю, – отозвался Митя.

И тут Зина уловила взгляд Фрузы на себе.

– Ромашка!.. – смутившись и покраснев, назвала она придуманную кличку,

вспомнив почему-то Серёжу Есина и последний ленинградский вечер.

– А вы... «братья»? – спросила Фруза, окинув долгим взглядом однофамильцев Езовитовых.

– Так и называй – братьями, – посоветовал Евгений.

– Кто из вас старший, а кто младший? – поинтересовался кто-то из девочек.

– Мы – близнецы! – шутливо ответил Илья.

Ребята засмеялись.

Володя, нахмурившись, нетерпеливо переглянулся с Фрузой. Порывисто поднялся с места.

– Почему нам сегодня так весело? – строго спросил он.

– Володя прав... Ведем себя по-ребячески, – сказала Фруза, – а решаем очень серьёзное дело. – Она снова овладела собранием.

Установили пароли. Договорились, как оповещать друг друга в случае опасности. Поручили Володе наметить места, где будут находиться тайники для подпольных документов, систему сигнализации, если в дом подпольщика входить нельзя.

– А как мы назовем нашу организацию? – спросил Володя.

– Не знаю... Я не думала, – растерялась Фруза.

Одно за другим предлагались названия, но они не захватывали ребят.

Беспокойно поерзав на стуле, Зина вдруг решила и подняла руку:

– «Обольские мстители».

Наступила тишина.

– Пожалуй, неплохо, – отозвался Евгений. – Мне нравится.

– Лучше – «Юные мстители», – поправила Фруза. – Как думаете, ребята?

Название «Юные мстители» всем пришлось по душе.

– С сегодняшнего дня мы все – юные мстители, – подытожила Фруза. – Так давайте делом оправдаем название – будем мстить проклятым фашистам. Прошу, ребята, встать.

Все встали. И Фруза тихонько запела:

Вихри враждебные веют над нами,

Чёрные силы нас тяжко гнетут.

В бой роковой мы вступили с врагами...

Охваченные единым порывом, песню подхватили все юные мстители.

Январские сумерки быстро опускаются на землю. Сыплет снег, крутит пурга. В зашторенных окнах посёлка ни одного огонька. Кругом тишина. Две девушки медленно идут друг за другом между сугробами, по тропке вдоль крайнего посада. Наконец они остановились на углу.

Одна – в плюшевом светлом жакете, закутанная белым полушалком, – как невидимка среди сугробов. Другая – в чёрной шинельке, тёмном платке и чёрных ветхих валенках на ногах – резко выделяется на фоне белого снега.

– Начнём, Ромашка! – прошептала девушка в жакете, озираясь по сторонам.

Она быстро вынула листовку, смазала клейстером, слегка прилепила на облюбованное место и ушла вперёд.

Та, которую она назвала Ромашкой, приостановилась, разгладила наклеенную листовку, огляделась и заторопилась вслед. И вдруг метнулась в сугроб, воскликнув:

– Ласточка, ложись!..

На противоположном посаде появились двое. Идут они медленно, один за другим, отворачиваясь от ветра.

– Полицайи... – вымолвила Ромашка, глубже зарываясь в сугроб.

Зажмурив от страха глаза, они лежат неподвижно, боясь шевельнуться.

– Чуть не влипли... – прошептала Ласточка, когда полицейские скрылись вдаль.

Крадучись, девушки снова торопливо двинулись вдоль посада.

Внезапно в тяжёлых изорванных облаках открылось окошко, в которое выглянул белесый предатель-месяц. Девушки стояли, прижавшись к забору, не решаясь двинуться дальше. И месяц, словно сжалившись, скрылся за облаками. И снова две девушки крадутся по посаду. Наконец на телеграфный столб наклеена последняя листовка. Девушки облегчённо вздохнули. Заброшена подальше в снег склянка с остатками клея. Скорее к кустарнику возле оврага. Там находятся на страже Илья и Федя, в случае острой опасности ребята должны отвлечь внимание полицейских.

– Ну как?.. Разгрузились?.. – встревоженно спрашивают они, выходя навстречу и стряхивая с девушек снег.

– Порядок! – вполголоса отвечает Ласточка.

Легко одетая, Ромашка продрогла, но слабо улыбается. Почему-то теперь, когда главная опасность миновала, её бьёт нервная дрожь.

В сумраке над полотном железной дороги вспыхивает и некоторое время горит ракета, освещая поле и участок пути.

– Боятся «людей из леса», – замечает Илья.

Он провожает домой Ромашку, а Федя – Ласточку.

Вернувшись домой, Ромашка снова становится Зиной и погружается в разные хозяйственные заботы.

К своим подпольным кличкам ребята привыкают не сразу. Но Фруза очень пунктуальна в своём требовании не называть друг друга настоящими именами. Для всех подпольщиков она – Таня.

– Хорошо проявили себя Ласточка и Ромашка! – говорит на очередном сборе подпольщиков Фруза. Она отмечает также Мальву и Ёлочку. Это благодаря им поздно вечером в комендатуре гестапо зазвонил телефон: передавали тревожное сообщение – на дороге из Оболи в Уллу по неизвестной причине сгорел мост. И в заключение Фруза приказывает: – Тем, кто ещё не устроился на работу, не медлить ни одного дня. Устраиваться срочно!

И встречает резкое возражение Феди Слышенкова:

– На немцев работать не буду!

– Будешь... Не поступишь на работу, так заставим, – невозмутимо замечает Володя.

Федя весь багровеет:

– Это как понимать?.. «За-ста-вим»! Кто заставит? Ты?

– Только не ершись, Фёдор Фёдорович! Не маши кулаками. Что ты боксёр, мы знаем. Заставим мы, наша организация. Поступив на работу, ты получаешь возможность бороться. Ты пойми, если тебя завтра заберут и повезут в Германию, нам же придётся выручать тебя, – успокаивает Фруза Слышенкова и объявляет: – Организация наша создана. Для повседневного руководства ею необходимо выбрать комитет. Предлагайте кандидатуры.

Называют: Таню, Володю, Евгения, Илью, Орлика и Ромашку.

И вдруг:

– Беру самоотвод! – Это поднял руку Евгений. Последнее время он неузнаваем – хмурый, молчаливый. – Вы, наверно, не всё знаете. У меня брат поступил в полицию.

Это известие было полнейшей неожиданностью, в том числе и для Фрузы.

– А ты не знал, что брат собирается поступить в полицию?

– Нет.

– А брат твой знает, что ты – подпольщик? – осторожно спросил Володя.

– А ты как думаешь? – резко ответил Евгений и потупился. Перед его глазами вновь возникла та ужасная сцена.

... Евгений вернулся домой, когда отец и мать уже спали, а старший брат Алесь сидел один за столом. Перед ним стояла бутылка. В избе пахло самогонкой.

– С какой это радости ты пьянствуешь? – спросил брата Евгений.

Глаза у того уже были мутные, осоловелые.

– Я теперича – власть... – заявил Алесь и достал из кармана белую повязку. – Могу и тебя рекомендовать в полицию.

Евгений, побледнев, кинулся к Алесю с кулаками:

– Иуда! Предатель! – выкрикивал он ему в лицо. – Мне стыдно будет в глаза людям смотреть!..

– А привлечь брата на нашу сторону ты не сможешь? – Вопрос Фрузы отвлек Евгения от воспоминаний об этой удручающей сцене.

– Врага не привлекают. Врага уничтожают, – глухо ответил кто-то за Евгения.

Выступил Федя Слышенков:

– Я предлагаю Евгения оставить в списке. У нас нет оснований не верить ему. За брата-предателя Женя не ответчик.

После долгих прений решили самоотвода Евгения не принимать и оставить его в списке. Приступили к голосованию. Все выдвинутые в комитет прошли. Прошла и Ромашка.

Уже к концу собрания пришли партизаны, сопровождаемые братом Фрузы. Их было двое. Средних лет, русоволосый, с короткой бородкой мужчина в сапогах, ватном пиджаке, немного прихрамывающий, и девушка лет двадцати пяти, белокурая, большеглазая, одетая по-деревенски – в овчинную шубейку, тёмный платок, в валенках.

– Наташа! – перешептывались подпольщики, узнав в девушке секретаря райкома комсомола.

– Ого! Вас порядочно собралось. Наш резерв, – отметил русоволосый, поздоровавшись с Фрузой за руку.

Все сгрудились вокруг гостей. Ребята спрашивали: далеко ли до партизанского отряда? как туда попасть? будут ли партизаны помогать подпольщикам? какое теперь положение на фронте?

– Вижу, вы все настроены уходить к нам в лес? – спросил партизан, прищурившись и широко улыбаясь. – Но этого делать не следует: нам, партизанам, нужны глаза и уши здесь, на месте. Нам нужны здесь и ваши руки, ваша смелость и храбрость в борьбе с врагом. Очень нужны. Уходить к нам надо только в том случае, когда кому-либо из вас будет грозить непосредственная опасность.

Ответив на все вопросы, он счел необходимым предостеречь:

– Не допускайте торопливости в своих действиях. Обдумывайте заранее каждый свой шаг. Помните: враг очень силен, умён и хитёр! При вовлечении в свою организацию вы должны соблюдать осторожность и ещё раз осторожность! Ну, вот пока всё. Надеюсь, мы ещё не раз встретимся. Вижу, моя спутница жаждет поговорить с вами по душам.

Наташа обратилась к ним очень задушевно, просто:

– Дорогие мои, хорошие! А я ведь многих из вас знаю, помню! Встречались не раз в райкоме комсомола. Да и у вас в Оболи была не раз... Могу от себя добавить: каждый из вас уже зачислен в основной состав партизанского отряда по рекомендации райкома. Ваша комсомольская организация «Юные мстители» (хорошее название придумали!) состоит у нас на учёте. Секретарем райком утвердил вашу... – она чуть запнулась, посмотрев на Фрузу, – вашу Таню.

Партизаны пробыли недолго. Их пошли провожать Фруза с братом.

– Вы слышали, о чем предупреждали нас «люди из леса»? – спросил Володя, когда они остались одни. – Без ведома комитета не должна совершаться ни одна диверсия.

– А если руки чешутся? – спросил Федя, невинно улыбаясь.

– Пойди и вымой их с мылом.

Вскоре Фруза вернулась и объявила, что на следующей неделе подпольщики будут принимать присягу. Не удержавшись, спросила:

– А вы знаете, кто с Наташей у нас был?

– Секретарь райкома партии, – отозвался Николай Алексеев.

– А теперь секретарь подпольного райкома, – уточнила Фруза.

Глава двенадцатая

Рано утром в барак с обыском пришли полицейские, тщательно все перерыли, но ничего в комнатах тёти Иры и Зины не нашли.

– Можете идти на работу... – пробурчал старший.

– Что они искали? – тревожно спросила Зина.

– Трудно сказать... Столовая у нас ведь курсантская, на особом контроле, – ответила тётя Ира.

Но Зина заметила, что и сама она, и Солнышко тоже были очень встревожены.

Узнав об обыске, у них в тот же день побывал дядя Ваня.

– Нужно быть очень осторожными, – предупредил он тётю Иру и Солнышко.

«О чем он их предупреждал?» – размышляла Зина, отправляясь в Ушалы.

На этот раз юные мстители собирались днём в лесу на заснеженной поляне.

Пришли Наташа и с ней ещё трое. Один из них, как потом узнала Зина, комиссар партизанского отряда. Несколько партизан, вооруженных автоматами, охраняли подступы к поляне.

Завьюженный лес молчал и казался Зине загадочным, таинственным. Дул легкий ветерок. Голубое небо было чистым. Краешек красноватого солнца, ещё видимый над макушками деревьев, медленно опускался. Подпольщики выстроились в шеренгу. Из группы партизан вышел уже знакомый ребятам пожилой человек с короткой бородкой и негромко спросил:

– Юные мстители! К присяге готовы?

От шеренги, по-военному чеканя шаг, отделилась Таня и ответила за всех:

– Готовы!

Она первая произнесла слова присяги и встала в строй. Один за другим выходили юные подпольщики. Снова и снова в шероховатой лесной тишине звучали взволнованные юные голоса:

– Я, гражданин Советской Социалистической Республики, верный сын белорусского народа, присягаю и клянусь...

Красным отблеском заходящего солнца озарялась заснеженная лесная поляна.

Чуть колыхались верхушки елей! Сыпался легкий снежок.

– ...Не пожалею своей жизни для освобождения моего народа от немецко-фашистских захватчиков...

И когда подошла очередь Ромашки, она, самая юная из собравшихся, с пионерским галстуком на шее, повязанным поверх чёрной шинельки, звонким, дрожащим от волнения голосом произнесла слова присяги.

Ей, так же как и остальным юным мстителям, торжественно объявили, что она зачисляется бойцом партизанского отряда с правом получить личное боевое оружие.

Ромашка встала в общий строй, гордая сознанием, что связана общей клятвой и жизнь её принадлежит уже не только себе.

После разгрома вражеской группировки под Москвой войска Красной армии стремились, используя зимний период, развивать наступление на многих участках Северо-Западного и Западного фронтов.

Усиливая сопротивление, стремясь во что бы то ни стало задержать наше наступление, гитлеровцы перебрасывали сюда войска из Франции и Прибалтики. Транспортный поток на железнодорожной магистрали, проходившей через Оболь, в январские и февральские дни был особенно интенсивным. Эшелоны с солдатами, техникой, боеприпасами, цистерны с горючим следовали почти непрерывно. Шли и встречные поезда, везли исковерканные танки, разбитые орудия, обломки самолётов. Такое же активное движение наблюдалось и на шоссе.

Получив от партизан задание, юные мстители установили на чердаке избы Николая Алексеева наблюдательный пункт. Кто-нибудь из подпольщиков (чаще всего свои, обольские: Митя и Маша Хребтенко, Зоя Софончик), сменяя друг друга, почти непрерывно находились у слухового окошка, следя за железной дорогой.

Для уточнения их данных Ромашке было поручено побывать на станции и о результатах наблюдения сообщить через связного Тане или Володе. Все сведения концентрировались у них и передавались партизанам, а затем в штаб армии фронта.

– Схожу к бабушке, – предупредила Зина сестренку и «братьев-разбойников». А сама кратчайшим путем, по тропинке через замерзшую речку, отправилась в станционный посёлок.

Она подошла к станции, когда, громыхая и пуская седые облака пара, со стороны Полоцка прибыл длинный эшелон с войсками. Полицейские, охранявшие станцию, и гитлеровцы не обратили внимания на девчонку в чёрной шинельке, повязанную серым вигоневым платком, проскользнувшую, пользуясь суматохой, на перрон и быстро обошедшую весь состав – от паровоза до конца. На перроне толпились вражеские солдаты. Многоголосо звучала чужая речь.

«Тридцать две, – мысленно повторила Зина отмеченное количество теплушек и медленнее прошла обратно по платформе, стараясь определить, сколько примерно солдат в каждой теплушке и к какому роду войск они принадлежат. Пехота, – пришла она к заключению. – Солдаты в чистом обмундировании, не утомленные, очевидно, следуют на фронт».

Она благополучно выбралась на станционную площадь. Возле стенда, оклеенного разными приказами, цветными плакатами с изображением Гитлера, она должна была встретиться со связным и передать сведения. Зина осторожно огляделась: у стенда – никого. Она сделала вид, что внимательно знакомится с фронтовой сводкой, извещавшей о больших успехах германских войск и о том, что начавшееся контрнаступление Красной армии под Москвой уже выдохлось.

С плаката на Зину смотрел улыбающийся Гитлер. Он словно злорадствовал, что к ней никто не подходит. Зина с отвращением взглянула на ненавистный портрет. Ведь это он, Гитлер, лишил её с сестрёнкой возможности жить вместе с отцом и матерью в родном доме, учиться в школе. Это он залил кровью белорусскую землю, погубил тысячи советских людей. Не в силах сдержаться, Зина протянула руку и надорвала сверху край плаката. «Ветром сорвёт», – подумала она и тут же, скосив глаза в сторону, заметила: у разрушенного сарая стоял человек с белой нарукавной повязкой и глядел в её сторону. А ветер уже трепал обрывки плаката. Похолодевшая от страха Зина не сразу заметила, что возле неё вырос какой-то парень в ватнике и заячьей ушанке. Грубо подхватив Зину под руку, парень громко произнёс:

– Заждалась, моя милашка. Ну-у, пошли... – Обняв Зину за плечи, он крепко прижал её к себе. Зина попыталась вывернуться, но услышала торопливый шёпот: – Дурёха! Меня же Таня послала.

Когда они поравнялись с полицейским, парень небрежно похвалился:

– Моя зазноба, Алесь! Капризная до чёртиков! – и быстро провел Зину мимо.

За сараем, оглядевшись по сторонам, выдохнул:

– Кажется, пронесло. – И тут же потребовал: – Ну, быстро давай сведения! Неразумная ты ещё какая!

Так произошла встреча Ромашки со связным Ванюшей, взявшим себе подпольную кличку Добрыня.

Поздним вечером возле Зуи, на отшибе села, остановились два паренёк.

– Подождём его здесь, – прошептал один, и они, маскируясь, прилегли в снег.

Тот, кого они ждали, почему-то запаздывал, хотя должен был явиться раньше них. Они лежали довольно долго и, окончательно продрогнув, поднялись со снега. Пригнувшись, направились по глубокой снежной целине к видневшемуся невдалеке железнодорожному полотну.

Вечер выдался тёмный, луны не было, облака низко нависли над полем, мела поземка. Перед спуском в кювет ребята замаскировались в снегу, прислушиваясь.

– Чу, идут!

Часовые, охранявшие путь, – а их было тоже двое, – стуча коваными ботинками по шпалам, прошли мимо. А со стороны Полоцка уже доносился грохот приближающегося состава. Один паренёк скатился в кювет. Оставшийся наверху махнул ему рукой: всё благополучно!

Тогда паренёк вылез из кювета, поднялся на полотно и прижался к рельсу...

Уже был заметен изогнувшийся серпом на повороте колеи длинный состав. Светились огоньки в теплушках воинского эшелона.

Приладив мину к рельсу, паренёк сполз обратно в кювет. На четвереньках, торопливо работая локтями, ребята поползли к спасительному кустарнику. Тяжело дыша, снова залегли, прислушиваясь. Но в чем дело?! Вот паровоз достиг места, где была установлена мина, и... прошел дальше. За ним, громыхая, проследовали теплушки.

– Не взорвалась!

Ничего не понимая, они все ещё ждали, дрожа от возбуждения и холода. Вскоре на Витебск проследовал новый воинский эшелон. Взрыва опять не последовало.

Дня через два юные мстители собрались в деревне Мостище, в избе сестёр Дементьевых, которые жили только с матерью. Их отец, бывший председатель колхоза, воевал на фронте.

Подпольщики расположились в большой горнице, заставленной старой мебелью.

– Важное задание прервать движение по железной дороге мы не выполнили, – строго сообщила Фруза.

В избу вошел немного запоздавший Федя Слышенков. Сел позади всех в углу.

– А кому оно было поручено? – спросил Николай Алексеев.

– Операция была поручена Евгению Езовитову, Мите Хребтенко и Феде Слышенкову. Может быть, начнем с тебя, Федя? Говорят, ты так и не явился на место встречи?

Тяжело ступая, Федя подошел к столу и вынул из кармана массивный черный, с круглым барабаном, наган.

– Я пришёл... Вот мой свидетель! А трусом меня никто ещё в жизни не называл.

Только теперь ребята заметили, что лицо у него вспухшее, в кровоподтёках.

– Почему ты не пришёл к ребятам? – спросила Фруза.

– Я пришёл первым, – упрямо повторил Федя. – Моя задача была обеспечить безопасность. Я обеспечил.

Выяснилось, что Федя нарвался на полицейского.

– И ты, что же, подрался с ним и отнял наган? – недоверчиво спросил Володя.

Федя резко повернулся к нему.

– Полицай задержал меня, угрожая наганом. И я пошёл с ним, чтобы отвести от ребят, которые с минуты на минуту должны были подойти. Пошёл, чтобы не сорвать наш план диверсии.

– А полицай? – спросила Маша Дементьева.

– Когда отошли подальше, я его... ликвидировал.

– Убил? – Глаза у Зины испуганно расширились.

– Да, и закопал в снегу.

«Он убил человека. А что, если и мне тоже придётся убивать? Смогу ли? Убить человека! Как, наверно, это страшно!» – думала Зина.

– Почему не последовал взрыв – мы ответить не можем, – прерывая тяжёлую паузу, за себя и за Митю ответил Евгений. – Спрашиваете, по чьей вине? Очевидно, ответить может только господь бог.

– Значит, вы ни в чём не виноваты? – вспыхнул Аркадий.

– Виноваты.

– В чём?

– В том, что не знаем, отчего мина не взорвалась.

Но тут Зоя Софончик, отличавшаяся прямоотой, подала реплику:

– А дошли ли вы до полотна?..

Евгений побледнел. Вспыхнув, вскочил с места Митя.

– Если сомневаетесь, думаете, что мы трусили, так прямо и говорите! – Голос его дрожал.

Обстановку немного разрядила Василёк, сообщив, что в комендатуру поступило донесение: часовые нашли на полотне неразорвавшуюся мину.

– Почему не поручили это мне? – с упреком обратился к Фрузе и Володе Николай Алексеев, работавший на железной дороге.

– Но мы не хотели тебя перегружать, – растерянно заговорил Володя. – У тебя и так ответственное задание...

– Если вы достанете мне магнитную мину с часовым механизмом, я подорву полотно.

– Я поставлю в известность партизан, – сказала Фруза. – Думаю, такую взрывчатку мы достанем. Провал этого задания должен послужить нам серьёзным уроком. Все наши операции надо готовить тщательнее. Все мы ещё только учимся бороться. И живём по закону – один за всех, и все за одного! Будем бороться с оккупантами, насколько хватит у нас сил, но бороться сообща, опираясь на плечо товарища. Погибать же ради того, чтобы погибнуть, не сделав всего, что ты в силах сделать – глупо! – Только теперь она взглянула на Зину, и та ещё ниже опустила голову. – На днях один из наших подпольщиков днём, на глазах полицейского, стал срывать плакат с изображением фюрера... Хорошо, что вмешался наш товарищ, выручил, а полицай, очевидно, не заметил. Но всё могло кончиться очень плачевно... Это грубое нарушение закона подпольной конспирации.

Зина сидела, понурив голову, словно на горячих углях.

Глава тринадцатая

– Ты одна дома? – спросила Валя стоявшую на крыльце в ветхой шубейке нараспашку, с большой тряпичной куклой в покрасневших ручонках Гальку.

– Одна... Зина ещё не пришла с работы, а «разбойники» пропали. С утра их нет. – Тут же похвалилась: – У нас сегодня праздник – день рождения Зины! Я ей вырезала из бумаги и подарила закладку для книг. Зина любит читать... Вот Ольга у меня заболела. Вынесла её погулять. А ты к нам?

– Скоро Зина придёт?

– Не знаю... Наверно, скоро.

– Иди домой, а то замерзнешь.

– Пойду... – согласилась Галька. – Я уже замерзла.

– Придёт сестра, скажи ей, что я заходила. Скажешь?

– Ладно, скажу... А что, правда, у вас котята вывелись? Мне Зина говорила.

– Правда... – улыбнулась Валя. Это была сестра юных мстителей Маши и Нади Дементьевых, за живость характера и мальчишескую привычку лазить по деревьям прозванная Белкой. Она выполняла обязанности связной у подпольщиков. – Так скажешь Зине, чтобы она обязательно сегодня же зашла к нам.

– Скажу... А котят мне покажешь?

– Обязательно покажу. Хочешь, одного беленького, ушастого, тебе подарю?

– Ой, спасибо! – обрадовалась Галька и тут же пригорюнилась: – Зина не разрешит. Она у меня строгая...

...Весь вечер Ромашка вместе с Орликом и Надей переписывала печатными буквами сводку Советского информбюро. Светловолосая Белка сидела рядом за столом. Под носом у нее тускло светила коптилка, а Белка вслух диктовала, с трудом разбирая написанную Володей карандашом на тетрадном листке сводку:

В последний час

На Калининском фронте советские войска снова перешли в решительное наступление. Заняли несколько городов, в том числе Торопец, Пено, Адрианополь и ряд других городов и селений. Захвачено много пленных.

Наступление продолжается...

Ромашка и Надя писали быстро, а Орлик отставала...

– Не торопись, не спеши... – останавливала она Белку. – И читай потише, мы не глухие. А то мать и Гальку разбудишь.

Мать сестёр – Анна Андреевна – находилась в соседней комнате, а Галька спала на сундуке. Рядом с ней расположилась кошка со своими беленькими котятами.

– Про наш Витебск опять ничего не сообщают, – вздыхала Орлик. – Где же эти Адрианополь и Торопец находятся? На пути к Витебску или нет?..

Переписывать закончили в полночь. Только улеглись спать, как услышали гул летящего над деревней самолёта.

Все в избе насторожились.

– Наш... – по звуку определила Надя.

Краснозвёздные самолеты зимой все чаще и чаще стали появляться над Оболью.

Ещё засветло Зина вышла из избы Дементьевых, захватив с собой пачку переписанных листовок, чтобы по пути занести Несмеяне и Ласточке, которым предстояло их расклеить. Галька осталась у Дементьевых, Белка обещала привести её домой, когда та проснётся.

Всю ночь бушевала пурга. Зина с трудом пробиралась сквозь наметённые сугробы и вдруг возле пустого сарая с раскрытой крышей и скрипевшими на ветру воротами услышала чей-то слабый голос.

В испуге Зина остановилась.

Из-за угла, пошатываясь, показался залепленный снегом человек в ватнике, в шапке-ушанке и в брюках, заправленных в валенки.

Человек что-то невнятно спросил, и Зина только по голосу определила, что перед ней – женщина.

– Как эта деревня называется? – скорее догадалась, чем расслышала Зина.

Она тут же сообразила, что перед ней советская разведчица, очевидно сброшенная ночным самолетом.

– Я отведу вас к своим. Вы не бойтесь. – Зина подхватила женщину под руку и, увязая в сугробах, повела по едва различимой тропке.

Она решила идти к Лузгиным. Возвращаться назад к Дементьевым опаснее: их изба на видном месте. А Лузгины живут на отшибе, с краю оврага, к их избе можно подойти незаметно.

Когда в избе Лузгиных парашютистке помогли раздеться, перед хозяевами предстала худенькая, белокурая, с короткой стрижкой, девушка лет восемнадцати. Её посадили на лавку, растёрли ноги, дали сухие валенки.

– До Витебска далеко? – спросила она.

– Близёхонько, милая... – ответила ей мать сестёр Лузгиных. – Не бойся, мы тебя укроем.

Глава четырнадцатая

Зима подходила к концу. Дороги разбухли, становились непроезжими. По утрам на землю ложился густой влажный туман. С гулким скрежетом вскрылся лёд на реке.

– Весенняя распутица сдержит наше наступление, – с надрывом кашляя, говорил дядя Ваня.

Влажная погода плохо действовала на него: лицо заметно пожелтело, под глазами появились тёмные круги. Он часто жаловался на сильную боль в груди.

– Не жилец наш Иван на белом свете, – с горечью говорила бабушка Зине. – Бросил курить, да разве теперь это поможет?

Пиджак висел на дяде Ване, как на вешалке, – так он исхудал. И всё же дядя Ваня держался на ногах, ходил на работу на склад.

– Весной болезнь всегда обостряется, – успокаивал он домашних. – Вот увидите, доживу я до нашей победы!

Большие надежды дядя Ваня возлагал на ожидаемый разгром окружённой в

районе Демянска, недалеко от границ Белоруссии, 16-й гитлеровской армии.

– Теперь им не выйти из мешка. Наши разобьют их, и сразу откроется дорога на Старую Руссу, а затем на Полоцк и Витебск, – объяснял он Зине, и она мысленно пыталась представить себе неведомую Старую Руссу, через которую можно попасть и в Ленинград.

Когда снег стаял и немного подсохла земля, юные мстители начали собираться в лесу возле Ушал. Там нашёлся удобный островок среди болота. Хорош он был тем, что вокруг зыбкая почва, пробраться к островку можно только по одной тропке. Немцы и полицаи не могли сюда нагрянуть со стороны. Ориентиром служили высокая труба расположенного невдалеке кирпичного завода да сохранившаяся на опушке леса с довоенной поры деревянная вышка. Приходили сюда поодиночке или вдвоём, а на тропке стоял, маскируясь в кустарнике, дозорный.

Лес почти на глазах одевался листвой. Воздух был пряный, тёплый.

Ребята, расположившись под деревьями на яркой молодой траве, радовались весне, тёплому солнышку и этой обманчивой лесной тишине, нарушаемой лишь стуком дятла.

– Все время мы росли, – доложила на одном из лесных сборов Фруза. Почти на каждом сборе кого-нибудь принимали. В феврале нас было 18. В мае 24. А теперь – уже 38. Мне посоветовали пока воздержаться от дальнейшего приёма. Секретарь райкома Наташа даже схватилась за голову, когда услышала, что нас уже почти сорок человек. Считает своей ошибкой, что вовремя не предупредила нас.

– Почему?! – слышались голоса.

– Мне тоже казалось, чем многочисленнее организация, тем она сильнее. Но райком разъяснил, что в условиях подполья многочисленность опасна.

– А как в отношении кандидатов, тех, о ком мы на комитете уже вели разговор? – спросил Володя.

Он не допускал мысли, что кто-либо из ребят может стать на путь предательства.

– Подождут. – Фруза была непреклонна. Раз «люди из леса» предостерегают, советуют, нужно прислушаться.

Впрочем, ей и самой казалось, что каждого в своей организации она знает назубок, за каждого готова поручиться головой. Она гордилась, что в её родной деревне, состоявшей из полутора десятков домов, было семь подпольщиков. В соседней – Мостище – восемь. В Зуе – тоже восемь человек. В поселке Оболь – четыре. Остальные – в окрестных деревнях.

Она невольно взглянула на стоявшую неподалеку у берёзки Нину Азолину. Как подпольщица Василёк была неоценима. Всякие справки, чистые бланки, столь необходимые для партизан, Василёк могла достать довольно легко. Василёк стала глазами и ушами подпольщиков также благодаря хорошему знанию немецкого языка. Сказалось то, что в школе Нина была круглая отличница. «Василька и Алексеева надо беречь особо», – подумала Фруза, а вслух сказала:

– Давайте перераспределим обязанности, наметим, кто и чем станет заниматься в ближайшее время.

После удачной диверсии – взрыва воинского эшелона от подложенной Николаем Алексеевым магнитной мины с часовым механизмом – она хотела сохранить его только для диверсионной работы, поэтому имело смысл перенести находящийся у него на чердаке наблюдательный пункт.

– Как думаете, ребята, – обратилась она к Ёлочке и Мите, – что, если устроить у

вас на чердаке наблюдательный пункт? Правда, немного подальше, но всё равно полотно видно. Надо Железнодорожника освободить.

Она никак не ожидала, что брат и сестра как-то разом сникнут, нахмурятся и будут долго молчать.

– Нет, Таня, нельзя к нам наблюдательный пункт... – наконец вымолвила Ёлочка.
– У нас отец антисоветски настроен. Он верит в победу Гитлера.

Фруза растерялась, встретив спокойный, умный взгляд голубых Ёлочкиных глаз.

– Зайди как-нибудь к нам, – печально подтвердил Митя слова сестры, – убедишься сама.

– Обязательно зайду, – пообещала Фруза и подумала: «Оказывается, плохо знаю наших комсомольцев, как они живут. Надо побывать в доме у каждого...»

А через неделю Фрузу огорчила новая неприятность. От Василька был получен сигнал: в списке гестапо, среди намеченных к отправке на работу в Германию, значатся брат Фрузы Николай и Валя Шашкова. Им нужно было срочно бежать к партизанам.

Найденные и конфискованные советские листовки и газеты теперь часто поступали в комендатуру гестапо.

Улучив момент, когда поблизости не было начальства, Нина Азолина погружалась в эти запретные материалы. Из них она узнала о подвиге героев-комсомольцев Саши Чекалина и подмосковной школьницы Тани – Зои Космодемьянской. Стало понятно, почему Фруза взяла себе такую же подпольную кличку.

Однажды, увидев Зину на усадьбе, Нина позвала ее к себе. Зина охотно перелезла через прясла изгороди.

– Хочешь, я тебе что-то покажу? – шепотом спросила Нина и увлекла Зину в свою комнату.

Небольшая чистенькая комнатка Нины была очень уютна: кровать с голубым покрывалом, цветы на подоконнике, раскрытый томик Пушкина на небольшом столике, на стене картина – одинокий воробей на голой зимней ветке.

Нина вынула из сумки завернутый в платок запретный номер «Комсомольской правды». Там был очерк о героях-комсомольцах.

Зина с трепетным волнением взяла в руки газету, которая пришла с Большой земли.

– Видишь, Зиночка, подмосковной Тане, когда ее повесили, было восемнадцать лет. А Саше Чекалину только шестнадцать. А как гордо он шел на смерть! – сказала Нина, снова пряча газету в сумку.

– А если у тебя найдут газету, тебя же расстреляют! – ужаснулась Зина.

– Могут, – спокойно подтвердила Нина. – Но я привыкла каждый день рисковать.

– Нельзя, Ниночка! Глупо поступать так, безрассудно! – В волнении Зина стала ходить по комнате и вдруг замерла у окна: – Знаешь, что я придумала? Видишь на краю усадьбы липу? Там внизу я заметила дупло. Давай приспособим его под тайник. Ты будешь оставлять там всё, что нужно передать Тане. А я, когда приду к бабушке, обязательно буду его проверять.

И вот через несколько дней, отработав в подвале кухни свою смену, Зина зашла домой, взяла Гальку и отправилась в Зую.

Дяди Вани не было дома. Только бабушка и Любаша, которая тут же радостно им сообщила, что у Белокопытки родился телёнок. Он стоял в углу, у печки, в соломе,

голенастый, со впалыми боками и рыжеватой шерстью, и тарасил на Зину круглые коричневые глаза.

– Какой хорошенький! – Зина погладила телёночка и, оставив Гальку с ним играть, вышла на усадьбу. Она сразу направилась к дальней липе. Просунула руку в дупло, достала записку и, прочитав, побледнела.

«Несмеяна и Ласточка заболели...» Было ясно: сестры Лузгины арестованы.

Зина сразу же помчалась в Ушалы.

Фруза была дома, сидела за каким-то шитьём. Весть её ошеломила.

– Когда?.. Где?.. – забросала она Зину вопросами. – Девочки никого не выдадут, я уверена... Ах, какую большую оплошность мы допустили!.. Нужно было в своё время поделиться на пятёрки. Каждой пятёрке не знать остальных и действовать своими силами... И подсказывали ведь нам «люди из леса»... Медлить ни минуты нельзя. Надо срочно предупредить всех подпольщиков о нависшей опасности...

Накинув на голову платок, Фруза заторопилась в Мостище к Дементьевым, чтобы попросить Анну Андреевну сходить к матери сестёр Лузгиных и у неё узнать о причине ареста дочерей.

В этот день связные подпольщиков Белка и младшая сестра Феди Слышенкова Шура сновали на дорогах Оболи и соседних селений, направляясь каждая по своему маршруту. Заходили в избу, где жил подпольщик, вызывали для разговора на улицу и произносили одну и ту же фразу: «Вечеринка отменяется». Это был условный пароль, означавший состояние тревоги.

Правилами разработанной юными мстителями конспирации предусматривалось: в случае такого сигнала всем находиться в полной готовности и ввиду явной опасности или при получении следующего сигнала немедленно уходить в лес к партизанам.

Соблюдая необходимую осторожность, Фруза все же сумела на дороге из Зуи в Оболь встретиться с Ниной Азолиной. Но причина ареста сестёр Лузгиных и Васильку не была известна. Тогда Фруза решила попытаться разузнать что-либо через Евгения.

– Я с братом почти не разговариваю, – сухо ответил Евгений на ее просьбу, но все же согласился осторожно что-нибудь разведать.

Зина в этот вечер спать даже не ложилась. Собрала на всякий случай в узелок необходимые вещи и присела рядом с разметавшейся во сне Галькой, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Так она просидела всю ночь. А утром, уходя на работу, предупредила «разбойников»:

– Если я сегодня домой не вернусь, Гальку одну не оставляйте... Меня могут немцы схватить и отправить в Германию. Теперь многих так забирают...

День прошёл в тревоге и неизвестности. Никаких сигналов от Тани, Василька или других подпольщиков не поступило.

Только вечером, когда пришли домой из столовой тётя Ира и Солнышко, обстановка немного прояснилась.

– Ты слышала, Зина, в деревне Мостище двух девушек забрали? – спросила тётя Ира. – Говорят, зимнюю одежду советской парашютистки у них нашли.

– Слышала... – с трудом разомкнула губы Зина и медленно, с трудом преодолевая головокружение, вышла из комнаты.

Глава пятнадцатая

В избе Дементьевых собрался только комитет – созывать на сбор всех юных мстителей Фруза не рискнула.

– Почему не пришла Василёк? – тревожно поинтересовался Володя.

– Я ей пока запретила приходить на комитет. – И после тяжелой паузы сообщила:
– Выяснились обстоятельства ареста. На усадьбе Лузгиных висело бельё. Там же сушились и зимние вещи советской разведчицы. Очевидно, кто-то из соседей выдал, или полицейские сами заметили.

Но то, что узнал от брата и сообщил Евгений, ещё более повергло ребят в уныние. На усадьбе Лузгиных, возле погребка, гестаповцы во время вторичного обыска нашли зарытый в землю вполне исправный пулемёт, который, очевидно, сёстры принесли из лесу.

Все знали: за сокрытие оружия, особенно армейского, полагался расстрел.

– Я виновата, – корила себя Фруза. – Нужно было самой лично побывать у каждого, убедиться, как соблюдается конспирация.

– Кто-нибудь, кроме Тани, был у матери Лузгиных? – спросил Евгений.

– Я была, – отозвалась Орлик. – Антонина Алексеевна в страшном состоянии – осталась одна-одинёшенька. Сидит в избе, горько плачет. – При этом Орлик и сама расплакалась.

Володя предложил воздержаться пока от дальнейших диверсий и ждать приказа от партизан, к которым Фруза уже послала связного.

– Но как же... Мы с Железнодорожником уже подготовили диверсию, – заговорил было Митя.

– Отложить! – решительно произнесла Фруза. – Ведь сейчас решается судьба Лузгиных.

– Какое же примем решение? – нетерпеливо спрашивал Федя.

– Что ты предлагаешь? – спросил Володя.

– Как что?! – вскочил с места Федя. – наших товарищей взяли, а мы сидим, как мыши в норе. Завтра кого-нибудь другого тоже схватят, а мы так же будем бездействовать? Предлагаю организовать группу из ребят, выкопать запрятанное оружие и напасть на комендатуру.

– Глупо и неосуществимо, – отозвался Володя. – Они перестреляют нас, как цыплят.

Федя вскочил с места, выхватил из кармана наган:

– Завтра же пойду в комендатуру. Выпущу всю обойму. Отвлеку на себя внимание...

Володя подошел к Слышенкову:

– Очень я тебя прошу, убери свою игрушку. Хочу тебя предупредить по-товарищески. С оружием больше к нам не являйся. Убери подальше. Слышишь?! Тщательно запрячь, так же как и мы запрятали. Оно нам ещё пригодится. Притом мы ведь даже не знаем, где сейчас находятся Ласточка и Несмеяна.

– Ребята, не горячитесь. Давайте подождём, что предпримут партизаны. – Фруза с нетерпением ждала возвращения посланной в отряд связной. А она что-то запаздывала.

Не принёс ничего утешительного и следующий день. Фруза снова заглянула к сёстрам Дементьевым. Дома были только мать и Орлик. У них все было готово, чтобы уйти в лес.

– Ну как?.. – сразу бросилась к ней Орлик.

Фруза устало опустилась на лавку:

– Не вернулась Белка?

– Нет... Мы сами беспокоимся. Не попала ли в руки полицаев?

Фруза задумалась.

– Вот что, Орлик. Если сегодня Белка не придёт, завтра пойдёшь ты. – А про себя подумала: «Тоже, может быть, на смерть посылаю!»

Но Орлика не пришлось посылать. Уже в сумерках в окошко избы Зеньковых тихо постучали. Фруза распахнула раму.

– Тётя Фруза, это я...

Через минуту, живая и невредимая, шустрая Белка уже сидела на лавке в избе и рассказывала, блестя глазами, как она выполнила задание:

– Передала записку в руки самому главному командиру. Туда и обратно прошла спокойно, без особых приключений. Правда, возле реки собаки чуть не покусали, да ночью в лесу было страшновато, – Вот записка вам от командира.

Фруза расшифровала записку: партизаны приказывали юным мстителям до выяснения судьбы арестованных воздержаться от диверсий. Она понимала, что было бы безрассудством рассчитывать сейчас на нападение партизан на комендатуру гестапо: Оболь наводнена гитлеровцами, многочисленные гарнизоны стоят и в окрестных селениях. И все же тайная надежда на чудо, которое спасёт Ласточку и Несмеяну, почему-то не оставляла Фрузу.

Она, пожалуй, по-настоящему только теперь стала сознавать, какая огромная ответственность лежит на ней за судьбу всей подпольной организации, за жизнь каждого юного мстителя. Теперь не было дня, чтобы Фруза хотя бы мимоходом не заглянула в Оболь. Там, на окраине, среди вековых деревьев бывшего помещичьего парка, белело здание, в котором находилось гестапо. Там, у крыльца, расхаживают часовые. Они могут застрелить каждого, кто появится возле здания, особенно после комендантского часа. Возможно, в этом здании теперь и находятся Ласточка с Несмеяной? Что с ними? А может быть, их уже нет в живых...

С фронтов в это лето приходили тяжёлые вести. Гитлеровские войска снова наступали, захватив почти всю Украину, подходили к Сталинграду и Волге, находились в предгорьях Кавказа.

Не хотелось верить немецким сводкам, но Володя, изредка слушавший советское радио, подтверждал:

– В самом деле немцы наступают... Добились крупных успехов...

Заборы в Оболи пестрели фашистскими листовками со свастикой и крупным заголовком: «Сталин в своём приказе признает поражение советских войск...

Три четверти природных и промышленных богатств потеряны и находятся в руках рейха. У советских людей нет теперь донбасского угля, украинского хлеба. Не осталось в европейской части России чугуна и стали...»

«Неужели все это правда?» – с тоской думали юные мстители. Гнетущее настроение подпольщиков усугублялось и полной неизвестностью о судьбе сестёр Лузгиных.

Время шло в тревожном ожидании. Неделя... Другая... Выдержат ли пытки Ласточка и Несмеяна? Не расскажут ли о существовании подпольной организации?

Стало ясно, что освободить их с помощью партизан нет никакой возможности. Гитлеровцы, как назло, усилили наблюдение за всеми подступами к Оболи. Пробраться сюда незамеченной даже небольшой группе партизан было совершенно невозможно...

– Есть какие-нибудь новости? – тревожно спросила Ромашка, встретив на

станционной площади Мальву.

– Нет... А ты тоже ничего о них не знаешь? – И тут же, схватив Зину за руку, прошептала: – Смотри, полицай!

Полицейский подошел к забору, наклеил какое-то объявление и отправился дальше. Девушки прочли объявление и остолбенели от ужаса. Это был приказ оккупационных властей о том, что «жительницы деревни Мостище Антонина и Мария Лузгины за укрывательство советских военнослужащих и за сокрытие оружия приговорены к расстрелу».

Многие комсомольцы в этот страшный для подпольной организации сумрачный день пришли на площадь, оцепленную немцами.

Люди подходили робко, вставали там, где им приказывали полицейские. Увидев среди собравшихся Зою Софончик, Зина подошла к ней, прижалась теснее, как бы ища защиты.

– Смотри, и Таня пришла, – толкнула Зоя свою подругу. – Ведь комитет запретил ей приходить сюда!..

Народ на площади все прибывал. В толпе Ромашка увидела Володю, Машу Ушакову, Катю Зенькову. В другой стороне – Илью, Евгения, Елочку, Митю... Появился дополнительный наряд гитлеровцев, вооруженных автоматами.

Но вот толпа всколыхнулась, загудела. Послышались возгласы:

– Ведут! Ведут!

Сёстры шли под конвоем. Обе босые, в разорванных платьях, избитые, окровавленные. Старшая поддерживала младшую.

И тут толпу пронзил тонкий женский крик:

– Маша! Тоня! Доченьки мои!.. – И мать бросилась к своим истерзанным дочерям.

Но стоявшие впереди полицейские схватили её. Мать, собирая остатки сил, вырывалась из цепких рук. Собравшаяся волна волновалась. Кто-то истошно рыдал...

Машу и Тоню конвоиры поставили у кирпичной стены склада, на которой был наклеен приказ оккупационных властей, а сами отошли в сторону. Сёстры стояли обнявшись, прислонясь к стене. Они были такие хрупкие и слабенькие, эти девочки, с такой невыразимой мукой глядели на толпу, что теперь плакали многие.

– Будьте вы прокляты, злыдни!.. – закричала Тоня, обернувшись к немецким офицерам. – Наш народ отомстит вам!..

Раздался залп. И сёстры, не отпуская друг друга, медленно опустились на землю.

Через сутки после казни по посёлку было развешано сообщение комендатуры гестапо. Крупным шрифтом извещалось, что перед расстрелом сестры Лузгины признались в совершенных преступлениях и назвали фамилии своих сообщников, которые теперь разыскиваются. Но подпольщики знали от Нины Азолиной, что это очередная провокация гестапо. Ни одного подпольщика Маша и Тоня под пытками не выдали.

Гибель сестёр Лузгиных, их несгибаемое мужество глубоко потрясли подпольщиков. Отомстить гестапо жаждали все.

Стало известно, что мать сестёр Лузгиных, Антонина Андреевна, исчезла. На дверях крыльца ее избы висел замок. Что с ней и где она – никто из соседей в деревне не знал.

«Может, гестапо забрало», – с беспокойством подумала Фруза и на следующий день направилась в Зую.

– По делам общины зашла к вам! – сказала она, входя в избу Евгения.

Вся семья была в сборе. Особенно учтиво Фруза поздоровалась с Алесем. Сразу же затеяла с ним разговор и умело перевела на то, что её интересовало. Однако ничего об Антонине Андреевне узнать не смогла. В конце их беседы Алесь признался:

– Лучше служить в полиции, чем ехать на работу в Германию.

Спорить с ним Фруза не решилась, но ушла от Езовитовых несколько успокоенная за Евгения: «Вряд ли Алесь, если о чём и догадается, выдаст брата».

Под тем же предлогом – общинных дел – побывала Фруза и в семье Хребтенко. Усадьбу Хребтенко в посёлке нашла скоро – там стоял сарай, на воротах которого был живописно намалеван зелёный чёрт с тонким длинным хвостом, рогами и красными, как спелая малина, глазищами. Это была работа брата Ёлочка, Мити. Весь дом был украшен его поделками из корневищ.

Отец Мити и Маши казался на вид приветливым, добродушным. Фруза постаралась завести с ним непринуждённый разговор, в котором высказала опасение, что война не скоро кончится.

– Чего рассуждать-то? – грубовато оборвал он ее. – Немцы уже победили. К зиме окончательно будет покончено с Советской властью.

– Ну, это ещё как сказать! – не сдержалась Фруза, но, взглянув на молчавших брата и сестру, осеклась.

– Эх, милая!.. Ты ещё молода, чтобы по-своему понимать, – заметил ей Хребтенко-старший. – Сильный всегда побеждает слабого.

«Пришиблен гитлеровской пропагандой, – пришла к выводу Фруза. Выходит, Ёлочка и Митя были правы, отказавшись устроить у себя наблюдательный пункт...»

«Все осложняется с каждым днём. Кто мог предполагать, что среди родственников подпольщиков могут оказаться ненадежные люди?.. Живёшь и не знаешь, откуда ждать опасности... – размышляла Фруза по дороге. – А действовать все равно надо... И отомстить за Несмеяну и Ласточку мы должны!.. Только вопрос – как?!»

О мести теперь думали все подпольщики. Предлагали разные планы. Порой фантастические: взорвать комендатуру, поджечь все дома, в которых живут гестаповцы. Но вскоре случай осуществить реальный план этой мести подпольщикам представился.

Они встретились на этот раз на дороге совершенно неожиданно – Фруза, Володя, Евгений и Федя. И почти тут же к ним подошли Зина с сестрёнкой и Нина Азолина. Поздоровавшись кивком головы и оглянувшись по сторонам, Василёк многозначительно сообщила:

– Вот что, ребята. В ближайшие дни в Оболь приедет полковник из Берлина... Предлагаю не выпускать его обратно.

– Давайте зайдём ко мне, – сказал Володя, – а то что-то нас здесь много собралось. Только вот... – Он с сомнением взглянул на Гальку. – Она мешать нам станет...

– А мы устроим так, что она помогать нам будет, – успокоила его Зина.

Она посадила Гальку на улице возле крыльца и втолковала ей, что, пока все они с тётёй Фрузой будут находиться в избе, Галька не должна сходить с места:

– Увидишь, если кто к дому подходит, сразу же начинай громко петь.

– А что мне петь?

– Свою любимую песенку.

- Какую?.. У меня много любимых.
- Ну хотя бы про комарика. Помнишь?

Я по садику, по садику гуляла,
Я с комариком, с комариком плясала.

- А если пойдут полицаи, то громче пой, – посоветовала Фруза.

Пока подпольщики совещались в избе у Володи, Галя сидела на скамейке и разговаривала с петухом, который, подойдя к девочке, остановился, наклонив свою тяжелую голову с мясистой бородкой.

– Ну чего ты землю роешь, шалавый?.. Сердишься, что я здесь сижу? Но я всё равно не уйду. Подумаешь, какой воображала! Вот буду сидеть, и всё...

Несколько раз подпольщики в избе настораживались – слышалась с улицы песня Гали. Ребята выглядывали в окно и, убедившись, что мимо проходили люди, не вызывавшие опасения, принимались снова обсуждать сообщение Василька.

Федя, недолго раздумывая, предложил убрать полковника, приезжающего инспектировать местное отделение гестапо, подложив мину с часовым механизмом в комендатуру.

- Взорвать вместе со мной? – усмехнулась Нина.

Ей не успели ответить – на улице вдруг громко запела Галя.

- Идут двое полицаев... – сказала Ромашка, глянув в щель калитки.

Полицаи шли, заметно покачиваясь. Очевидно, где-то по дороге их угостили. Остановились возле Гальки.

- Складно поешь, – сказал один и погладил девочку по голове.

– Не трогай! – рассердилась Галя, отдернув его руку.

- Э-э... какая у тебя Матрёна, – протянул другой руку к кукле.

Девочка быстро запрятала куклу за спину:

- Не дам!

– Да мы твою Матрёну и не возьмём.

- Это не Матрёна, а Ольга.

– Ты чья будешь?

– Я – нездешняя... Я – ленинградская, – ответила Галя, глядя исподлобья на полицаев.

Зина испугалась за сестренку. Она хотела было выскочить к ней, но Володя задержал ее руку.

- Подожди... Они, кажется, уходят, – прошептал он.

Убедившись, что полицаи ушли, ребята тоже решили расходиться, а план диверсии обсудить в ближайшие дни на комитете. Васильку поручили более обстоятельно узнать о дне приезда берлинского гостя.

Комитет собрался в Мостицах, в избе у сестёр Дементьевых. Полученные от Василька сведения заставляли торопиться. Выбрали тройку: Володю, Евгения, Федю – непосредственных исполнителей диверсии. Другая тройка: Илья, Митя, Аркадий – брала на себя подготовительную работу. В подсобную группу наблюдателей вошли: Зоя, Елочка, Ромашка. Обеспечить диверсантов взрывчаткой поручалось самой Тане.

Глава шестнадцатая

Площадь станционного посёлка, где должна была состояться встреча населения с берлинским гостем, срочно приводилась в порядок. Сколачивался из досок помост. Заключённые, которых пригнали из местной тюрьмы, подметали дорогу, чинили заборы прилегающих к площади дворов. Грузовик привёз и вывалил кучу песку.

Пешеходные дорожки теперь желтели, приняв нарядный вид. Площадь, куда к полудню уже согнали народ, с четырёх сторон оцепили солдаты с автоматами на груди. Немного позади сверкали на солнце медные трубы оркестра.

Зина стояла в сторонке, соображая, где легче пробраться поближе к трибуне. Рядом с ней остановилась пожилая женщина в чёрном полушалке, очках.

– Не приехал? – спросила она у Зины. – Говорят, самого Гитлера ждут!

Зина не успела ответить – к ним подошёл полицейский и отвел за цепь солдат.

– Стойте здесь и кричите «ура», когда мимо вас будут проходить офицеры! – приказал он.

«Ну уж меня-то «ура» кричать не заставишь», – подумала Зина.

Полицейские то и дело шныряли в толпе, приглядываясь к собравшимся.

Подготовка к встрече завершалась. На низком помосте стоял стол, накрытый белоснежной скатертью. Рядом – фашистское знамя со свастикой.

Послышалась команда на немецком языке. Подъехал чёрный блестящий лимузин. Из машины вылезли два офицера-гестаповца с нарукавными белыми повязками со свастикой. И за ними медленно вышел худощавый подтянутый полковник в фуражке с высокой тульей, с рыцарским крестом на шее. Заиграл оркестр.

Приезжий гость стоял в группе военных, принимая парад. Гремела музыка, трещал барабан, откуда-то появились люди в полувоенной форме, с фотоаппаратами и кинокамерой. Вслед за солдатами прошли нестройной группой девушки в белорусских нарядах, с венками и цветами. Сопровождали их полицейские. Важный гость приветливо помахал им рукой. Над толпой пронеслось жиденькое «ура», вырвавшееся из полицейских глоток.

– Сколько погубили цветов! – прошептала Зина своей соседке.

– Не по своей воле они идут с цветами, – вздохнула женщина. – Полицаи два дня у нас по деревне шастали – добывали старинные белорусские наряды. Да и все палисадники обчекрыжили.

Вслед за девушками пошли дети – школьники, тоже с венками на головах и с букетами в руках. Вели их два бравых ефрейтора, чётко отбивая шаг. Впереди шля совсем малыши, за ними – ребята постарше. Фотографы ещё больше засуетились, забегали, снимая процессию с удобных мест.

Зина вдруг замерла, широко раскрыв глаза. Среди ребятишек в парадном шествии она увидела свою Гальку – тоже с венком на голове, съехавшим набок, но без цветов в руках.

Раскрасневшаяся Галька шагала, озираясь по сторонам. Лицо у нее было сердитое, брови насуплены. Три девочки постарше, очевидно дочери полицейских тоже в белорусских народных костюмах, несли хлеб-соль на развернутом белом полотенце, вышитом ярко-красным орнаментом.

Солдаты подвели детей к важному гостю. Тот принял подарок. Кто-то из подоспевших офицеров освободил его от ноши, положил каравай на стол. Подошли двое офицеров с раскрытыми коробками шоколадных конфет и стали оделять детвору.

В этот момент к Зине пробрался Илья. Дернул за рукав и, выразительно показав на стоявший невдалеке под охраной автоматчика чёрный лимузин, шепнул:

– Следи, куда поедет. Я тоже... Потом встретимся... – и отошёл.

Парад кончился, музыка затихла.

Приезжий гестаповец с помощью переводчика обратился к собравшимся с речью. Бахвалясь, он говорил о больших успехах армии фюрера, о том, что немецкие солдаты

подошли к главной реке России – Волге, а гитлеровское знамя уже водружено на самой высокой вершине Кавказского хребта.

Когда гитлеровец закончил свою речь и направился к машине, Зина выбралась из толпы. Всё её внимание было сосредоточено на чёрном лимузине. Она проследила, как машина со знатным гитлеровцем проехала к комендатуре. Народ расходился. По пути Зину догнал Илья, крепко сжал ей руку:

– Можешь сходить домой. Отведёшь Гальку. Она где-то здесь болтается. Придешь часа через два... – и исчез.

Зина шла медленно, пропуская вперед прохожих. И вскоре она действительно заметила Гальку. Сестрѐнка шагала по тропинке вместе с «братьями-разбойниками» и что-то оживленно им рассказывала. Сердито схватив сестрѐнку за руку, Зина обнаружила в зажатом Галькином кулачке смятую шоколадку.

– Ты-ы... взяла конфету? – ужаснулась Зина.

– Я не хотела брать... – испуганно стала оправдываться Галька. – Я взяла Любочке, она же больная.

– Предательница ты... – Зина оттолкнула от себя сестрѐнку.

– Я не предательница... – Галька горько, навзрыд, заплакала. – Не называй меня так... Злюка ты. Я пришла домой, а тебя нет. И я пошла тебя искать... Я пошла туда, куда шѐл весь народ...

Сквозь Галькины всхлипывания Зина сумела разобрать, что, попав в Оболь, девочка наткнулась на полицейских, которые вели детей. Галю тоже забрали в эту группу, надели на голову венки, дали в руки цветы и повели на парад.

– Я не просила... – сквозь слѐзы бормотала она. – Он мне сам протянул и сунул в руку... – Личико у Гальки было таким скорбным, заплаканным, что Зине стало жалко её.

– Ладно. Ругаться больше не буду. Но без спроса сама не ходи никуда.

Наскоро покормив дома сестрѐнку, Зина поспешила обратно в Оболь, на берег реки, где должна была встречаться подсобная группа.

Там её уже поджидали.

– Затеяли волынку... – недовольно бурчал Федя. – Я же предлагал на комитете – выйти на дорогу навстречу машине с полковником и в упор выпустить всю обойму. – Федя вынул из кармана завернутый в платок наган, сдул пылинки. – Ну как, поручаете мне?..

Володя подошел к Феде, взял его под руку:

– Друг мой несравненный! Твоими устами, как всегда, глаголет глубокая мудрость. Но забываешь, что у «мерседеса» стекла могут оказаться пуленепробиваемыми. А потому мне не хочется готовить венки на твою могилу.

Никто из подпольщиков точно не знал, когда проедет полковник.

Володя вынул из кармана завернутую в платок магнитную мину с часовым механизмом. Окинув взором ребят, остановился на Фрузе:

– На который все же час заводить?

– А я откуда знаю! Решай сам.

– Легко сказать, решай... – усмехнулся Володя. – Я готов хоть сейчас попытаться пробраться к машине, но когда, в какой час должен сработать механизм?..

Посоветовавшись, подпольщики решили послать Ромашку к Васильку в комендатуру.

– Зайдѐшь к ней как соседка по деревне. Предлог подбери сама, – сказала Фруза.

И Зина отправилась на задание... Вот и страшное здание комендатуры.

– Куда прёшь? Сегодня у начальника приёма нет! – набросился на Зину стоявший у входа в комендатуру полицейский.

– Я к своей соседке, Нине Азолиной, у неё с отцом плохо. Он у неё парализованный.

– Ну, тогда проходи.

Вскоре вернувшись, Ромашка передала поджидавшей её Ёлочке:

– Уезжает сегодня, в пять! – а сама, как ей посоветовали, пошла домой.

К машине, стоявшей у забора комендатуры, приблизился Евгений.

– Домой скоро придёшь? – обратился он к брату-полицая, охранявшему машину.

– Не подходи!

– Чего кричишь, не съем я твою машину.

– Тебе говорю, не подходи... – В руках полицейского блеснул револьвер.

– Озверел ты, я вижу, слово брату не дашь сказать.

– Чего тебе здесь нужно?

«Отвлечь ещё хоть на минуту... две!» Краем глаза Евгений следил, как с противоположной стороны к машине подползает Володя. Его должен страховать своим оружием Федя.

– Увидал вот тебя и остановился...

«Ещё одна минута. Володя уже у багажника... Всё! Отползает назад. Теперь медленно-медленно можно уходить».

Женя повернулся спиной к брату, потоптался на месте, пошел, чувствуя на своей спине недобрый взгляд.

... На следующий день в Оболи пронесся слух, что машина с полковником на пути в Полоцк подорвалась, якобы наскочив на мину.

Это была лишь первая месть юных подпольщиков за погибших сестёр Лузгиных.

Подпольная организация «Юные мстители» активизировала свою деятельность.

На сходках заслушивались лаконичные информации Тани и Володи:

... На линии железной дороги на полоцком направлении произошла очередная авария. Взорвалась в эшелоне цистерна с бензином.

... Подорвались на шоссе на минах две машины.

... Снова взорван исправленный немцами мост на шоссе, возле Крутого оврага.

... Выпущены листовки с сообщением Совинформбюро.

Фамилии исполнителей не назывались.

Глава семнадцатая

Днём во двор кухни-столовой, где в подвале работала Зина, прибежала Галька. Она забралась на поленницу дров и замахала рукой, стараясь скорее привлечь внимание Зины. А когда старшая сестра подошла, одним духом выпалила:

– К нам полицаи приходили. Тётю Иру и Солнышко забрали.

Зина с трудом дождалась конца рабочего дня. На крыльце понуро сидели Лёнька и Нестёрка. Мальчишек не было дома, когда явился наряд полиции. Проститься с матерью и сестрой они не успели. В комнатах всё разворочено, разбросано.

Немного позже в барак пришли бабушка и дядя Ваня с Любашей. Бабушка со слезами на глазах рассказывала:

– Кричат мне соседи: «Ефросинья! Твою Ирину с внучкой ведут». Я выбегла на дорогу, догнала... Ведут со скрученными сзади руками. Сунулась я к ним, так эти антихристы отогнали.

Дядя Ваня понуро молчал.

– Не плачь, бабуля... – упрасивала Любаша, пытаясь взобраться к бабушке на колени. – Я-то осталась... Меня-то полицай не увел.

На следующий день Зину вызвали в комендатуру. Допрашивал её молодой следователь в чёрном мундире, с сухими колючими глазами на безбровом лице. Все его вопросы сводились к одному: знала ли Зина, что её родственницы Ирина Езовитова и Нина Давыдова – имели связь с партизанами?

– Нет... – отвечала Зина искренне. Она и в самом деле ничего об этом не знала, даже не догадывалась.

– Никуда не выезжать из посёлка, – наконец предупредил следователь, заставил расписаться в протоколе и затем указал на дверь: – Иди...

Когда Зина вернулась с допроса, в подвале кухни её встретила Зося. Обрадовалась, что Зину отпустили. Обычно не разговорчивая, села рядом с Зиной и старалась её успокоить и ободрить. Но успокоиться Зина не могла. Дежурившие в этот день возле станции Маша Ушакова и Катя Зенькова видели: арестованных посадили на дрезину и под конвоем повезли в сторону Полоцка. Надежды, что их немцы отпустят, уже не было.

А через несколько дней заметно встревоженная Зося подошла к Зине и шепотом спросила:

– Сказать тебе?..

Золотистые волосы Зоси, обрамлявшие нежное голубоглазое лицо, в сумерках подвала словно светились.

– Вызывали меня... Расспрашивали про тебя. Приказали следить за тобой. Очевидно, теперь тебя прогонят из столовой или увезут в Германию. – И Зося выругалась по-польски. Она ненавидела гитлеровцев не меньше ленинградской школьницы. Вся семья Зоси – отец, мать, братья – была уничтожена, когда фашисты заняли Польшу.

Зина обняла свою сменщицу и заплакала:

– Спасибо тебе, Зося.

Все валилось из рук Зины, но, преодолевая себя, она чистила картофель, шинковала капусту.

С кухни то и дело заглядывали, торопили, кричали, требуя, чтобы она быстрее работала.

Домой она шла, еле передвигая ноги. А там её ждали теперь трое голодных ребят.

Возле барака, у старой берёзы, не обращая внимания на накрапывающий дождь, тесно прижавшись друг к другу, сидели Нестёрка и Лёнька. Они ждали мать.

Зина вытряхнула из фартука на стол картофельные очистки, устало свалилась на стул.

– Мочи моей нет... – пожаловалась она Лёньке и Нестёрке. – Вы сами что-либо сделайте, приготовьте...

И проголодавшиеся «братья-разбойники» сами принялись растапливать печку, готовить себе и Гальке обед из картофельных очисток.

Но Галька отказалась есть. Хныкала, жаловалась, что болит голова. Явно заболела – сухой кашель, лоб и руки горячие...

– Беда ты моя!.. – чуть не плача, повторяла Зина. – Ну что я с тобой буду делать?

Нет больше тёти Иры и Солнышка, посоветоваться не с кем. Ночь прошла в тревожной дремоте. Встала с красными глазами. Сестрёнка тоже проснулась и

немного попила водички, Зина стала упрашивать Гальку:

– Ты лежи, лежи... не вставай. Я сегодня пораньше приду. – А сама не знала, придёт ли вообще... Разбудила в соседней комнате двоюродных братьев, спавших вместе. Попросила: – Приглядите за Галькой... Заболела она.

С трудом пересиливая себя, пошла на работу. Кружилась голова – во всём теле чувствовалась слабость. «Не заболеть бы!»

Три дня Зина находилась в большой душевной тревоге из-за Гальки. Да и сама, с трудом перемогаясь, едва держалась на ногах.

После работы забежала к бабушке.

– Пои её отваром сухой малинки, – посоветовала бабушка.

И Зина готовила отвар и поила сестрѐнку. На четвертый день, заглянув к бабушке, радостно сообщила:

– У Гальки уже температуры нет.

– Слава богу... – перекрестилась бабушка.

– Не могу я к вам попасть-то, проведать... – тяжело закашлявшись, хрипло проговорил дядя Ваня. – Сам вот еле хожу, качаюсь.

Вернувшись к себе вечером, Зина чутким слухом уловила: кто-то тихо стукнул два раза в окно. Два раза стучат, – значит, свои. Выбежала на крыльцо.

Белка молча сунула Зине записку и исчезла.

В записке условным кодом передавалось задание на следующий день забрать от Василька подготовленные для партизан сведения, чтобы затем переправить по назначению.

Зина, прочитав записку, вдруг успокоилась. Она не одна! У неё много друзей...

После работы она снова отправилась в Зую. На этот раз в бабушкиной избе Зина застала неприятного гостя. Грузно развалившись на лавке, за столом сидел пьяный полицейский Чиж. Он теперь часто при встречах с односельчанами хвастался, что может сгноить в тюрьме любого. Чиж держал на коленях маленькую Любочку. Девочка рвалась из его рук, плакала, а он дурным голосом смеялся.

– Ты чего, ирод, пристал к ребѐнку? – ругалась из кухоньки на него бабушка. – Отпусти...

Зина молча подскочила к Чижу и выхватила у него Любочку.

– Вот ты как!.. – Оторопевший полицейский, пьяно пошатываясь, встал, вынул из кармана револьвер и подступил к Зине, заслонившей собой Любочку. – Пришла ленинградская барышня! Не уважаешь полицейского? – Он поднял руку, растопырив грязную пятерню: – Видишь? Хлопну – и ничего от тебя не останется. Но молчу... сохраняю твою жизнь до поры до времени...

– Чего пристал к детишкам? Уходи! – снова прикрикнула на полицаю бабушка.

Чиж мутным взором окинул Ефросинью Ивановну:

– Твое счастье, Ивановна, что ты старая. Старых я уважаю... А то бы поставил и тебя к стенке... Прощевайте пока. Недосуг мне с вами прохлаждаться.

Вышел из избы, громко хлопнув дверью.

– Брешет всё сивый дьявол... Всех пугает. Откупаться приходится... – ругалась бабушка.

Зина едва перевела дыхание от страха. Вышла на усадьбу. Рядом чернела изгородь Азолиных. Возле изгороди стояли ещё не потерявшие своей листвы тополя и липы, краснели ягоды на рябине.

Зина подошла к липе, просунула в тайник руку.

«Есть...» Оглянувшись, спрятала у себя на груди пахнувший землёй небольшой свёрток. Теперь этот свёрток ей предстояло передать Феде или Илье.

У избы Феде Слышенкова стояла невысокая, худощавая светловолосая девчонка-подросток с тонкими, ободком, бровями на скуластом лице. Это была Шура, младшая сестра Феде. Тоже связная.

– Феде дома, – доверчиво сообщила она Зине.

И Зина прошла вслед за ней в избу. Ей невольно бросилась в глаза висевшая над Федевым столом до слез знакомая фотография красивой темноволосой девушки. «Ласточка!» – невольно вздохнула Зина.

Феде молча принял у неё свёрток.

– Всё, – односложно сообщила Зина, давая понять, что дальнейшего разговора в присутствии Федевых домашних не будет, и поспешила домой.

Своих двоюродных братьев Зина застала за несвойственным им делом. Вооружившись иголками и нитками, те чинили свою одежду. Галька стирала в ведре какую-то тряпку.

– Кругом помощники! – невольно улыбнулась Зина. – Буду теперь жить, как барыня!

Сломав иголку и на этом закончив свою ремонтную деятельность, к ней подошёл Лёнька и грубоватым голосом, отводя глаза в сторону, сказал:

– Мы хотим к линии фронта пробраться. Так что нас не ищи.

– Глупо! – огорченно ответила Зина. – Очень глупо!.. Значит, меня одну оставляете с Галькой?

Лёнька потупился:

– Мы хотим за маму и тётю Нину мстить.

– Глупо, очень глупо! – повторила Зина. – Отомстят взрослые. А вдруг тётя Ира и Солнышко придут, а вас нет! Что я тогда им скажу?

Кажется, эти слова отрезвили мальчишек, но с этого дня к Зининым тревогам прибавилась новая – за них.

Соблюдая конспирацию, к Зине никто из подпольщиков не заглядывал. При редких встречах на улице Фруза спрашивала:

– Как дела? Как живешь?..

– Ничего! – бодро отвечала Ромашка. – Живём.

Она ни на что не жаловалась. Ничего не хотела ни у кого просить. А жить ей становилось всё труднее. Очень плохо было с обувью. У ребят, кроме тряпок, которыми обёртывали ноги, ничего уже не было. А зима надвигалась, о ней напоминали октябрьские утренники, когда вся жухлая луговина покрывалась седой изморозью.

Глава восемнадцатая

Фруза пришла к Зине в воскресенье. Заглянула сперва к ней, затем в соседнюю комнату – к ребятам. Никого нет. Пытливо огляделась по сторонам. Пусто и мрачно. Тощие соломенные тюфяки на кроватях, застланный газетой стол у окна, большой деревянный сундук у стены, покрытый какой-то дерюгой.

На улице разыскала мальчишек.

– Зина с Галькой ушли к бабушке, – сообщили братья.

Стояли они перед ней, засунув руки в карманы драных штанов, давно не стриженные, угрюмые. Один – светловолосый, с добродушными голубыми глазами, другой – смуглолицый, чернявый и быстроглазый.

– Кто же вас теперь кормит?

– Зина! – угрюмо отозвался старший.

«Как это она управляетя со своим семейством?» – невольно подумала Фруза.

– Скажите сестре, что я завтра снова зайду.

В коридор из своей комнаты вышла соседка-немка. Она пристально посмотрела на Фрузу, поправляя на груди белый пуховый платок.

– Вас что ходит?.. Кого нужно глядеть?.. – спросила она.

– Подругу! – бойко ответила Фруза, а про себя отметила: «Под строгим надзором живет Ромашка! Нужно быть осторожной».

А Зина в это время была в деревне, разговаривала с дядей Ваней. Он уже несколько дней не вставал с постели.

– Плохо мне, Зинуша!.. – грустно произнёс он. – Последние деньки доживаю. – И, видя, что рядом больше никого нет, понизив голос до шёпота, вдруг признался: – Это я Ирину и Солнышко с партизанами познакомил. Через меня они получили задание следить за курсантами, кто с какого фронта, из какой части... Скажешь потом ребятам, что их мать и твоя сестра погибли за Родину. – Дядя Ваня с трудом откашлялся. – А наши обязательно придут... – снова продолжал он, слегка приподнимаясь на постели и глядя помутневшими, воспалёнными глазами на племянницу. – Придут... Наши победят! Вот только я, жаль, не доживу... Прошу я тебя, Зина... Ты теперь уже большая. Позаботься о Любочке... малышка ещё она. Бабушка совсем плохая, вряд ли до победы протянет... На твое попечение оставляю...

«Теперь он скоро умрёт», – испуганно подумала Зина. Она вышла из избы, не видя ничего вокруг от застилавших глаза слёз.

... На другой день Фруза, как и обещала, снова пришла в барак.

– Пришла я к тебе по очень важному делу, не требующему никакого отлагательства... – И, ничего больше не объясняя, принялась внимательно осматривать комнату.

– Чего ты ищешь? – не выдержала Зина.

– Ищу то, что у вас в комнатах должно находиться, – произнесла Фруза и как-то загадочно и выразительно указала глазами на мальчишек.

Дождавшись, когда они убежали во двор, объяснила:

– Ищу небольшой пакетик в чёрной глянцевой бумаге. Я сама передавала его твоей тётке Ире. Он должен быть где-то у вас.

«Значит, Фруза знала, что тётя Ира и Солнышко работают в столовой по заданию партизан, – подумала Зина, присев на колченогий стул. – Тогда, выходит, и они знали, что я нахожусь в подпольной организации, поскольку так снисходительно относились к моим отлучкам из дома».

Вдвоём они осмотрели все углы в комнатах, заглянули в щели на полу.

– А что было в этом пакетике? – спросила Зина.

Фруза промолчала.

Зина вспомнила, что в день ареста полицейские всё перерыли в комнатах.

– Может быть, полицейские уже его нашли?

– Твое счастье, что не нашли... – отозвалась Фруза и снова стала елозить по полу, ощупывая пазы в досках.

Возможно, они никогда бы не нашли то, что искали, если бы в комнату незаметно не проскользнула крайне любопытная Галька.

– А я знаю, что вы ищете, – наконец решила она подать голос.

Зина и Фруза уставились на неё.

– Что?.. – осторожно спросила Фруза.

– Чёрный пакетик.

Зина и Фруза остолбенели от неожиданности.

– Ты видела, куда его тётя Ира спрятала? – спросила Зина.

– Видела... Она думала, я сплю. А я не спала, когда она прятала. Я ведь хитрая: лежала в постели и в щёлочку подглядывала.

– Ну и куда же она спрятала?

– А я не скажу.

– Почему? – не выдержала Зина.

– Ты же сама мне говорила: «Что слышишь и видишь, никому не говори. Говорят только болтуны и предатели».

– Ты расскажи нам. Мы же свои, – попыталась её уговорить Фруза.

Галька упрямо покачала головой. Но потом, взглянув на Фрузу, неожиданно спросила:

– А если я скажу, немцы отпустят тётю Иру?

– Могут отпустить, – уклончиво ответила Фруза.

– Тогда я скажу... А тётя Ира не будет ругать, когда вернётся?

– Вот ведь какая дотошная. – Фруза горько усмехнулась. – Никто тебя ругать не станет. Ну... говори!

– В Ольгу запрятала, – указала Галя рукой на свою куклу, лежавшую на кровати.

Прощупав живот куклы, Зина с Фрузой переглянулись: что-то зашито.

Услав Гальку на улицу, они распоролли куклу и обнаружили небольшой пакетик в чёрной плотной бумаге.

Зина так и ахнула: сколько раз Галька приходила к ней во двор столовой с этой куклой! Ольгу держали в своих руках и солдаты, даже шеф-повар.

– Что же теперь? – шепотом спросила Зина.

– Сама не знаю. Арестовали твоих родственниц по подозрению в связи с партизанами. Один из связных оказался предателем – выдал их. Мне только поручено разыскать этот пакет с ядом. Очевидно, диверсию проведет кто-нибудь другой.

– Оставь этот пакет мне... – медленно, словно обдумывая каждое слово, сказала Зина. – Я работаю в подвале. Кухня рядом...

За дверью в коридоре послышались голоса.

Зина выглянула в коридор.

– Полицай к немке пришли... – сообщила она шёпотом.

– Как же быть? – растерялась Фруза. – Вдруг меня задержат?.. Знаешь что, пускай этот пакетик здесь до завтра полежит. – Фруза торопливо сунула пакетик за обои, в щель стены. – Ты снова, когда они уйдут, зашей его в куклу. Завтра я приду и заберу.

Расставшись с Фрузой, Зина вынула чёрный пакетик из-под обоев, вложила обратно в куклу и тщательно зашила, стараясь, чтобы был незаметен шов. И тут скрипнула дверь. На пороге стояла немка-переводчица. Смотрела на Зину, державшую куклу.

– Вам чего? – испуганно спросила Зина.

– Вас всех скоро в Германию отправят... – прищурившись, сообщила соседка. – Там... людьми станете. – Переводчица ещё раз пытливо осмотрелась по сторонам и ушла, прикрыв за собой дверь.

Кукла выпала у Зины из рук.

– Ни за что в вашу проклятую Германию не поеду! – прошептала она и заметалась по комнате, не зная, что предпринять. Потом долго стояла у окна, за которым медленно угасал день. Решение пришло окончательно. Да, завтра она обязательно сделает это. Зина больше не колебалась. Завтра удобный день. Шеф-повара на кухне не будет. Он собирался утром ехать в Полоцк. Вряд ли он вернётся к обеду. Останется только его помощник, злой и сварливый. – Завтра я отомщу за Ласточку и за Несмеяну... за тётю Иру и Солнышко. За всех отомщу...

Утром, собираясь на работу, Зина с обычной тщательностью убралась в комнатах. Делала она это скорее машинально, по привычке. Разбудила сестрёнку. Галька капризничала, ей не хотелось вставать, но Зина растормошила её и даже помогла одеться.

– Теперь слушай внимательно!.. Не перебивай! – приказала она сестре. К обеду придёшь ко мне во двор столовой. Не три глаза, слушай!.. Возьмёшь с собой обязательно Ольгу. Слышишь?.. Обязательно приходи с Ольгой. Только смотри не запаздывай... Я тебе что-нибудь припасу вкусненькое. Поняла? Лёнке и Нестёрке скажешь, чтобы с утра отправлялись к бабушке и сидели там, пока я не приду.

Явившись на работу в подвал, Зина удостоверилась: шеф-повара нет. Значит, он в самом деле уехал в Полоцк. Немка, работавшая на кухне и немного знавшая русский язык, спустилась к ней в подвал и тщательно обыскала Зину.

– Гут! Гут! – сказала, отпуская Зину работать. – Столовой требуется порядок.

Зине казалось, что время идёт поразительно медленно. Она часто выглядывала из подвала во двор, но Гальки все не было. Только бы она не подвела, пришла к обеду! Часовые к Гальке уже привыкли, разрешают сидеть на поленнице дров, тихо играть, дожидаясь старшую сестру. Пропустят и теперь.

Двор, окруженный дощатым забором со ржавой колючей проволокой, захламлён: штабеля берёзовых дров, кучи торфяных брикетов. Часовой, как всегда, на месте – у ворот. Подходило время, когда должны были являться обедать офицеры. А Гальки всё нет.

Со двора Зина видела через окна обеденного зала, как официантки раскладывали на покрытых белоснежными скатертями столах приборы, ставили вазочки с осенними цветами. Зина уже начинала терять терпение, но тут заметила, что Галька, в своём пёстром платье, в длинной старенькой коричневой плюшевой жакетке, которую ей где-то раздобыла бабушка, и в белом платочке, уже сидит на чурбане за поленницей дров. В руках сестрёнки была её неразлучная Ольга.

Зина подскочила к Гальке.

– Молчи! – приказала она и, быстро полоснув по материи тем же ножом, что резала овощи, вытащила чёрный пакетик. Спрятав его себе за пазуху, она швырнула куклу на поленницу и снова приказала сестрёнке: – Молчи, не хнычь! Беги что есть духу к бабушке. Там меня дожидайся. Слышишь?.. Я скоро приду.

Голос старшей сестры был так повелительно-строг, что Галька без возражений пошла к воротам.

Вернувшись в подвал, Зина почувствовала, что уже не может больше работать – тряслись руки. Казалось, пакетик с отравой жжёт грудь, от страха трудно дышать.

Крадучись, пробралась на кухню. Там шла работа. На раздаточном столе выростала горка тарелок. Рядом такая же горка нарезанного хлеба... Из раскрытого медного котла на плите шёл пар, разнося приятный мясной запах. Широкая спина повара маячила в разных концах кухни. В тот момент, когда повар, прихрамывая,

что-то понёс к раздаточному столу, возле которого хлопотала немка в такой же, как у повара, белоснежной куртке, Зина приблизилась к пышущей жаром плите и, приподнявшись на цыпочках, слегка вздрагивающей рукой высыпала содержимое пакетика в котёл. Легко и бесшумно выскользнула из кухни. Пакетик разорвала на мелкие клочки и выбросила.

Спустившись к себе в подвал, Зина прильнула к сырой, холодной стене, стараясь прийти в себя. Сильно билось сердце, кружилась голова.

Теперь, как только повар заполнит тарелки и немка выставит их на раздаточный стол возле окошка, официантки станут разность порции по столам. На всё это уйдёт минут пять, не больше. А дальше?.. Что будет дальше? Может, лучше уйти из подвала и что есть духу бежать в деревню к бабушке, взять Гальку и сразу же уходить в лес, к партизанам?

Сверху слышались тяжёлые шаги... Зина едва успела подойти к своему рабочему месту и сесть на табуретку, как в подвал, грузно шаркая, медленно спустился немец-кладовщик с мешком картофеля за спиной. Оттащив мешок в угол, он присел в проходе на ступеньку, тяжело дыша и смахивая со лба пот.

Шинкуя капусту, Зина лихорадочно размышляла: нет, сразу же уйти из подвала, не вызывая подозрения, не удастся. Всё равно догонят, схватят, а тогда – конец... Нет, лучше уж оставаться на месте. Никто же не видел её на кухне...

Подошло время обеда. Первыми должны явиться курсанты-летчики. Они пунктуальны до минуты. Слышно, как они зашумели в обеденном зале, рассаживаясь за столы.

Шум наверху всё усиливался, и Зина как-то сразу и странно успокоившись, поняла: случилось то, что должно было произойти.

«Спокойно!.. Спокойно!» – мысленно приказывала она себе, продолжая работать дрожащими руками, плохо справлявшимися с ножом.

Громко топая, по ступенькам в подвал торопливо спустились двое солдат из караульной команды с автоматами на груди. Оттолкнув кладовщика в сторону, встали у прохода. Зине приказали подняться на кухню. Возле повара и женщины-немки стояли двое часовых, здесь же находились офицеры-гестаповцы. Один из них властным кивком приказал Зине сесть за стол. Перед Зиной поставили тарелку с супом.

– Ешь! – приказал по-русски другой гестаповец, подавая ей ложку.

Стало ясно – спасения нет. Если она будет есть суп, то умрёт. Если откажется то... тоже умрёт – немцы замучают. Мысль о сестрёнке обожгла сердце. Чтобы Гальку ни в чем не заподозрили, она будет есть оправленный суп. Галька должна жить! Должна!.. И, перехватив на себе пристальные, настороженные взгляды гитлеровцев, Зина взяла ложку.

– Хлебушка можно взять? – протянула она руку к подносу с нарезанными ломтями хлеба. И, не дожидаясь разрешения, схватила кусок хлеба, с отчаянной торопливостью откусила и зачерпнула ложкой суп; не прожевав хлеб, проглотила суп, снова зачерпнула, снова проглотила. И, почувствовав резь в животе, скорчилась.

– Довольно... – произнес офицер-гестаповец и приказал: – Иди домой...

Согнувшись и шатаясь, она вышла во двор. Никто её не задержал, не последовал за ней. Очевидно, её больше уже не подозревали.

И тут Зина, к ещё большему своему ужасу, увидела на прежнем месте, возле поленницы дров, Галю. Сестрёнка как ни в чем не бывало сидела на чурбане с Ольгой

в руках. Строптивая Галька решила без куклы не уходить домой.

– А я достала Ольгу, – горделиво похвалилась она.

Зина хотела что-то сказать, но ей помешал кусок хлеба во рту, который она совершенно бессознательно не проглотила. Выплюнув хлеб, Зина схватила Гальку за руку и потащила прочь.

А мимо них, громко сигналив, проезжали санитарные машины, увозя пострадавших гитлеровских лётчиков.

Зина с трудом добралась до своей комнаты. Взяв с окна бутылку с молоком, которую она накануне принесла от бабушки, налила в чашку. Но после выпитого молока ей стало хуже. Зина свалилась на постель, чувствуя, как всё тело покрылось холодной испариной. Сестрёнка, широко раскрыв глаза, испуганно глядела на неё, что-то спрашивала дрожащими губами.

Зина и сама не понимала, как у неё хватило сил потеплее одеться и одеть сестрёнку. Схватив Гальку за руку, изгибаясь от сильной боли, торопливо повела по тропинке, ведущей к лесной дороге. Несколько раз оглянулась. Кажется, всё спокойно, никто не преследует. Только бы добраться до партизан! Хватит ли сил? Ведь она должна отвести Гальку к партизанам. Спасти её... Сама она умрёт, это ясно.

Дорогу пересёк небольшой ручеек. Встав на колени, Зина склонилась, стала пить холодную, как лёд, ключевую воду... Ещё... ещё. Закружилась голова. Она ткнулась лицом в воду. С трудом поднялась и опять, преодолевая боль, потащила за собой Гальку.

А та не понимала, почему это они так торопятся. Сперва шагала спокойно. А потом начала хныкать...

Началось поросшее кривым березняком болото. «Кажется, здесь», – думала Зина, пробираясь по тропке между болотистыми бочагами. Едва отличимая тропа вилась по мшистым, с краснеющими ягодами клюквы и брусники кочкам, которые пружинисто зыбились под ногами.

Промокшие, облепленные тиной девочки с трудом выбрались на сухое место. Болото поглотило их рогожные туфли и тряпки, которыми были обмотаны ноги.

– Мы скоро придём? – без конца спрашивала Галя, держась за карман шинельки сестры. – Ну, скоро?

– Скоро... – с трудом ответила Зина. – Ты только не отставай. – И тут же свалилась на луговину и стала кататься по земле, стараясь умирить усилившуюся, непереносимую резь в животе.

«Только бы довести Гальку до партизан... Довести!» Через силу, со стоном поднялась с земли. Снова взяла сестренку за руку, повела за собой.

В лесу было тихо, пахло влажной осенней сыростью, грибной прелью. Мох на болотистых ложбинах мягкий, как подушка. Шелестела под ногами листва. Ветки кустарника хлестали по лицу, цеплялись за одежду.

Прозябшая, сбившая до крови босые ноги, Галька, захлёбываясь, плакала.

Тропка неожиданно оборвалась, словно утонула в желтовато-зелёной воде. Зина по колено увязла в торфяной жиже и стала медленно погружаться все глубже и глубже. Смертельно испугавшись, она отчаянно пыталась вытащить ноги из густой торфяной грязи.

– Не подходи ко мне, утонешь!.. – осипшим от страха голосом крикнула она стоявшей рядом на кочке, испуганно растопырив ручонки, Гальке. – Не подходи–и!..

Зина заметила рядом с Галькой тонкое деревце, потянулась к нему, но не достала.

– Нагни ко мне... Нагни... – срывающимся голосом просила она сестрёнку и с отчаянием следила, как та, напрягаясь, пытается пригнуть полусухую лещину.

Рванувшись, Зина дотянулась все же до деревца одной рукой. Перебирая обеими руками, стала вытаскивать из засасывающей топи ноги. Ещё немного!.. Ещё... Закружилась голова. Закусив до крови губы, снова подтянулась.

Минут пять спустя она уже лежала на твердой мшистой кочке, покрытой россыпью зрелой клюквы. Ее знобило, насквозь мокрая, холодная одежда прилипла к телу. Сил подняться уже не было.

«Где-то мы сбились», – с отчаянием думала Зина.

Передохнув, они вернулись обратно в лес и, к счастью, скоро нашли в осиннике потерянную тропку. Сумерки сгущались, но им удалось пройти болото до темноты и выбраться в мелколесье...

Вторая часть **В партизанском отряде** **Глава первая**

На рассвете партизанская разведка обнаружила в лесу двух девочек. Одна из них – маленькая, в рваной плюшевой, не по росту, жакетке, – сидела, едва слышно всхлипывая; вторая – подросток в чёрной железнодорожной шинельке лежала без сознания рядом.

– Жива... ещё дышит, – произнес один из разведчиков, склонившись над девочкой. – Что будем делать-то, ребята?

– Придётся взять... – вздохнув, ответил другой. – Теперь все бегут в наш партизанский край.

...Зина очнулась в большой сумрачной избе-пятистенке, заставленной топчанами, на которых лежали и стонали люди. Пахло карболкой и ещё чем-то острым, неприятным.

– Где я?.. – спросила она, едва слышно шевеля губами.

Над ней склонилась какая-то женщина. Лицо женщины было словно окутано туманом, но Зина узнала её – это была мать погибших подпольщиц Антонина Андреевна Лузгина.

И снова Зина впала в забытие.

Помимо тяжелого отравления у неё оказалось и двустороннее воспаление лёгких.

Поправлялась она медленно, но вот наконец наступил день, когда лечивший партизан пожилой врач послушал Зину и сказал, тряхнув короткой русой бородкой:

– Ну, девчурка, вернулась ты с того света. А ведь надежды спасти тебя почти не было. Скоро выпишем. Сиделка-то у тебя надежная была. – И он погладил по голове стоявшую рядом Гальку. – Ни днём ни ночью не отходила.

Галька сияла от удовольствия: её хвалил сам врач, разрешивший ей жить при госпитале, где она уже полностью освоилась.

Новая жизнь в непривычной обстановке Гальке очень нравилась.

Держась за плечо сестрёнки, ослабшая от болезни Зина шла по широкой деревенской улице, запорошенной лёгким снежком, и с любопытством озиралась по сторонам. По улице бродили куры, в проулке сохло на веревке бельё, у тына похрюкивал поросёнок. Вокруг царили обманчивые мир и покой.

– Вот мы и пришли, – сказала Галя, указывая на небольшую избушку под чёрной от ветхости соломенной кровлей.

Хозяйка избушки – небольшого роста, сгорбленная, суетливая Аграфена

Кузьминична – встретила сестёр приветливо. Видя, что Зина стесняется, успокоила:

– Живи, родимая, живи!.. В тесноте, да не в обиде... Третья теперь ты у меня будешь. Квартируют тут ещё две жилички.

И сразу же словоохотливо пустилась в разговор, расспрашивая, как сёстры попали в партизанскую деревню.

– Ну, я пошла... – серьёзным тоном, как взрослая, сказала Галя, обрывая рассказ Зины об их злоключениях. – Меня ждут в госпитале, ведь я там работаю. – И, поцеловав сестру, побежала в госпиталь.

Хозяйка едва успела положить на деревянные козлы в углу доски и постлать какую-то ветошь, как Галька прискакала обратно.

– В госпиталь снова раненых привезли. Бинтов не хватает. Будем резать из парашюта шёлковые, – деловито сообщила она и встала на цыпочки, вытягиваясь, чтобы казаться взрослой, но тут же запрыгала, завертелась по избе и, завидя кошку, бросилась к ней: – Кошка-то здесь тоже партизанская, и вздохнула, – а вот Ушастика жаль! Остался, бедняжка, у немцев. Наверное, скучает.

Через несколько дней в избе появились отсутствовавшие квартирантки разведчицы партизанской бригады. Они были в разбитых лаптях и драных онучах – видно, шли издалека. Обе сразу плюхнулись на свои койки, жалуясь, что устали до чертиков.

– Новенькая у нас теперь живёт... – пояснила Аграфена Кузьминична, заметив, что разведчицы вопросительно поглядывают на Зину.

– Откуда, из какой деревни? – почему-то строго стала расспрашивать Зину рослая, стройная партизанка с тяжёлой рыжеватой косой, закрученной сзади в тугий пучок. На её лице обращали невольное внимание большие чёрные, с каким-то лихорадочным блеском, глаза.

Узнав, что Зина из госпиталя, а до госпиталя была в подпольной организации, Ксения – так звали эту девушку – смягчила свой резковатый тон. Другая – Настя, белокурая, с короткой стрижкой, простенькая на вид, – сразу расположила Зину к откровенности.

– Бабушка у меня в Оболи осталась, два брата – ещё совсем мальчишки, маленькая двоюродная сестренка. Болит у меня душа за них, – поделилась с ней своими переживаниями Зина. – Как вы думаете, разрешат побывать у них?

– Просись, чтобы тебя в разведгруппу определили, – посоветовала Настя. – У разведчиков большие возможности.

– А зачислят меня? – загорелась Зина.

– Вряд ли... – критически осмотрела её Ксения. – Жизненного опыта не имеешь.

Зина томилась ожиданием, что вот-вот её вызовут к партизанскому начальству и, может быть, дадут нагоняй, что самовольно совершила диверсию.

– Что обо мне командиры говорили, пока я болела? – допытывалась она у сестрѐнки.

– Хвалили!.. Боялись, что ты умрѐшь...

Наконец Зина осмелилась и сама направилась к избе с белыми наличниками, в которой – она уже узнала – помещался штаб партизанского отряда. Остановилась у крыльца, где на фанерном стенде висела листовка. Стала читать:

«Партизан!

Ты видишь, на фронт тянутся немецкие эшелоны с солдатами, боеприпасами, военной техникой. Взрывай железнодорожное полотно, мосты, пускай под откос

составы! Этим ты облегчишь наступление Красной армии.

Видишь телефонный кабель – рви его! Этим ты внесешь замешательство в стан врага. Ты слышишь, по твоей земле шагают солдаты и офицеры Гитлера. Уничтожай их, как бешеных собак...»

– Проходи смелее! Чего стесняешься? – ободрил её старик партизан с охотничьим ружьём за плечами, охранявший вход в штабную избу. – Ты что, новенькая у нас? Что-то я тебя раньше не видел.

– Новенькая... Недавно убежала от немцев.

Набравшись смелости, Зина шагнула через порог.

В большой горнице за непокрытым столом сидели несколько человек, все в полувоенной форме – гимнастёрках с ремнями. В горнице было очень накурено, сизоватый дым клубами висел под закопченным потолком.

Партизаны за столом с любопытством разглядывали ленинградскую школьницу. Они уже знали о её диверсии в офицерской столовой.

Среди них Зина заметила Михаила Ивановича, когда-то приходившего к дяде Ване в Зую.

– Вовремя ты ушла из Оболи, – заметил Михаил Иванович. – Иначе тебя могли расстрелять. – Он достал полосатый кисет, свернул сигарку, кресалом выбил искру, закурил и обратился к худощавому: – Куда мы её пристроим, командир?

– Чем бы ты у нас в отряде хотела заниматься? Может быть, в госпиталь? Пойдёшь? – спросил ее командир.

– Разведчицей, – быстро ответила Зина.

– Вот как?... – удивился командир. Он хотел определить эту хрупкую, худенькую девочку на работу полегче.

– Но прежде чем стать разведчицей, нужно многому научиться, – заметил Михаил Иванович.

– Я научусь, – твердо сказала Зина.

– Хорошо, мы подумаем, – произнес командир, и судьба Зины осталась бы в этот день нерешённой, если бы в этот момент не вошла в избу девушка в полушубке, перетянутом военным ремнем, в шапке-ушанке.

– Наташа! – Зина сразу узнала секретаря подпольного райкома комсомола.

Наташа подошла к Зине и по-дружески обняла её.

– Слышала уже о твоём подвиге, – быстро заговорила она и обратилась к сидевшим за столом: – Это моя подопечная из Оболи.

– Просится в разведчицы, – сказал командир отряда.

– А почему бы не взять? – решительно ответила Наташа. – Я – за!

По тому, как уверенно она держалась, чувствовалось, что Наташа пользуется авторитетом у начальства.

– Зина пришла в отряд не одна... – заметил Михаил Иванович. – У нее маленькая сестрёнка.

– Но сестренка живет теперь не с ней, а при госпитале. И зачислена в штат госпиталя, – возразила Наташа.

– Придётся уважить просьбу нашего комсомола!.. – решил командир и пообещал Зине: – В ближайшие дни определим тебя в разведгруппу.

– Спасибо! – радостно сказала Зина.

Дома Зину встретила мать сестёр Лузгиных – Антонина Андреевна.

– Пришла тебя проведать. Очень уж моя Машенька тебя любила... – сказала она и

заплакала. – Приняли меня здесь в партию... Дали дело, – немного успокоившись, рассказала она о себе, – для госпиталя стираю бельё. Чем могу, помогаю партизанам.

– Я, Антонина Андреевна, как смогла, отомстила и буду мстить за Тоню и Машеньку, за мою тётю Иру и Солнышко, за всех замученных наших людей.

Глава вторая

Дня через два Ксения сказала Зине:

– Завтра уходим в разведку. Тебя тоже с собой берём. Командир распорядился. – И, осмотрев юную разведчицу, критически покачала головой: – Обувка у тебя плохая. В бахилах из мешковины далеко не уйдёшь...

А утром принесла Зине с партизанской базы хотя и стоптанные, но аккуратно подшитые валенки.

– Разведчикам и связным полагается ладная обувь. Уходим мы порой надолго.

Они вышли из деревни под вечер. Ксения шла первой быстрым, уверенным шагом. За ней шагали Зина и Настя.

– По пути обращай внимание на всё!.. Где сломанная веточка, где примятый кустарник. Ничего не должно оставаться незамеченным... – учила Ксения.

Переночевали в землянке партизанского дозора и ещё до рассвета снова тронулись в путь.

Влажная опавшая листва скрадывала их шаги.

– Главное – пройти этот лес... – тихо сказала Ксения. – Если нарвемся на засаду, бегите обратно. Я буду отстреливаться.

У Ксении револьвер и гранаты. В дорожной сумке она несёт взрывчатку для подпольщиков. Но идут они не в Оболь, а куда-то в другом направлении. Зина идёт налегке. Оружия у неё нет. Если их схватят, она должна сказать, что не знает своих спутниц, случайно встретила на дороге – это легенда, подсказанная начальником разведгруппы.

Вдруг Зина замерла, предостерегающе схватила Настю за руку. Глаза у неё испуганно расширились. Совсем рядом, на небольшой поляне, у осины, стоял, склонившись, черноволосый бородатый человек в ватнике.

– Он... мертвый, – услышала она шепот Насти.

И только теперь Зина разглядела веревку, которой человек был привязан к дереву. За деревом лежал другой труп. А вокруг были набросаны какие-то жестянки.

– Убивают наших и, заминировав, оставляют – хотят запугать, – объяснила Зине Ксения. – Надо запомнить хорошенько это место и сообщить в отряде.

Они шли ещё более часа, пока лес и заросшее березняком болото не кончились. Остановились на опушке, перед которой простиралось обработанное поле. Были слышны людские голоса. За кустарником виднелись жилые постройки. На обочине дороги чернел обгоревший грузовик.

– Ты с нами, Зина, дальше не пойдёшь. Останешься здесь. Будешь следить за дорогой! – приказала Ксения. – Будь всё время начеку. Обязательно запоминай всё, что увидишь и услышишь. – И, пытливо глядя на Зину, спросила: – Не побоишься?

Зина только обиженно вздернула плечами.

Машины и люди на дороге показывались довольно редко. Поэтому Зине легко было фиксировать в памяти всё, что она видела.

Для лучшего обзора она взобралась на высокую ель. И всё же, несмотря на свою неусыпную бдительность, она не уследила момента, когда спустя несколько часов Ксения и Настя бесшумно выросли рядом.

Ксения, внимательно слушая Зинин отчет, спросила:

– На елку лазила?

– Да... – удивилась Зина. – А вы откуда знаете?

Ксения улыбнулась, показала на свежую хвою под елкой и устало промолвила:

– От разведчика даже господь бог ничего утаить не может.

Они двинулись в обратный путь, когда густые вечерние сумерки окутали лес.

Зину поражала необыкновенная зрительная память Ксении и то, с какой лёгкостью она ночью отыскивала их прежний след.

Девушки теперь крались, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

– Ну вот, теперь это уже наш партизанский край, – тихо проговорила Ксения, когда они, преодолев несколько оврагов, дошли до густых хвойных зарослей.

Партизанский край! Удивительной была эта обширная озерно-лесистая зона. Раскинулся он на десятки километров в глубину и в ширину, от Полоцка и почти до Березины. Своеобразное Советское государство в глубоком тылу мощных немецких армий, окруженное со всех сторон полицейскими заставами, вражескими гарнизонами, имевшими на своём вооружении артиллерию и бронетранспортеры.

Партизанская армия насчитывала несколько десятков отрядов, собранных в бригады, вначале разрозненных, действовавших самостоятельно, на свой страх и риск, и затем сцементированных под одним общим командованием.

Под защитой этой народной армии в партизанском крае находилось более 80 тысяч мирных жителей. Для врага партизанская зона оставалась пока недоступной. Система различных оборонительных сооружений прикрывала территорию народных мстителей. Тут были и заминированные поля, и свои долговременные земляные укрепления, и окопы полного профиля. Партизанские патрули, дозоры, часовые охраняли подступы к бригадам и отрядам. У каждой бригады была своя зона, свои оборонительные границы, защищать которые от проникновения врагов партизаны были обязаны так же, как и население тех деревень, которые находились на территории бригады. Почти ежедневно то в одном, то в другом месте обширного партизанского края народные мстители вели оборонительные бои с оккупантами.

Но партизанские бригады не замыкались на своей территории, не ограничивались только обороной.

Они проникали отрядами, небольшими группами на занятую врагом территорию. Скрытно, а иногда и с боями пересекали шоссейные и железнодорожные магистрали, нападали на фашистские гарнизоны. Совершали и длительные рейды – за десятки километров от своих основных баз. Возвращались с трофеями, привозили продукты, пригоняли скот. Партизанская деятельность не прекращалась ни на один час. В то время, когда Зина пришла в отряд, в партизанском крае было относительное затишье, хотя боевая активность партизан всё нарастала. Молниеносные удары по полицейским заставам и небольшим вражеским гарнизонам каждый раз были неожиданными и завершались успехом партизан. Но все понимали, затишье это кратковременное: немцы вот-вот должны были огрызнуться крупной карательной операцией. В случае наступления врага партизанские отряды могли скрытно уйти в другие районы Белоруссии. Но как быть с населением, доверявшим свою безопасность и жизнь народным мстителям? Всё это заставляло руководство партизанского края всемерно усиливать и укреплять свою армию.

В свободное от боевых действий время партизаны занимались подготовкой к будущим боям. Рыли окопы, на танкоопасных местах – противотанковые рвы...

Устраивали на лесных дорогах завалы.

Особенно остро сознавали надвигающуюся опасность в штабе оперативной группы, располагавшемся в центре партизанского края – районном посёлке Ушачи (этой оперативной группе подчинялись все партизанские бригады и отряды Лепельско-Полоцкой зоны). Из разведывательных данных уже было известно, что немцы намереваются провести свою карательную операцию в декабре – январе. Фашистами уже формировались специальные карательные части. В пограничные с партизанским краем гарнизоны завозились дополнительные боеприпасы. Усилили свою деятельность агенты врага, пытались проникнуть в партизанскую зону и там осесть.

Партизаны усиленно готовились дать отпор карателям.

Со строевым составом часто проводились учебные занятия. В одну из групп, учившихся владеть трофейным оружием, была зачислена приказом по партизанской бригаде и Зина.

Она уже получила боевое оружие – трофейный автомат и несколько гранат. Автомат она освоила сразу. Гораздо сложнее для неё оказалось стрелять из трофейного маузера. На всю учебную группу их было два. Поочередно они переходили из рук в руки.

– Непринужденно стоять! – командовал инструктор. – Подтянуться!.. Рука должна быть твердой... Держать на весу!..

Вытянув правую руку с тяжёлым пистолетом, Зина, как приказывал инструктор, закрывала один глаз, прицеливалась, но попадала неточно.

– Не совсем удачно, – отмечал инструктор, подойдя с Зиной к мишени. – Надо ещё потренироваться.

Но запас трофейных боеприпасов небольшой. На каждого стрелка полагалась ограниченная норма.

– Доставайте у врага, – советовал инструктор.

Но как достать, если Зина ещё не участвовала ни в одной боевой операции! Помог брат Фрузы – Николай Зеньков где-то раздобыл трофейные патроны. И уже через несколько дней Зина услышала от инструктора:

– Молодец! Ни одна пуля за «молоком» не пошла. Глаз у тебя, девочка, точный.

Зина все больше привыкала к партизанской жизни, к своим соседкам. Ей нравилась мягкость, доброта в характере Насти, стремление чем-нибудь услужить. Привыкла она и к целеустремленному, гордому нраву Ксении, властно подчинявшей себе других. Зина от Насти узнала, что у Ксении немцы заживо сожгли всю семью: отца, мать, младшего брата. Сама она случайно уцелела. С того дня в рыжеватые Ксенины косы и закралась седина.

Партизаны уходили, возвращались. В госпиталь привозили и приносили раненых... Убитых хоронили на деревенском кладбище. Часто объявлялась воздушная тревога. Немцы бомбили партизанскую землю. Почти после каждой такой бомбёжки в госпитале появлялись новые раненые, а на кладбище – свежие могилы.

Глава третья

В декабре Зину вызвали на инструктаж недавно принятых в партизанскую бригаду. В избе собралось человек двадцать молодёжи. Среди них Зина была самой юной.

Проводил занятие начальник штаба бригады, уже пожилой, со шпалой в петлицах гимнастерки. Седые, коротко остриженные волосы торчали у него на голове ёжиком.

Он кратко рассказал о положении на фронте: под Сталинградом немцы в котле, но ещё не разбиты; окружённая нашими войсками под Демянском 16-я армия гитлеровцев упорно сопротивляется...

Затем начальник штаба перешел к непосредственному инструктажу.

– Местность, которую защищает наша бригада, только частично лесная. У нас значительная территория – открытая – озёра, болота. Это тоже наши природные укрепления. Мы, партизаны, по существу, всё время находимся в окружении. И днём и ночью. Без взаимной помощи, без взаимной дружбы мы не можем существовать. Вы, наверное, слышали, что под защиту партизан в этот край идут тысячи местных жителей из окрестных селений.

Но под видом беженцев враг засылает к нам своих диверсантов, шпионов. На днях в соседнем отряде диверсантом убит командир взвода. Будьте внимательны! Присматривайтесь к каждому новому человеку.

Через несколько дней Зина впервые пошла на боевое задание. Накануне командир собрал отряд. В штабной избе столпилось много народу, и Зина услышала, что предстоит ночной поход километров за двадцать.

– По данным разведки, – сообщил он, – нас ожидает многочисленный гарнизон, большой склад боеприпасов. Немцы готовятся к наступлению. Наша задача – опередить врага.

В установленный час партизаны собрались на лесной опушке. Стало известно, что в нападении на вражеский гарнизон будет участвовать не один отряд, а несколько, и перед каждым – своя цель. Зина входила в разведывательную группу основного отряда, который во взаимодействии с другими подразделениями должен ворваться в селение с восточной стороны, выбив оттуда гарнизон.

– Одеться потеплее! Ночью мороз ожидается, – предупредил своих бойцов командир взвода, безусый парень в потрёпанном ватнике и серой папахе с красной ленточкой.

Партизанскую границу переходили глубокой ночью.

Мороз крепчал. Коченели руки и ноги. На открытых местах ледяной ветер резал лицо. Зина старалась не отставать от идущих молча партизан. Только один раз она услышала, как кто-то рядом негромко звякнул автоматом и, видно запнувшись о корягу, шепотом выругался.

Передовую группу партизан-разведчиков, в которую входила Зина, вели двое проводников – местные жители, хорошо знавшие окрестные леса.

Под утро остановились на короткий отдых в ельнике у оврага. До ближайшего селения оставалось немного. Хвойный лес редел, постепенно переходя в берёзовое мелколесье. За ним начиналось заснеженное ровное поле...

К Зине подошел командир взвода.

– Не замёрзла... держись?

– Держусь... – едва слышно прошептала Зина, слабо улыбнувшись.

После небольшого отдыха разведгруппа отделилась от основного отряда и тронулась ползком к чернеющим вдали постройкам. Возле усадеб разведчики разделились. Четверо поползли снимать часовых, а трое, в их числе и Зина, свернули вправо, к дороге, где нужно было перерезать линию связи.

– Следи за дорогой! – шепнул старший Зине. – Если напоремся, прикрывай нас огнём!

Зина осталась одна в снежном поле. Она лежала, распластавшись в сугробе,

прижимая к себе автомат. Лёгкий ветерок мел поземку. На небе в просветах облаков сверкали звёзды... «Почему так долго ничего не слышно? – томилась тревожным ожиданием Зина. – Так и замёрзнуть можно!» Прошло ещё, наверное, минут двадцать. Зина совсем уже заоченела, когда, наконец, впереди на снегу зачернели, приближаясь, две живые точки... Это возвращались разведчики.

– Перерезали провода... – сообщили они, плюхнувшись рядом с ней в сугроб.

Теперь лежали втроем в сугробе и терпеливо ждали сигнала атаки.

«Скорее бы... – думала Зина, сжимая ооченевшими руками автомат. Глаза слипаются... Сил уже нет...»

И тут предрассветную тишину нарушил трескучий взрыв гранаты... Автоматная очередь... другая. И почти сразу же в небе загорелась, рассыпалась блестящими искорками зелёная ракета... За ней – вторая, сигнал общей атаки. Какая-то невероятная сила подняла Зину на ноги. Вскочив, она ринулась вслед за партизанами к жилым постройкам.

В селе, казавшемся ещё несколько минут назад вымершим, скрипели и трещали срываемые с петель двери, звенели разбитые стекла, из распахнутых настежь окон выскакивали и вываливались полуодетые люди. Слышались крики и вопли гитлеровцев, захваченных врасплох.

Зина стреляла из автомата на ходу туда, где мелькали убежавшие вражеские солдаты. Свой взвод Зина разыскала на площади возле школы, когда на подъехавшие розвальни клали убитых. На другой подводе увозили раненых, я среди них Зина увидела Николая Зенькова, с забинтованной головой, без шапки.

Огненно-белая дуга ракеты прочертила горизонт, означая, что пора отходить. Главное было сделано. Гарнизон разгромлен, склады боеприпасов и продовольствия опустошены и горели, подожженные партизанами. Обратный путь не показался Зине трудным и утомительным. Она испытывала необыкновенный душевный подъем: ведь сегодня она впервые участвовала в бою. Ее автомат не бездействовал.

Неделю спустя Ксению и Зину вызвали к командиру, и они получили задание вдвоём пойти во вражеский тыл.

– Это селение обходите стороной, – посоветовал начальник штаба отряда, склонившись над планом местности. – Вокруг полицейские заставы, задерживают каждого.

... Они вышли из деревни засветло. Одеты были, как беженки, в лаптях, в руках – по небольшому узелку. Ксения сама проинструктировала Зину, как вести себя при встрече с полицаями и немцами.

– Главное – стой и молчи. Помни: ты моя двоюродная сестра. Я и за тебя, и за себя буду говорить...

Они благополучно миновали наиболее опасный лесной участок и, пройдя с полчаса по полю, набрали на две большие завьюженные копны сена. Остановились.

– Следов к копнам не видно, – тихо сказала Ксения. – Значит, заночуем здесь.

Осторожно подрыли одну из копен. В образовавшуюся нору, остро пахнущую мятой, зверобоем и ещё какой-то неведомой травой, первой пролезла Зина, за ней протиснулась Ксения.

– А теперь спать... – тяжело дыша, сказала Ксения. – Ты расстегни шинель и разуйся. Ноги в сене не озябнут.

Зина послушалась, вытянула усталые ноги и, прижавшись к спине подруги, закрыла глаза. Мерное дыхание Ксении действовало успокаивающе, и вскоре Зина

уснула.

На рассвете, хорошо отдохнув, они вылезли из копны и снова тронулись в путь. Шли теперь уже открыто, по большаку. Они миновали большую часть пути, не встретив ни одного человека.

Наконец впереди завиднелись жилые постройки, и девушки пошли медленнее.

– Здесь должна быть полицейская застава! – Ксения заметно забеспокоилась, заволновалась, перекладывая из одной руки в другую свой узелок.

– Сзади машина! – испуганно предупредила Зина, оглянувшись.

– Что ж, встретим! – сказала Ксения, останавливаясь у бревенчатого мостика через дорожную канаву.

Она подняла валявшееся рядом полено, оторвала от жакетки кусок чёрной подкладки, завернула полено и подложила сбоку под бревно мостика.

Небольшая машина пикап приближалась. Рядом с шофером сидел офицер в чёрной шинели, в очках и в фуражке с высокой тульей.

Ксения с поднятой рукой шагнула навстречу. Машина остановилась. Офицер выглянул в раскрытое окошко. Подскочив к машине, Ксения быстро заговорила, путая немецкие и русские слова, при этом жестами показывая, что мостик, очевидно, заминирован.

Офицер, вынув из кобуры парабеллум, вышел из машины и приказал шофёру объехать мостик стороной. Нотки испуга звучали в его голосе.

Тарахтя, машина с большим трудом снова выбралась из кювета на дорогу. И тут опять случилось для Зины неожиданное: Ксения попросила немцев довезти до селения. Офицер теперь потребовал предъявить ему документы. Ксения вынула какую-то завернутую в носовой платок бумагу. Офицер мельком взглянул на неё и разрешил девушкам сесть в машину. Они быстро доехали до селения. Вышедший навстречу машине дежурный полицейский заставы в чёрном романовском полушубке козырнул офицеру.

Офицер стал у него что-то расспрашивать, указывая назад, в сторону мостика. Ксения и Зина выскользнули из кузова машины. И опять новая выходка Ксении озадачила Зину. Девушка сама подошла к офицеру, по-немецки поблагодарила, прижав руку к груди. Офицер вежливо ответил, и разведчицы, не глядя на полицая, пошли по тропке мимо жилых построек. Снова выбрались на большак. Навстречу ехали грузовые машины, встречались прохожие. Разведчицы шли спокойно, на них никто не обращал внимания. И вдруг:

– Эй вы, красотки... документы!

Перед ними стояли два дюжих парня с белыми повязками на рукавах.

Девушки тоже остановились. Ксения решительно шагнула к полицейским:

– Чего кричите? Привыкли глотки драть! – и, небрежно глядя на опешивших полицаяев, вынула из-за пазухи завернутый в платок документ. – Вот, видели... – И сунула чуть ли не под нос одному из них.

– А-а... Аусвайс! – негромко произнёс он, глядя то на немецкий паспорт, то на Ксению, и обратился к Зине: – А у тебя?

– Дурак ты неотесанный! – снова закричала Ксения. – Полицай, а свои мозги на куриные сменял. Аусвайс-то несовершеннолетним не выдают. Неужели не знаешь?

Раскрасневшаяся Ксения, в сбившемся с головы платке, была необычайно красива в своей ярости. И как это ни странно, и ругань Ксении, и её угрозы подействовали на полицаяев. Они вернули ей аусвайс и, чертыхаясь, пошли, не оглядываясь, по дороге.

– Отделались, – пряча свой документ и успокаиваясь, облегчённо вздохнула Ксения.

Шли они медленно. Сбоку пролежала железная дорога. Мимо с грохотом проследовал воинский эшелон. Вскоре прошел другой. Ксения ещё замедлила шаг, как догадалась Зина, считая проходившие вагоны.

– Запоминай... – сказала она Зине. – Если тебе снова придётся идти, здесь самое удобное место для наблюдения.

Большак свернул влево, в мелкий осинник. На пригорке раскинулось большое селение, с колокольней в центре.

Девушки медленно побрели вдоль посада. Ксения шла смело, уверенно, не обращая внимания на встречных.

– Кажется, здесь... – Ксения глядела на небольшую избу с высоким колодезным журавлём возле ворот. Вынула из кармана небольшое круглое зеркальце, посмотрелась, поправила на голове платок, волосы на лбу и снова спрятала его. Только потом Зина сообразила, что Ксения, не оборачиваясь, проверяла, не следит ли кто за ними сзади.

Ксения толкнула калитку. На небольшом крылечке остановилась, легонько постучала в дверь. В сенях раздались шаги, и слабый женский старческий голос спросил:

– Кто там?

– Лида дома?

Звякнул запор, дверь им открыла темноволосая женщина лет тридцати, в накинутом на плечи платке.

– Входите... – Она провела их в избу с потемневшей от старости широкой деревянной кроватью, голым столом, на котором стояли полуразбитые чашки, обгорелый чугунок и деревянная солонка. Возле кровати, на пружине, прикреплённой к матице, висела зыбка с грудным ребёнком.

Пытливо скользнув взглядом по Зине, хозяйка проговорила:

– А мы ждали вас раньше.

– Раньше не смогли, только сегодня, – отозвалась Ксения и устало присела на лавку и развернула свой узелок. Глядя на неё, Зина тоже развернула свой и вынула замаскированную в краюшке хлеба небольшую мину в пластиковой оболочке.

Немного отогревшись, партизанки собрались уходить.

– Возможно, в следующий раз приду не я, а она. – Ксения указала на Зину.

Простившись, они вышли из избы.

Теперь они свернули с дороги в небольшой лес.

Ксения предупредила:

– Это самая опасная – пограничная зона. Теперь нам язык не поможет, только глаза и уши.

Разведчицы осторожно крались лесом, не выходя на открытые места и избегая идти по полузанесённым позёмкой тропам. Только к утру они добрались в отряд.

Когда немного спустя Ксения доложила об их рейде командиру, тот спросил у Зины:

– Не боялась?

– Боялась, – призналась Зина.

– Значит, больше не пойдёшь в разведку?

– Пойду, – вспыхнула Зина.

– Сможет она выполнять задания? – спросил он у Ксении.

– Сможет, – твердо ответила Ксения и, обняв Зину добавила: – Со мной Ромашка вела себя молодцом...

На следующий день Зина встретила на улице с секретарём подпольного райкома комсомола – Наташей.

– Поздравляю, Зиночка! Поздравляю, моя милая! – Лицо у Наташи сияло. – С большой радостью!

– С какой? – широко раскрыв глаза, спросила Зина. И тут узнала об огромном успехе Красной армии под Ленинградом.

Наше наступление началось 12 января, а 18 января войска Волховского и Ленинградского фронтов уже соединились. Так была прорвана блокада Ленинграда.

Партизанский лагерь ликовал. Радостное известие о событиях под Ленинградом не осталось в стороне и от Гальки. Она примчалась к старшей сестре и отчеканила:

– Скоро поедем домой!

– Ку-уда?

– В Ленинград...

И тут же сестры принялись строить планы о возвращении в родной город.

– Поедем, конечно, поездом или на машине. Партизанский отряд даст нам отпуск. Напишут командировочное удостоверение, – обняв Гальку, мечтательно говорила Зина.

– И мне напишут?

– Конечно. Без увольнительного документа покидать отряд нельзя, иначе сочтут за дезертиров.

– А что про меня напишут?

– Напишут, что медицинская сестра Галина Портнова из партизанского госпиталя бригады имени Ленина командирована в Ленинград, чтобы повидать отца и мать. А затем она вернется обратно окончательно добивать гитлеровцев до полной нашей победы.

Глаза у Гальки сияли.

За зиму 1943 года Зине пришлось побывать во многих местах партизанского края. Вместе с другими партизанами участвовать в боях. Несколько раз ходить во вражеский тыл с заданиями командира. Но ни разу она не попала в Оболь. Просить командира послать её туда с заданием она не решалась. Наступала весна, а Зину томила полная неизвестность о судьбе родных.

Но вот однажды, уже в мае, Зину вызвали в штабную избу. Там находилась Валя Шашкова.

– Вы обе, кажется, из Оболи? – спросил командир.

– Да, из Оболи, – подтвердили девушки.

– Вот и хорошо! Завтра пойдёте встречать беженцев.

Откуда и каких беженцев предстояло встретить, командир не разъяснил. Самим же спрашивать не полагалось. Сердце Зины сжалось от волнения. А что, если придёт и бабушка с ребятами?

Когда Зина с Валею пришли на сторожевую заставу, два парня-партизана, тоже снаряжённые для встречи беженцев, спокойно лежали на лужайке, курили.

Девушки подсели к ним.

– Не знаете, каких беженцев будем встречать? – поинтересовалась Зина.

– Знаем, – отозвался один из них. – Быка, по кличке Тимошка, и двух его рогатых

подружек.

«Вот тоже зубоскал!» – обидевшись, сердито подумала Зина и отвернулась.

– Ведут, ведут наших беженцев, – дернул ее за рукав «зубоскал». – Пошли навстречу.

– Это что же, так много наших идёт? – удивилась Зина, услышав в мелколесье треск валежника и сучьев.

– Будьте осторожны! – весело предупредил один из партизан. – На всякий случай приготовьте оружие...

– Есть, приготовить оружие! – отозвалась Зина, не понимая, что его так развеселило.

Треск сучьев послышался совсем рядом, и перед Валею и Зиной показался огромный бык с широко расставленными крутыми рогами. Вели быка на веревках-поводках хорошо знакомые подпольщики – Добрыня и Ефим. За быком спокойно шагали две коровы, которых вели Маша Ушакова и Катя Зенькова.

– А-а, Ромашка! Моя радость, здравствуй! – размашисто протянул Зине руку, улыбаясь, Добрыня. И, верный своей привычке подтрунивать над Зиной, сказал: – Сплёл было тебе, моя ненаглядная, лапотки, загляденье, как шёлковые, да вот пришлось отдать этому рогатому черту. Еле обул его.

Только теперь Зина заметила на ногах быка круглые, как решето, лапти. На ноги коров тоже были надеты сплетенные из лыка лапти.

– Так мы заметаем следы, – пояснил Добрыня.

Встреча была короткой. Передав партизанам своё стадо, подпольщики спешили до темноты вернуться в Оболь. Все же Зина успела узнать от Маши и Кати, что бабушка жива, «братья-разбойники» живут у неё в деревне. А дядю Ваню сломила болезнь – он скончался.

На следующий день ничего не подозревавшая о новой Зининой глубокой печали Галька, забежав к ней, весело тараторила:

– У нас при госпитале теперь свои коровы есть... Партизаны пригнали из лесу. Знаешь какое вкусное молочко! Мне немного дают.

Глава четвертая

В партизанском крае готовились к наступательной операции. Решение партизан нанести особо ощутимый удар по гитлеровцам обуславливалось обстановкой на фронтах Великой Отечественной войны. Всеми силами, которые находились в распоряжении партизан, нужно было помочь Красной Армии в готовящемся генеральном сражении на Орловско-Курской дуге.

По заданию ЦК Компартии Белоруссия Республиканский штаб партизанского движения разработал план организованного общего наступления всех партизанских отрядов Белоруссии. Этот план предусматривал так называемую рельсовую войну под кодовым названием «Концерт». Дня за два до выступления командир отряда, в котором находилась Зина, собрал партизан на поляне рядом с опушкой леса. Все пришли в полном боевом вооружении.

Спокойно оглядев собравшихся, командир сказал:

– Выступаем через час. Предстоит сделать тридцатикилометровый бросок по занятой врагом территории к линии железной дороги. Ни в коем случае не обнаруживать себя, стараться не ввязываться ни в какую схватку с гитлеровцами или полицейскими. Обходить заставы стороной.

В путь тронулись повзводно. Партизаны тянулись гуськом по лесной тропе. Зина,

с автоматом на груди, со взрывчаткой в подсумке, шла в числе первых. В густых вечерних сумерках скрытно, не обнаруженные врагом, перешли границу партизанской зоны.

Они обходили стороной попадавшиеся на пути селения. Разговаривали шёпотом. Курить запрещалось. Часа через три отряд вышел из лесу, маскируясь в кустарнике. Дальше простиралась кочковатая луговина. Впереди за кустарником, на возвышенности, тускло поблескивали железнодорожные рельсы.

По шпалам прошёл парный патруль. Солдаты, в тяжёлых кованных ботинках, в коротких серых куртках, с автоматами на груди, шли спокойно, размеренным, уверенным шагом, не подозревая, что за ними со стороны уже следят десятки глаз. К немцам бесшумно метнулось несколько человек. Зина услышала сдавленный вскрик, и снова кругом воцарилась тишина.

По звеньям передали друг другу команду: «Подойти ближе!»

Ползком партизаны приблизились почти к самому полотну. Где-то вдали, на линии, отрывисто зарокотал пулемёт, залаяли сторожевые собаки, и сразу же, зашипев, взвилась в небо зелёная ракета – сигнал выступления.

Зина вместе с товарищами метнулась вперед, скатилась в кювет, поднялась. Перед глазами стальная колея... Вставив капсулю, заложила шашку под стык рельсов. По всей линии так же действовали остальные партизаны.

Словно откуда-то сверху Зина услышала голос командира взвода:

– Спокойно! Всё в порядке.

Не прошло и пяти минут, как сразу же в разных местах на полотне загремели взрывы. В небо взвилась теперь белая ракета – сигнал отхода.

... В эту ночь партизанами отряда, в котором находилась Зина, были подорваны рельсы на железнодорожном пути Полоцк – Витебск, на расстоянии двух километров. В лагерь вернулись без потерь.

А днём стало тревожно. По светлому, безоблачному небу с оглушительным рёвом рыскали вражеские самолёты... В отместку за проведение железнодорожной диверсии фашисты ожесточённо бомбили партизанские деревни.

Неожиданно Зина увидела в партизанском лагере всю семью Дементьевых. Встреча была радостной, трогательной. Зина бросилась к ним, обнимая, целуя.

– Ушли... – скорбно, со слезами на глазах жаловалась Анна Андреевна. Всю нашу семью хотели забрать. Спасибо Нине Азолиной, выручила, предупредила.

А через несколько дней к партизанам с разрешения подпольной комсомольской организации пришли Катя Зенькова, Иван Галошкин (Добрыня) и Ефим Лемнев. Всем им угрожал арест.

– Ну, теперь вас, юных мстителей, здесь целая колония, – сказала секретарь подпольного райкома комсомола Наташа.

Едва она собралась побеседовать со вновь прибывшими комсомольцами, как в штабную избу влетела разыскивающая Зину Галька:

– К нам самолёт прилетел! Наш! С красными звёздами!

Это было такое событие, которое не могло оставить спокойным ни одного партизана. Все побежали смотреть прилетевший с Большой земли самолет.

Он стоял на лесной поляне, прикрытый маскировочными сетями, ельником. Вокруг толпились партизаны. Сколько было радости! Самолёт привёз с Большой земли не только оружие, боеприпасы, медикаменты, потребность в которых была особенно большая, но и письма...

Вполне понятно, что сёстры Портновы не ждали письма. Их адрес на Большой земле не был известен. Но кто-то подсказал девочкам:

– Напишите и вы родным.

Сёстры сразу же побежали домой – ведь времени в обрез. Зина писала письмо, а Галька диктовала ей.

– Напиши, что я стала большая! – требовала она, подперев кулачками голову.

– Ладно, ладно... – соглашалась старшая сестра. – Не слушаешься ты только...

– Как не слушаюсь?! – изумилась Галя, широко раскрыв глаза, и от обиды даже покраснела. – Наговариваешь все на меня...

– Ладно, ладно, слушаешься. – Зина, боясь, что Галька разревётся, поспешила её успокоить: – Лучше давай прочту, что я написала.

«Здравствуйте, мамочка и папочка!

Мы живы и здоровы, чего и вам желаем. Мама, мы сейчас находимся в партизанском отряде, вместе со всеми бьём немецких фашистских оккупантов. Галочка тоже вместе со мной. Мамочка, пока писать много не буду, так как не знаю, получите ли эту записку. Как получите, так сейчас же напишите ответ.

С приветом!

Ваши дочери Зина и Галя.

27.8.43 г.»

– Видишь, и про тебя написала, и привет передала.

– Хорошо! – Глаза у Гали сияли от радости.

Зина сложила лист треугольником, старательно вывела: «Полевая почта 05400 – 17. Бригада имени Ленина, 3-й отряд» – и тяжело вздохнула: не верилось, что этот листок попадёт в руки родителей.

– Теперь будем ждать ответа, – погладила Зина сестру по щеке.

– А скоро? – допытывалась Галька.

Ей казалось, что раз письмо повезёт краснозвёздный самолет, он в тот же день опустится в Ленинграде. К самолёту подойдет почтальон с большой кожаной сумкой, заберёт письма. Затем поднимется на третий этаж дома по Балтийской улице. Навстречу выйдут одновременно отец и мать.

– Вам письмо от Зины и Гали, – скажет почтальон и протянет сложенное треугольником письмо.

Зина слушала наивный Галькин лепет и грустно качала головой. Неизвестно ещё, живы ли там родные?

Глава пятая

– Ромашка, ты в Оболи знаешь Нину Азолину? – спросил однажды Зину командир отряда, вызвав её в штаб.

– Знаю, товарищ командир! У нее подпольная кличка Василёк, – ответила Зина.

Сидевшие за столом переглянулись.

– Очень хорошо, – произнес командир. – Хочу послать тебя, Ромашка, со срочным заданием к юным мстителям в Оболь. Отнесёшь подпольщикам письмо. Как, сумеешь?

– Ваше задание будет выполнено! – чётко произнесла Зина, очень обрадовавшись: наконец-то она пойдет в Оболь!

– Пока можешь быть свободна, а через час заглянешь к нам... Задание весьма срочное, пойдёшь сегодня.

Когда Зина ушла, в избе возобновилось прерванное её приходом совещание.

– Почему ты решил послать именно ее? – спросил секретарь подпольного райкома партии.

– Да девчонка больно толковая... – задумчиво отозвался командир. – И потом немцы и полицейские на подростков все же меньше обращают внимания... Но ей придётся идти кружным путём. Прежний путь теперь опасен.

– А что, если не успеет предупредить?.. – озабоченно нахмурился комиссар.

Только что они через связного получили от своего человека сообщение, что Нине Азолиной грозит арест. Ни связной, передававший это сообщение, ни в партизанском штабе ещё не знали, что под угрозой ареста находится не одна Азолина, а вся подпольная организация.

Когда ровно через час Зина вернулась в штабную избу, она застала там только командира.

– Так вот, Васильку теперь угрожает опасность. Немцы подозревают, что она помогает партизанам. Нужно предупредить, чтобы она срочно уходила к нам. Как думаешь с ней связаться в Оболи?

– Думаю, мне лучше сначала зайти к Фрузе Зеньковой, – ответила Зина.

Командир задумался. Положение осложнилось тем, что, как он узнал от комиссара отряда, Фруза получила задание подпольного райкома партии на этих днях побывать в Полоцке. Уехала ли она, вернулась ли, благополучно ли прошла поездка – никто в партизанском отряде пока не знал.

– Вероятно, ты не сможешь встретиться с Фрузой, её может не оказаться дома.

Тогда, несмело переминаясь с ноги на ногу, Зина предложила:

– А может быть, вы мне разрешите зайти в Зую к бабушке? Василёк живет рядом, за изгородью. Я могу её сразу предупредить.

– А если не сможешь передать?

– Тогда я постараюсь встретиться с кем-либо из наших подпольщиков. Они все меня знают, и передам ваше сообщение на словах, а письмо оставлю в нашем старом тайнике. – И Зина рассказала про существовавший на усадьбе в дупле липы тайник.

– Дельное предложение... – согласился командир.

Он протянул Зине зашифрованную записку, которую она должна была, заучив на память, передать по назначению. Затем командир с ласковой теплотой посмотрел на Зину и пожал ей руку:

– Ну, желаю удачи! Сейчас пойдёшь к комиссару, он подробно объяснит тебе, как пройти в Оболь кружным путём: короткий теперь блокирован немцами. Будь, девочка, осторожна.

Зина смущенно смотрела на него, не решаясь что-то сказать.

– Ты хочешь о чём-то спросить меня?

И Зина осмелилась:

– Разрешите мне на обратном пути забрать моих двоюродных братьев. Они остались одни, без матери... – Говорила торопливо, горячо, с мольбой глядя на командира: – Бабушка старая-престарая. Ей трудно всех содержать. Если я мальчишек возьму с собой, то бабушке с одной Любочкой будет полегче.

– Ну что ж, выполнишь задание и приводи.

По пути на инструктаж Зина завернула к сестрёнке в госпиталь, предупредила, что уходит на задание, и, не стерпев, пообещала:

– Обратно, может быть, приду не одна. Приведу с собой Нестёрку и Лёньку.

– Вот хорошо-то! – просияла Галька.

Помочь Зине пройти через партизанскую зону вызвались старик партизан и Добрыня. Время уже приближалось к полуночи, когда они миновали два последних дозорных поста.

Небо завесили густые, кучевые облака, предвещавшие дождливую погоду. На обрывистом берегу Западной Двины остановились. Здесь предстояло расстаться с провожатыми.

Добрыня, поцеловав Зину в щёку, шепнул на прощание:

– Возвращайся быстрее. Буду ждать тебя.

Зина осталась одна. В кустах разделась, связала своё белье. Держа узел над головой, осторожно вошла в воду и, тихонько гребя свободной рукой, поплыла. Хорошо плавать она научилась ещё в Ленинграде, поэтому довольно легко преодолела реку. Ползком по песчаной отмели пробралась к кустарнику. И, стараясь неосторожным шорохом не выдать себя, оделась.

Она кралась зарослями ольшаника, уходя все дальше от опасного берега реки. И вдруг совсем близко услышала голоса. Очевидно, полицаи. Счастье, что она не нарвалась на них. Зина опустилась на землю и поползла в сторону.

Кончилось мелколесье. Впереди темнело покрытое росой обширное поле. На ощупь Зина определила – рожь, с тяжёлыми, набухшими от влаги колосьями. Значит, вышла удачно, – точно, как её инструктировали накануне.

Теперь никуда не сворачивать, идти прямо.

В мокром ржаном поле её не было видно. Но позади оставался заметный след, по которому её могли легко обнаружить даже теперь, в темноте. И всё же в густой ржи идти было не так страшно. Она вышла к проезжей дороге. Остановилась, пригляделась, наконец решившись, перебежала её и замерла, услышав немецкое: «Хальт!» Значит, патруль наткнулся на ее след!

Прозвучал выстрел, и тут же длинная автоматная очередь полоснула, казалось, совсем над головой.

«Заметили!..» – ужаснулась Зина. Стрельба так же внезапно прекратилась. Где, пригнувшись, бегом, где ползком – Зина уходила всё дальше и дальше от опасного места. Поле кончилось. Спасительный, как ей казалось, кустарник вырос перед глазами. Продираясь сквозь цепкий можжевельник, она то и дело проваливалась в густую, липкую жижу... «Болото, – вспоминала она слова инструктировавшего её комиссара, – гиблая трясина! Не входите, пробираться стороной!» Но теперь предостережение утратило свой смысл. Только болото могло спасти от преследования.

Она уже с трудом вытаскивала отяжелевшие ноги из торфянистой гущи и, хватаясь за ветки кустарника, выбиралась на кочки.

Совершенно неожиданно – так, что замерло сердце, – загрохотало небо и расколосось пополам, огненная стрела прорезала чёрные облака. И в свете молнии Зина совсем рядом увидела заросли ельника. Значит, она шла по краю болота. За ельником начинался высокий хвойный лес. Вокруг, как орудийная стрельба, гремели раскаты грома, и огненно-красные молнии разрезали небо в черных провалах.

... Серый утренний рассвет застал Зину уже далеко от Западной Двины. Она перемотала мокрые, сбившиеся онучи, чувствуя, что сильно натёрла ноги. Влажная юбка прилипла к телу. Зине было холодно, её знобило.

Заросшая высокой травой сеча сменилась листовенным мелколесьем, а за ним открывалась широкая равнина. По всем признакам, здесь недавно существовала деревня: колодец возле дороги, среди лопухов и высокой травы – развалины

обгорелых бревен, кучи щебня.

Встретилась одичавшая, с облезлой шерстью и большими зелёными глазами, серая кошка. Зина уловила запах свежего дымка. Из небольшого бугорка торчал обломок чугунной трубы. Значит, жилая землянка.

Зина колебалась: уходить или подождать? И пока она размышляла, из землянки вылезла седая, с суровым лицом, женщина в рваном чёрном, заношенном платье. Она тащила за собой на веревке козочку.

– Как ваше селение называется? – спросила Зина, подойдя ближе.

– Было селение, да сплыло. Одна я теперь здесь живу. – Голос пожилой женщины звучал надтреснуто. – Сожгли немцы всю деревню, а людей угнали ещё в прошлом году.

И тут Зина заметила приближающихся по проселку немцев с пилами в руках. Их было человек пять... очевидно, сапёры. Бежать в лес было поздно.

Зина выхватила из рук женщины верёвку с козой.

– Я сама... Только молчите... – умоляюще прошептала Зина и пошла навстречу немцам, потащив за собой упиравшуюся козу. Ещё секунда понадобилась Зине, чтобы, низко нагнувшись, вытащить из-за пазухи носовой платок с запиской командира и сунуть его в густые лопухи. – Пошли, пошли, моя милая! – громко уговаривала она козу.

Немцы прошли мимо, не обратив внимания на Зину. Она едва успела перевести дух, как на дороге снова показались солдаты – другая партия. Женщина испуганно затряслась:

– Иди скорей в землянку...

Зина, подхватив свой узелок, быстро спустилась по земляным ступенькам. Оказавшись в сыром, темном помещении, обшитом изнутри досками, Зина огляделась.

Застланная серой дерюгой койка, маленькая рубка с трубой и с чугуном на конфорке, а под крошечным застекленным окошком – ящик, служивший, видимо, столом. Зине сначала показалось, что в низкой, мрачной землянке никого нет. Но, привыкнув к сумраку, она заметила в углу смуглую большеглазую девочку лет пяти.

– Ты кто? – подала голос девочка.

– Беженка, – ответила Зина.

– А я – Юлька, – сообщила девочка, доверчиво глядя на Зину.

Опираясь тонкими ручонками на самодельный костылёк, Юлька боком вылезла из своего угла. Одной ножки у неё не было. Из-под короткого ветхого серого сарафанчика высовывалась сине-багровая культа.

– Осколком мины у нее ножку оторвало, – пояснила, спускаясь вниз, хозяйка землянки. – Мать немцы застрелили, а её осколком...

Девочка пытливо глядела на Зину. Её большие глаза в ореоле тёмных ресниц смотрели диковато.

– Так вот и живём вдвоём с Юлькой, – сказала женщина, наливая в консервную банку молока и ставя на ящик глиняную плошку со спелой лесной малиной. – Ешьте, – предложила она Юльке и Зине. – Козочка у меня доится. Сама дивлюсь, как это немцы её не отобрали!

Выпив необыкновенно вкусного козьего молока со спелой малиной, Зина поблагодарила хозяйку и отдала часть своего хлеба из узелка Юльке.

Кажется, теперь, когда опасность миновала, можно было уходить. Хозяйка, осторожно выглянув из землянки, внимательно осмотрелась вокруг и неожиданно

сказала:

– Не забудь, возьми, что спрятала в лопухах.

Зина невольно вздрогнула. Значит, женщина все заметила...

Сердечно поблагодарив и распрощавшись с Юлькой, Зина двинулась в путь. Она прошла километра два.

В глухом, заваленном буреломом лесу часто попадались ржавые консервные банки, винтовки с разбитыми прикладами, солдатские каски, пустые поломанные ящики из-под снарядов. Вокруг было столько малины и грибов, словно сюда никто не захаживал. Зина не сразу сообразила, что идёт по заминированному лесу. Круто свернув в сторону, она прошла заросшую орешником вырубку и оказалась перед большим полем.

Время близилось к полудню. На поле работали люди. По проселочной дороге пылила машина, за ней – другая... Пробираться по закрайкам стало опаснее, чем идти открыто по дороге. Где-то совсем рядом загудел паровоз. До Оболи оставалось совсем немного. Она увидела новую наблюдательную вышку с часовым на косогоре, где весь кустарник был, видно, недавно вырублен. Зина немного отдохнула, соображая, как безопаснее пробраться в деревню. По знакомой тропинке пересекла поле желтеющей пшеницы. Все ближе и ближе она подходила к деревне.

Вот и усадьба бабушки. Легко проскользнув под слагами изгороди, она прокралась к старой липе. Положила записку в дупло и легла между грядками картофеля, обратив внимание, как, словно хлопья сажи, с тревожным криком кружились над усадьбой испуганные галки.

«Чего это они так раскричались?» – едва успела подумать Зина и тут же услышала шум и немецкую речь. Немного приподняв голову, выглянула и замерла. В закоулке между избами урчала грузовая машина, а из дома Азолиных полицаи выводили родных Нины и заталкивали в грузовик. Двое эсэсовцев отдавали приказания.

«Опоздала!» – со страхом подумала Зина. Остановившимися от ужаса глазами она следила, как полицаи выводили теперь ее бабушку. Бабушка семенила, согнувшись, на ходу повязывая платок. Из избы выбежала маленькая шустрая Любаша в коротком ситцевом платье.

– Бабуля! Бабуля! Куда же ты? Возьми и меня!

Машина, затарахтев, тронулась с места и, все ускоряя ход, покатила в сторону Оболи.

Из закоулка выскочил в рваной ковбойке какой-то парнишка. «Нестёрка!..» – не сразу узнала его Зина.

Нестёрка поднял с земли громко рыдавшую Любашу и понес на руках домой, громко уговаривая:

– Не плачь! Не плачь! Успокойся!..

Через несколько минут Зина прокралась в избу.

– Зина! – в один голос изумленно произнесли ребята, не веря своим глазам, и бросились к ней.

А Нестёрка, плача, стал рассказывать:

– Бабушку полицаи забрали. Всех Азолиных и Слышенковых тоже забрали и увезли в Оболь.

– Я всё видела... Скорее собирайтесь? – Зина заметалась по избе, поспешно хватая на ходу, что попадало под руку из одежды. И спохватилась: – А Лёнька где? Мы

сейчас уйдем.

– Не знаю, – испуганно сказал Нестёрка. – Он с утра куда-то исчез.

– Где же он?.. Где?.. – плачущим голосом спрашивала Зина, не зная, что делать.

Нестёрка сбегал на улицу, но Лёньку не обнаружил.

– Надо уходить, – не без колебания решила Зина. – Полицаи могут с минуты на минуту снова нагрянуть в избу, и тогда всем нам – крышка.

Втроем, крадучись, они стали пробираться к лесу. А на бабушкиной кровати в избе осталась лежать поспешно написанная Нестеркой записка: «Лёнька! Мы ушли с Зиной и Любочкой в лес. Бабушку немцы забрали».

Добравшись до леса, ребята прилегли в кустах. Сил идти у Зины уже не было. Да и теплилась слабая надежда, что Лёнька их догонит. Они ждали довольно долго, но Лёнька не пришёл. Им предстоял длинный, утомительный путь по лесным тропам. Выходить на дорогу, показываться на глаза людям Зина с ребятами уже не решалась. Так они – где лесом, где опушкой, где оврагом брели долго. Недалеко от пограничной зоны решили немного отдохнуть и подкрепиться перед опасным участком пути. Зина развязала свой узелок. Там ещё оставались кусок хлеба и несколько огурцов. Разделила на всех.

На лесной лужайке было тихо, спокойно. Краснели среди высокой травы крупные спелые ягоды земляники, которые, ползая на коленях, принялась собирать Любочка. Где-то в стороне негромко постукивал дятел, кружились в воздухе разноцветные мотыльки...

Зина лежала на траве, мучительно размышляя о том, что произошло в деревне. И вдруг рядом зашевелился можжевельник. Зина испуганно вскочила.

– Это же собака, – успокоил Зину тоже насторожившийся было Нестёрка.

Из кустарника выглянула небольшая рыжая морда, а затем показалась и вся собака. Она глядела на ребят большими влажными глазами и слегка виляла хвостом.

– Есть хочешь, пёсик-барбосик? – Зина отломала от хлеба корочку.

Собака, осмелившись, приблизилась, с жадностью проглотила хлеб и снова глядела на Зину, виляя хвостом.

– Больше ничего нет, – развела руки Зина. – Ну-у, до свидания, рыжий песик! Как тебя зовут? Лисичка?

Она и в самом деле была похожа на лисичку, эта собака, – пушистый хвост, острая мордочка, уши торчком.

Ребята снова отправились в путь. Нестёрка нес Любочку на закорках.

Собака плелась за ними.

– Не ходи! – тихонько приказала Зина, взмахнув рукой и даже топнув.

Собака отбежала в сторону. Пройдя немного, Зина оглянулась – собака как ни в чем не бывало трусила за ними. Шуметь, отгонять ее Зина не решилась.

– Что делать? – растерялась Зина. – Вдруг она залает? Выдаст нас!

Нестёрка молчал. Ему так же, как и Зине, было жаль собаку. Идёт за ними... Хочет спастись. Очевидно, бездомная, бесприютная. Может быть, немцы расстреляли или сожгли хозяев, а Лисичка уцелела.

Вскоре случилось то, чего они опасались. Собака, залаяв, выдала их... Двое полицейских из сторожевой заставы задержали ребят.

– Кто такие?.. Куда идёте?.. Почему лесом, а не по дороге?..

Любочку держал за руку Нестёрка, а Зина отвечала, пытаясь разжалобить полицейских, что родители у ней погибли, идёт издалека с братишкой и сестрёнкой в

деревню, к родным. Зина наугад назвала деревню, находившуюся, как она знала, на партизанской территории.

– Отпустите... – хныкал Нестёрка, помогая сестре.

– А не врётё? – подозрительно взглянул на них полицейский, злой и нахмуренный.

Но другой небрежно отмахнулся:

– Пускай идут... Не тащиться же с ними в гарнизон.

На всякий случай обыскав ребят, они отпустили их.

Зина взяла на руки Любочку, и ребята поплелись дальше.

В сумерках они благополучно переправились на противоположный берег и уже утром, измученные и усталые, предстали перед Аграфеной Кузьминичной, хозяйкой избы, вместе с Лисичкой. Зина сразу же побежала к командиру, рассказала, что происходит в Оболи.

– Я уже знаю... – печально отозвался он. – Опоздали мы...

Через несколько дней два партизана привели к Зине в избу оборванного, босоногого долговязого парнишку. Это был Лёнька. Судьба бабушки оставалась неизвестной.

Глава шестая

Двадцать восьмого августа 1943 года гестапо в Оболи провело массовую карательную операцию. Подготовка к разгрому молодёжной подпольной организации велась гитлеровцами чрезвычайно секретно.

Первой, как только явилась на работу в комендатуру, была арестована Нина Азолина. В это же время наряды полиции и гитлеровцев появились в других местах Оболи, Зуе, Ушалах, Мостище и в окрестных селениях.

Володю Езовитова взяли дома. Евгений Езовитов, предупрежденный старшим братом, попытался скрыться, но по дороге был схвачен гитлеровцами. Федя Слышенок, когда на усадьбе появились полицейские, выстрелом из нагана ранил одного, но сам был схвачен.

Вслед за арестованными на машинах в гестапо стали отвозить и их родственников. Всего в этот день было арестовано шестьдесят восемь человек.

На столбах и заборах станционного поселка появились расклеенные объявления, гласившие, что «обезврежена большая группа советских бандитов».

Фрузы Зеньковой в это время не было дома. Она и прежде уже несколько раз ездила в Полоцк по заданию подпольного райкома партии. Ездила под предлогом обмена продуктов на необходимые семье вещи. Боевая, бойкая, речистая, девятнадцатилетняя Фруза, умевшая не только толково поговорить, но и с обаятельной улыбкой пошутить, обладала помимо личной храбрости также умением вести торговые операции.

Только у нее одной из подпольщиков имелся пропуск на право поездки по железной дороге. Был у нее и аусвайс, тоже выданный ей по делам общины.

В Полоцке Фруза бывала и до войны. Но при оккупантах город стал неузнаваем. Полуразрушенный вокзал, всюду разбитые снарядами постройки. Не было ни трамваев, ни автобусов. Самые лучшие уцелевшие дома заняты немцами. На здании, где раньше был кинотеатр, надпись: «Только для граждан германского рейха». На городской площади, среди разрушенных строений, висели на телеграфных столбах два трупа: парень и девушка. «А это для нас, белорусов», – с горечью подумала Фруза.

Сразу же за площадью её остановил патруль. Сердце ёкнуло. Фруза вынула свой

аусвайс и пропуск. Патруль, проверив документы, даже откозырял ей и удалился. Фруза прошла по главной улице через весь город и выбралась на окраину.

Вот и знакомый одноэтажный с почерневшей драночной крышей домишко с двумя окнами. Прошла по улице дальше – не следят ли? Вернулась. Негромко постучала в калитку. Дверь открыла худощавая седая женщина, и, хотя они уже знали друг друга, Фруза назвала пароль. Ей ответили... И она облегченно вздохнула: можно входить.

Немного спустя Фруза вышла из дома на улицу. Внимательно осмотрелась по сторонам. Улица безлюдная... Вокруг – руины, пепелища... заросшая травой мостовая.

Главное сделано, от основной ноши в корзине она избавилась, теперь можно и на базар.

... На базарной площади шла бойкая торговля. Все были покупатели и все продавцы. На хлеб обменивали разные вещи, махорку, мыло, самогонку, соль. Только и было слышно: «Меняю...» Фруза тоже теперь меняла захваченные с собой продукты на соль и кремни для зажигалок, в которых особенно нуждались партизаны.

Чтобы не вызвать подозрений, она старалась яростно торговаться. Ей удалось обменять кусок свинины на отрез ситца, а потом этот ситец опять сменить уже на соль.

В этот день она не смогла вернуться в Оболь. Поезд на Витебск уже ушёл. Фруза переночевала у подпольщиков и на следующий день, забрав с собой запалы для мин, ушла на вокзал. В Оболи на станции её должен был встретить Аркадий Барбашов и забрать эти запалы.

Аркадий Барбашов пришёл в посёлок Оболь, не подозревая, что в комендатуре гестапо имеется приказ о его аресте, что полицейские уже поехали в деревню Ферма, где он жил.

Самое удивительное было то, что, явившись в посёлок, он спокойно ходил по улицам мимо гитлеровцев, коротая время до прихода поезда из Полоцка, который, как обычно, запаздывал. И никто на него не обратил внимания.

День стоял солнечный, жаркий, но небо наливалось густой синевой, обещающей грозу. Аркадий спустился к реке, выкупался в залег в кустарнике рядом с дорогой.

Мимо проезжали машины, подводы... проходили пешеходы. Все было обычным. Но тут впереди запылел грузовик. Рядом с шофером сидел эсэсовец. Немного приподнявшись, Аркадий увидел в кузове Зину Лузгину и её родственников под охраной полицейских. Сразу же показался другой грузовик. Там в кузове в окружения полицейских находились Евгений и Володя. Аркадий сразу понял, что ребята арестованы и везут их в Оболь.

И в это время на линии со стороны Полоцка загрохотал поезд. Растерявшись, Аркадий не знал, что делать. Он выбрался на дорогу, но тут же вернулся. Идти на станцию не имело смысла – там он будет на виду. Если Фрузу не схватили, она пройдет здесь.

... Фруза в это время спокойно сошла с поезда. Она очень устала от поездки, от нервного напряжения и, видимо, поэтому не обратила внимания на усиленный наряд полицейских на перегоне.

На площади стоял грузовик кирпичного завода со знакомым ей шофером. Пассажиры уже забирались через борта в кузов машины. Фруза, спросив у водителя, куда он едет, тоже полезла в кузов, устроившись на борту.

Старенький, ветхий грузовик тронулся с места и, поскрипывая, подпрыгивая на ухабах, покотился по дороге. Быстро миновав посёлок, проехали мост. И тут Фруза

увидела Аркадия. Он стоял на обочине. Фруза махнула ему рукой, давая понять, что все в порядке, что она заметила его. И вдруг случилось непонятное, запрещённое правилами конспирации: Аркадий сорвался с места, подбежал к грузовику, и она услышала:

– Слезай!.. Слезай, тебе говорю!.. Скорее слезай!

Аркадий бежал рядом, хватаясь за борт.

Крикнув водителю, чтобы тот остановил машину, Фруза, схватив свои вещи, спрыгнула. К ней подскочил взволнованный, запыхавшийся Аркадий. На нем не было лица.

– наших забрали... Не ездите домой... – сказал он торопливо, на ходу принимая у нее вещи, и оба бросились к ближайшему лесу.

Не понимая толком, что же произошло, но не менее напуганная, чем Аркадий, Фруза сразу никак не могла сообразить, что теперь делать.

Остановились на опушке. Немного отдышавшись, стали совещаться.

– Тебе опасно идти домой, – стоял на своём Аркадий. – Я же своими глазами видел, наших ребят повезли... Нужно немедленно уходить.

Фруза колебалась. Как же она может уйти, не узнав, в чем дело, не предупредив ребят. И, подумав, она решила дойти лесом до Ушал, пробраться к себе в избу и через своих домашних попытаться что-либо выяснить. Договорились, что Аркадий будет дожидаться ее в лесу, у сторожевой вышки.

Фруза налегке, без вещей, напрямик через лесное болото помчалась к себе в деревню.

Когда показались впереди постройки, пошла медленным шагом, с трудом переводя дух. Пот катился с нее градом. Оврагом пробралась к своей усадьбе. Вот краснеет знакомая рябина на усадьбе. Развесистый тополь в пуху. Фруза перелезла через плетень и увидела отца.

Заметив дочь, Савелий Михайлович бросился к ней. Бледное лицо его было перекошено, губы тряслись.

– Уходи скорее! За тобой уже полицаи приходили! Они в деревне... Я тебя здесь уже давно поджидаю... Мы с матерью тоже уйдем!

Отец побежал в избу, и через минуту оттуда на усадьбу выскочила мать, подбежала к Фрузе:

– Кровинушка ты моя... За тобой приходили!

Лицо матери было в слезах, она ещё что-то говорила, причитая, но Фруза резко остановила ее.

– Возьмите с отцом что-нибудь самое необходимое и быстро сюда... Уйдем в лес.

Фруза осталась ждать их у тополя. Прошло несколько минут, они показались Фрузе вечностью. Наконец на огороде появился отец с узелком в руках, за ним семенила мать, тоже с узлом... Но, очевидно про что-то вспомнив, бросила узел на землю, метнулась обратно в избу.

– Скорее! Скорее! – мысленно торопила Фруза. И тут заметила за изгородью на дороге солдат, полицейских. Они шли к избе.

– Скорее, скорее... – шептала Фруза.

Вот мелькнуло белое платье матери. Она уже спускается с крыльца с узелком в руках...

– Стой!.. Куда?.. – раздался резкий окрик.

Перемахнув через изгородь, полицейский догнал мать, схватил за руку и повёл

обратно в избу.

Фруза с отцом, видя, что дольше оставаться невозможно, спустились в овраг и закрайками торопливо побежали к лесу.

Фруза с отцом и Аркадий пришли к партизанам раньше, чем явились туда Зина с ребятами. Не ожидавшая встречи Зина кинулась к Фрузе:

– Таня... Что происходит в Оболи? Ты знаешь?.. – и заплакала.

Но Фруза и сама знала не больше Ромашки. Обычно румяное лицо Фрузы теперь осунулось, потемнело, глаза опухли от слёз. Её угнетала не только судьба подполья, но и своё личное горе – неизвестность о судьбе матери.

События в Оболи очень встревожили партизанское командование. Не было сомнений – аресты подпольщиков не случайность. Об этом шёл разговор на совещании, где помимо уцелевших юных мстителей находились и секретари подпольных райкомов партии и комсомола.

– Твое мнение? – обратился к Фрузе командир. – Почему так внезапно начались аресты? Были ли до этого какие-либо признаки, что гестапо догадывается о существовании подполья?

– Таких признаков никто из нас не замечал. Все надежды были на Василька – думали, она внесёт ясность, но, оказывается, и её тоже забрали... – Голос Фрузы сорвался от волнения.

– Просуществовали вы довольно долго. Шестьсот десять дней боролись с гитлеровцами, активно нам помогали, – сказал секретарь райкома. – В конце концов, гестапо могло и само догадаться о подполье. Там сидят не дураки. Ни одна из подпольных групп у нас так долго не продержалась, как ваша. Шестьсот десять дней!.. – снова повторил секретарь. – Конечно, большую роль тут играла помощь Нины Азолиной. Но и вы все действовали смело и, пожалуй, слишком рискованно.

– Мы и теперь будем действовать! – подал реплику Илья, недавно чудом спасшийся после диверсии.

– Разрешите мне вернуться в Оболь? – обратилась к командованию Фруза. Я все на месте узнаю...

– Нет, не разрешаю. Кстати, пойти в Оболь просились и Аркадий с Ильёй. Но теперь, когда полиция и гестапо разыскивают вас, было бы неразумно появляться в Оболи, – сказал командир отряда в конце заседания.

Оставшись одни, ребята долго не расходились. Вопрос секретаря райкома о причинах ареста подпольщиков заставил каждого задуматься. Кто-то снова высказал мысль о предательстве. Но Фруза отвергла её.

– В предательство я не верю, – сказала она, волнуясь. – Не было в рядах юных мстителей предателей.

– Просто раньше все наши диверсии приписывали «людям из леса», – подала голос Надя Дементьева. – Но когда мы по их прямому указанию почти в одно и то же время взорвали водокачку, электростанцию, подорвали воинский эшелон в пути, вывели из строя машины на торфяном и кирпичном заводах, подожгли лен на складе... гестаповцы, очевидно, не поверили, что везде действуют «люди из леса». Они поняли, что в Оболи существует подпольная организация... Начали выслеживать...

– Я согласна с нею, – поддержала Надину версию секретарь райкома Наташа. – Ходят слухи, весьма разноречивые и безрадостные. Фашисты арестовывают в Оболи и окружающих деревнях очень многих, главным образом молодёжь, подростков. И уже стали отсеивать арестованных, оставляя тех, против кого уже имелись какие-то

подозрения... Полиция разыскивает теперь зрелых людей, которые, по мнению гестапо, руководили на месте подпольем и были связаны как с партизанами, так и с фронтовой разведкой.

Особое внимание гитлеровцы обратили на сарай усадьбы Хребтенко. Там на воротах нарисован чёрт. Они, видимо, думают, что по этому знаку связные партизан и фронтовой разведки легко разыскивали дом подпольщиков.

Теперь, когда на партизанской территории были двоюродные братья и сестрёнка Любочка, Зина терзалась душой о бабушке. Особенно тоскливо ей бывало по вечерам, в полутемной избушке едва тлела коптилка. Огонёк метался из стороны в сторону, причудливые тени плясали по бревенчатой стене. И казалось Зине, что на лавке сидит бабушка, Ефросинья Ивановна, за широким старинным пластичным гребнем и расчёсывает льняную кудель.

– Бабушка!.. Милая, дорогая, где ты теперь?.. Что с тобой? – шептала Зина, уткнувшись лицом в подушку, обливаясь слезами.

А вскоре свалилась новая беда: выяснилась, наконец, судьба долго не возвращавшихся из разведки Ксении и Насти. Партизаны нашли трупы Ксении и Насти вблизи своей зоны. Девушки нарвались на полицейскую заставу и были расстреляны.

Со слезами на глазах стояла Зина на кладбище возле свежей могилы. В сознании никак не укладывалось, что этих девушек, ставших за короткое время ей такими близкими, уже нет в живых. Зина собрала на опушке ромашек, васильков и поставила в жестяной банке на могилу. Глядя на васильки, невольно вспомнила Нину Азолину. «Бедная, каково ей теперь там, в тюрьме? А может, ее тоже нет в живых?..»

Как всегда, в тяжёлые минуты ее потянуло к самому родному человечку. И Зина решила заглянуть в госпиталь. Остановилась в сенях. В раскрытую дверь донёсся тоненький, звонкий голосок Гальки:

– Хотите, я вам песенку спою?

– Спой, Галочка, спой, – отозвались раненые.

В своём белом халатике, без платка, рассыпав по плечам кудряшки, Галя стояла в проходе и пела песню про юного барабанщика.

Когда Галя пропела последние слова песни:

Погиб наш юный барабанщик,

Но песня о нем не умрёт!

Какое-то гнетущее, тяжёлое предчувствие охватило Зину, и её сознание пронзила не по-детски скорбная мысль: «Галочка, моя дорогая! Если ты выживешь и станешь большой, никогда не забывай того, что мы с тобой испытали...»

Глава седьмая

До самой осени в партизанском отряде была неизвестна судьба арестованных юных мстителей.

И вот однажды октябрьским утром отряд собрали в полном составе на опушке леса, возле деревни. Зина, одевшись по-походному, с автоматом на груди, стояла в одной шеренге рядом с Машей и Надей Дементьевыми, рядом с Ильёй, Аркадием и Фрузой.

«Будут зачитывать приказ!» – поняли партизаны, когда перед шеренгой вышли и остановились командир и комиссар отряда.

День был солнечный, по-летнему тёплый. На опушке желтели берёзы и клёны. Пестрела луговина, осыпанная опавшей листвой. Сверкала на ветвях кустарника,

смоченных недавним дождём, узорчатая паутина.

– Товарищи! – обратился к партизанам комиссар. – На днях в местечке Боровуха-2 под Полоцком гитлеровцы расстреляли наших партизан, выполнявших диверсионную работу в подполье. Расстреляли участников комсомольской организации «Юные мстители». Вы должны знать их имена... Комиссар читал приказ медленно, непривычно глухим голосом, делая большие паузы после каждой фамилии:

– Азолина Нина... Алексеев Николай... Езовитов Владимир... Езовитов Евгений... Лузгина Зинаида... Софончик Зоя... Слышенков Федор... Хребтенко Дмитрий... Хребтенко Мария...

– Мы пока знаем ещё не все имена, – каким-то чужим голосом продолжал командир, – но нам известно, что погибшие держались в фашистском застенке стойко. Никто из них не выдал своих товарищей, не оговорил других. Особенно трудно было Нине Азолиной и Володе Езовитову. Их пытали больше всех... Арестованы матери и отцы, братья и сестры юных мстителей. Может, к списку расстрелянных прибавятся ещё новые имена...

Скорбным молчанием, сняв шапки, склонив головы, партизаны почтили память своих погибших товарищей. Долго не расходились.

– Давайте ещё постоим! – предложила своим друзьям Фруза.

На опушке леса возле молоденьких берёзок стояли Зина, Илья, Аркадий и другие юные мстители... Словно снова собрались они на свою подпольную сходку. Из тридцати восьми осталось их совсем немного. Общее горе ещё более породнило, сблизило ребят. Вспомнили, что из Нины могла бы получиться талантливая актриса. На школьных спектаклях она выделялась... Что Володя умел очень хорошо играть в шахматы... Что лучше всех плясала «цыганочку» Маша Хребтенко. Что Зоя Софончик обладала талантом певицы, особенно хорошо она пела народные песни...

Слёзы стояли на глазах девушек.

– Давайте лучше думать, как мы отомстим за них!.. – прервал тяжёлое молчание Илья.

Его поддержали Аркадий, Добрыня:

– Надо доказать фашистским гадам, что организация действует.

Вечером того же дня секретарь подпольного райкома комсомола собрала всех оставшихся обольцев.

– Мы посовещались и решили вашу подпольную комсомольскую организацию «Юные мстители» считать действующей, – сообщила она. – По-прежнему считаем секретарем вашу Таню.

Посыпались предложения, как восстановить подполье в Оболи. Илья предлагал отправиться в Оболь и привлечь там в организацию новых подпольщиков.

– У нас же многие были подготовлены, – напомнил и Аркадий. – Некоторые ребята сами догадывались о нашем существовании.

– Вот и плохо, что они догадывались, – остановила его Наташа. – В Оболь сейчас идти нельзя. У вас и здесь есть неотложные комсомольские дела. В первую очередь обсудите, за счёт кого должна расти ваша организация здесь. Она обвела всех глазами и остановилась на Зине: – Почему у вас до сих пор Ромашка не в комсомоле?

Вопрос этот всех застал врасплох.

Зина заметно смутилась.

– Как не в комсомоле?.. – изумился Аркадий. – Но мы же её выбрали в комитет.

– Она не подавала заявления, – попыталась оправдаться Фруза.

– А вы с ней в Оболи разговаривали, советовали подать заявление?

– Нет... – чистосердечно призналась Фруза. – У нас в пионерах всё ещё ходит и Белка. Ей тоже пора вступать в комсомол.

– Вот видите, выходит, комсомольской организации есть чем заняться? – И Наташа посоветовала на прощание: – Не медлите с приемом!

Был поздний вечер, хмурый, сырой... Зина, накинув на плечи ватник, сидела в избе за непокрытым столом. Маленькая, из сплющенного винтовочного патрона коптилка освещала её задумчивое, повзрослевшее за последнее время лицо. Перед ней – лист бумаги из ученической тетради, пузырьёк с чернилами. Что она напишет в заявлении? Рекомендацию ей дают секретарь подпольного райкома комсомола и Маша Дементьева. Фруза должна написать на нее характеристику. Кажется, так просто: «Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола!» И в то же время так трудно что-то сказать дальше! Написанное должно идти от души, от сердца. Она должна дать клятву всей своей дальнейшей жизнью, своей боевой деятельностью в партизанском отряде оправдать звание комсомольца. А если и придётся погибнуть, то она уйдёт из жизни так же смело и гордо, с презрением к врагам своей Родины, как ушли из жизни многие её друзья.

Ровным разборчивым почерком Зина пишет:

Заявление

о приеме в члены ВЛКСМ

октябрь 1943 г.

Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола. Я хочу громить врага членом комсомола, беспощадно мстить врагу за издевательства над нашим народом, за разрушенные города и сёла. Буду бороться до последних сил, не жалея крови. Я не боюсь отдать жизнь за свою любимую Родину. А если придётся погибнуть, я уйду из жизни верной дочерью народа».

Недели через две в штабной избе состоялось комсомольское собрание. Когда Зина вошла, за большим столом на лавках, стоявших вдоль стен, уже сидели партизаны-комсомольцы. Из своих она увидела Фрузу, Илью, Аркадия, Катю Лузгину, Орлика...

– Садись рядом, – пригласила Зину Орлик, подвигаясь и освобождая место.

Зина обрадовалась: со своими легче, не так волнуешься.

Все время разговаривала-скрипела входная дверь – народ всё прибывал. Наконец пришла секретарь подпольного райкома комсомола Наташа, и собрание открыли. Она выступила первой с небольшой информацией. Рассказала, какое теперь положение на фронтах Великой Отечественной войны. Сведения были приятные. Особенно сообщение о действиях ближайшего к партизанам 1-го Прибалтийского фронта. К большой радости Зины, упомянула Наташа и о положении на фронтах под Ленинградом. После того как там прорвали блокаду, положение там стабилизировалось.

Перешли к заявлению Зины.

Она кратко рассказала о себе.

Кто-то из девушек спросил, была ли Зина на выборных должностях.

– Старостой в классе, – ответила Зина, недоумевая, о каких ещё выборных должностях может идти речь. И тут вспомнила – о самом-то важном она и позабыта сказать. – В Оболи в подпольной комсомольской организации была членом комитета.

Вопросов больше не задавали. Многие в отряде уже хорошо знали Зину.

Выступили рекомендующие... проголосовали. И Зина полной грудью радостно

вздохнула. Она – комсомолка!

После собрания радостная Зина побежала к Гальке в госпиталь. Там было шумно – привезли новых раненых. Галька была уже на ногах. В своём белом халатике и в белом платочке на рыжеватой кудлатой голове, заметно вытянувшаяся за последний год, Галька показалась Зине очень повзрослевшей. Зина сообщила сестрёнке, что стала комсомолкой.

– Меня тоже скоро примут, – отозвалась Галька, спокойно восприняв сообщение сестры.

– Куда?

– В пионеры... Мне врач сказал, что всех, кто усердно работает в госпитале, будут награждать. А я тоже усердно работаю. Меня тоже наградят. Дадут мне медаль.

На следующий день Зина должна была идти на задание. Оно оказалось трудным. Немцы усилили сторожевые посты, появились и новые полицейские заставы в неожиданных местах. Чтобы не выдать себя, пришлось обходить опасную зону стороной. На это ушло много времени, но все же партизанам удалось подорвать два вражеских грузовика. Кроме того, партизаны обстреляли машину с немецкими солдатами из строительного батальона.

Возвращалась Зина с задания в передовой разведгруппе. Шли уже днём, тщательно маскируясь. Зина вышла первой из густого дубняка на опушку и в радостном изумлении вскрикнула:

– Наши!..

По тропинке полем шагали люди в красноармейских шинелях, со звездочками на шапках-ушанках.

Пожилой партизан толкнул Зину в спину:

– Молчи!.. Надо проверить, что за люди.

Их было человек двадцать. Они шли как-то очень уж свободно: совершенно не маскируясь и не оглядываясь по сторонам. Очевидно, они направлялись к ближайшему селению.

– Надо точнее установить, что это за деревня, – решил командир.

Зина вызвалась добраться до околицы и там первого встречного расспросить.

Посоветовавшись, партизаны согласились послать в разведку её: она мало похожа на партизанку, небольшая девчонка. Пожалуй, ей проще не вызвать подозрений.

Она осторожно кралась по луговине, заросшей мелким кустарником, чутко прислушиваясь. Постройки совсем рядом. У околицы звякнули ведра. Очевидно, из колодца набирали воду. Зина подползла ближе. Но пожилая женщина в ватнике уже понесла на коромысле вёдра...

Крикнуть, остановить – опасно. Зина снова затаилась в кустарнике. Кто-нибудь должен ещё подойти, раз рядом колодец. Что же это за люди в красноармейской форме? Может быть, это все же свои – десантники. Ищут партизан... Вдруг она заметила мальчишку лет двенадцати, гнавшего с речки хворостиной гусей.

Зина вышла из кустарника. Мальчишка, раскрыв рот, удивленно уставился на неё.

– Мальчик, как ваше селение называется?

– А ты кто? – спросил он, переложив из одной руки в другую свою хворостину.

И тут Зина решила действовать в открытую.

– Партизанка!

У мальчишки восхищенно загорелись глаза. Он назвал деревню и тут же предостерег:

- Не ходи к нам, у нас полицаи.
- А что это за люди пришли к вам в красноармейской форме?
- Да эдак полицаи маскируются...

Поблагодарив мальчика, Зина юркнула в кусты.

Партизаны уже беспокоились и бросились навстречу, увидев Зину:

- Жива!.. Мы уже хотели тебя выручать.

Полученные Зиной сведения заставили командира задуматься.

- Как, братва?.. Будем уходить или прощупаем их? – обратился он к товарищам.

– Надо их разоблачить, – предложил старик партизан. – Иначе они сколько зла могут жителям причинить.

Решили оставить на опушке леса несколько человек. Они должны привлечь к себе внимание переодетых полицейских, а основные силы отряда, пробравшись ближе к селению, огорошат врага огнем с тыла.

Примерно через час оставшиеся на опушке партизаны (Зина была с ними) открыли стрельбу, имитируя, что кто-то из них убегает, а другие, громко крича, преследуют. Переодетые полицаи попали на эту удочку и, встреченные перекрёстным огнём, были почти все уничтожены. В этом кратковременном, но кровавом бою Зина едва не погибла. Летевшую в нее вражескую пулю принял на себя её товарищ по отряду, загородив собой Зину.

Двое убитых и четверо раненых – такова была партизанская плата за расправу над коварным врагом.

Глава восьмая

Партизанский отряд, в котором находились теперь юные мстители, входил в состав бригады имени В.И. Ленина, занимавшей выгодную для обороны местность. Естественной преградой служила река Западная Двина, прикрывавшая партизанский край. А за рекой, километрах в тридцати, была Оболь. 1-й Прибалтийский фронт проходил в полутора километрах от Оболи.

В августе 16-я немецкая армия частично вышла из окружения, прорвавшись в районе Старой Руссы к основным своим силам. Нашим войскам не удалось разгромить её полностью. Но зато были освобождены Спас-Демянск и Ельня. Во второй половине сентября был взят Смоленск. Группа вражеских армий «Центр» понесла тяжёлые потери, но все ещё представляла внушительную силу – более миллиона человек. Осенью советские войска на этом фронте освободили от оккупантов сорок районов Белоруссии. В октябре ожесточенные бои шли на участке от Невеля до устья реки Припять. Седьмого октября был освобожден Невель. В тяжелых условиях лесисто-болотистой местности наши части за несколько дней продвинулись западнее километров на тридцать и были нацелены на районный центр Городок, который лежал напротив Оболи.

Гитлеровцы оказывались в постепенно сужающемся коридоре – между советскими войсками и партизанской армией. Поэтому они в целях безопасности своих армий готовились разгромить партизан, ликвидировав полностью партизанскую зону. В обширном партизанском крае площадью 3200 квадратных километров с большой тревогой ждали вражеского наступления. Командование партизанской армии понимало, как трудно будет противоборствовать мощной технике врага: танкам, бронетранспортерам, тяжелой артиллерии, авиации, не говоря уже об огромном численном превосходстве вражеских сил. Как потом стало известно, к моменту перехода врага в наступление (а оно началось значительно позже, чем ожидали

партизаны) враг сосредоточил против партизан 60 тысяч человек, 137 танков, 235 орудий, 70 самолетов, два бронепоезда.

В партизанской же армии насчитывалось всего 17485 бойцов, на вооружении которых были в основном автоматы, ручные и станковые пулеметы, а также противотанковые ружья. Общая протяжённость оборонительных сооружений партизан составляла 200 километров. Партизаны рыли окопы полного и неполного профиля, противотанковые рвы, строили системы надолб, эскарпов, дзотов, огневых точек. Въездные пути на партизанскую территорию были уничтожены мосты разобраны, дороги перекопаны, объезды заминированы. В этой гигантской оборонительной работе, не прекращающейся ни на один день, принимало участие всё население края. Большое значение партизаны придавали деятельности подпольных организаций и диверсионных групп, которых были десятки вокруг партизанской зоны. В их число входила Обольская подпольная комсомольская организация.

Даже спустя месяц после того как большая группа комсомольцев из молодёжной организации «Юные мстители» была расстреляна оккупантами, в партизанском крае не имелось точных сведений, кто из подпольщиков остался на свободе. Узнать это было можно, только побывав в Оболи. На этот раз к командиру отряда явились вчетвером. Фруза, Илья, Орлик и Ромашка.

– Что хотят от меня юные мстители? – шутливо спросил командир, видя, что ребята чем-то очень взбудоражены.

– Хотим сходить в Оболь и там на месте установить связь с нашими товарищами! – решительно заявила Фруза.

– Ишь какие вы прыткие!.. Думаете, мы ничего не предпринимаем? – И командир рассказал, что он недавно посылал двух связных в Оболь, но они нарвались на засаду. Один из них убит. Другой, раненный, с трудом вернулся.

– Но у нас свой план... – сказал Илья.

– Что же за такой особый план? – спросил командир.

Фруза объяснила. Незадолго до ухода к партизанам она договорилась в Мостицах с Верой Лузгиной о том, что Вера будет связной у подпольщиков.

– Об этом, кроме меня, никто не знает, – сказала Фруза. – Я не сомневаюсь, Вера на свободе. Девушка она тихая, малозаметная, она поможет нам.

– Вижу, у вас огромное желание возродить свою организацию, но нужно считаться с обстановкой в Оболи, – заметил командир и, вынув из папки какую-то плотную серую бумагу протянул ее Фрузе: – Читай, это расклеено в Оболи на всех столбах и заборах.

Ребята быстро пробежали текст объявления. За поимку «атаманши» (так именовали гитлеровцы Ефросинью Зенькову) или тому, кто укажет место, где она скрывается, обещалась большая награда.

– Дорого тебя оценили! – горько усмехнулся начальник штаба отряда, находившийся в штабе вместе с командиром.

И Фруза поняла: путь в Оболь ей закрыт.

Глава девятая

Сообщение Фрузы о Вере Лузгиной заинтересовало командира. После долгих размышлений он решил рискнуть послать Машу Дементьеву, Зину Портнову и Илью Езовитова в Оболь.

– Ваша задача побывать у Веры Лузгиной. Узнать что можно. Дадите ей задание установить связь с оставшимися на свободе товарищами. Завтра можете отправляться

в путь.

Ребята получили на всякий случай фиктивные документы. Зине выдали справку с печатью комендатуры гестапо на имя Марии Козловой – работницы кирпичного завода. Каждого снабдили легендой.

Фруза подробно объяснила ребятам, как начать разговор с Верой Лузгиной, предупредив:

– Все к ней в дом не ходите. Кто-нибудь один. – И тихо попросила: Постарайтесь разузнать, что стало с моей мамой.

Вечером Зина зашла в избу партизанского госпиталя к сестрѐнке.

Галька уже укладывалась спать, но, когда увидела сестру, повисла у неё на шее.

– Ухожу на задание, Галочка.

– Опять! – Сестрѐнка недовольно сморщилась, слѐзы заблестели у неё на глазах.

А у Зины защемило сердце и перехватило дыхание.

Галька на этот раз вела себя как-то особенно беспокойно. Прильнув к Зине и обхватив ее за шею, громко, навзрыд, заплакала:

– Я тебя не пущу!

– Как это так?

– Не отпущу, и всё! А если тебя немцы убьют или заберут к себе? Я сразу же умру, слышишь?

– Глупая ты ещё. Успокойся. Я скоро вернусь цела и невредима, – успокаивала, как могла, Зина сестрѐнку.

В сумерках ребята миновали партизанский дозор. На тревожный повелительный оклик Илья кратко ответил пароль, после чего заранее предупреждённые патрульные выпустили их с партизанской территории.

– Счастливого пути! – напутствовали они.

Стояла хмурая погода, сыпал мокрый снег. В такую погоду и немцы, и полицейские неохотно выходят из тёплого помещения.

Ребята шли, соблюдая необходимую осторожность. Зина уже научилась ходить так, что ни одна веточка не хрустнет под ногой, а уши и глаза настороже – ничего, заслуживающего внимания, не пропустят. Илья и Маша такой способностью ещё не обладали и заметно нервничали. Илья в темноте то и дело спотыкался о коряги и шепотом чертыхался.

Шли прежним коротким и знакомым путѐм, которым в своё время явились в партизанский край. Они не ощущали особой тревоги и страха: идут не в одиночку и вооружѐнные – могут дать отпор, если нарвутся на врага. К утру они уже подходили к деревне Мостище. На опушке в кустарнике, рядом с дорогой, остановились. Светало. Вдали сквозь серый морозный туман чернели постройки. Было слышно, как перекликались петухи. Теперь им предстояло самое ответственное и опасное – пройти в деревню к связной Вере Лузгиной.

Но кто пойдёт? Какого-либо указания на этот счёт от командира они не получили. Решить должны были сами ребята, судя по обстоятельствам. И теперь, отдыхая, они молча поглядывали друг на друга. Илья полагал, что, как мужчина, он должен идти сам. Но он из соседней деревни. И его в Мостище хорошо знают. Ещё опаснее было идти Маше. Ее узнает каждый встречный не только в лицо, но и по походке. К тому же в деревне было известно, что она с матерью и сѐстрами ушла к партизанам. Поэтому она могла навлечь прямую опасность на дом Лузгиных.

Сподручнее всего было идти Зине, но сложность состояла в том, что ей придётся

отыскивать избу, да и Веру она даже не знает в лицо.

– Я могу пойти, я не побоюсь, – сказала Зина. – Ты лучше объясни мне, как можно сразу определить избу Лузгиных.

– Ты, Зинок, только долго не задерживайся, – попросил Илья. Он словно чувствовал какую-то неловкость перед Зиной. – В случае чего мы тебя выручим. Будем ждать тебя здесь. – И они с Машей наперебой принялись ей объяснять, как с первого взгляда узнать избу Лузгиных.

Они стояли в жухлом, безлистном кустарнике, недалеко от безлюдной просёлочной дороги, по которой Зине теперь предстояло одной идти в деревню. Теперь, когда умолкли петухи, деревня казалась вымершей, только кое-где из труб курчавились дымки...

Зина неохотно передала ребятам свой автомат, гранаты – с оружием она чувствовала себя увереннее. Поправила платок на голове. Смущённо улыбнулась:

– Ну, я пошла. – Она обняла и поцеловала в щёку сперва Илью, потом Машу.

– Будь осторожнее... – попросила Маша.

– Счастливо! – заметно волнуясь, вымолвил Илья.

Илья и Маша напряжённо следили, как небольшая фигурка в сером платке, в чёрной железнодорожной шинельке, в подшитых валенках мелькала среди кустарника. Вот Зина вышла на просёлочную дорогу, огляделась по сторонам. И, уже больше не таясь, пошла к деревне. Илья и Маша остались вдвоём.

Глава десятая

Зина старалась идти спокойно, не торопясь. Дорога была пустынна. Это хорошо. Возле околицы пошла по тропке вдоль посада.

Вот и почерневшая от времени изба с боковым окошком и небольшим покосившимся крыльцом. Так ей описывали ребята избу, в которую она должна теперь войти.

Бесшумно открыв калитку, Зина поднялась на крыльцо. Осторожно постучала... Всё тихо. Наверное, не слышат. Снова постучала, но уже громче. Ей открыли не сразу. На пороге стояла пожилая женщина в очках, в ветхой овчинной безрукавке, в валенках.

– Вера дома? Я к ней.

– Проходи, – пытливо взглянув на Зину, отозвалась женщина, пропуская ее в темные со скрипучими половицами сени.

Оказалось, что Вера знает Зину: она как-то видела ее, когда та приходила к сёстрам Дементьевым. Поэтому и нисколько не усомнилась, что Зина пришла от Фрузы, и сразу доверилась ей.

То, что услышала от неё Зина, было горькими сведениями. Вера назвала ей много имен арестованных местных жителей. Большинство из них уже были расстреляны, остальные находились в гестаповском застенке. Связаны ли арестованные с подпольной организацией, Зина не могла сама определить: прошло слишком много времени, как она покинула Оболь. Услышала она и несколько знакомых имен: в лагерь Освенцим на каторжные работы увезли Машу Ушакову, мать Феди Слышенкова, Степаниду Гавриловну, и его сестру – Шуру...

О судьбе этих людей партизаны ещё ничего не знали.

Все названные имена Зина должна была запомнить, чтобы доложить командованию.

Узнала она и о своей бабушке, Ефросинье Ивановне. К счастью, немцы не стали

её долго держать в тюрьме, выпустили, но она была теперь совсем плоха.

– У многих были обыски, – рассказывала Вера, – и к нам приходили. Но нас не тронули.

Немного спустя, отогревшись и передав всё, что было поручено, Вере, Зина вышла из избы. Накинув на плечи ватник, Вера проводила её до калитки.

Они настороженно огляделись по сторонам. Просёлочная дорога уже не была безлюдной – проехал грузовик с берёзовыми чурбанами, по дороге шёл какой-то мужчина, от колодца две женщины, громко разговаривая, на коромыслах несли вёдра с водой.

– Иди огородами. Там незаметнее, – предупредила Вера и, проследив, как Зина пошла по тропинке, вернулась в избы.

Зина уже почти дошла до околицы, но тут одна из женщин её окликнула:

– Зина! Это ты? Бабушка-то здорова?

Пришлось остановиться, ответить. Она почти не знала говорившую. Видимо, это была какая-то очень дальняя родственница бабушки. Уже за спиной Зина услышала, как та объяснила своей соседке:

– Это Яблокова приходила, из Зуи...

К несчастью, эту реплику услышали и проходившие по дороге полицейские. Остановились. Фамилия Яблоковых им была знакома. И едва Зина, не подозревавшая об опасности, вышла на просёлочную дорогу, как сзади прозвучал повелительный хриплый голос:

– Эй ты, девка!.. Куда идёшь?

Полицейские уже почти настигали её.

Зина остановилась. До леса, где дожидаются свои, совсем близко. Очевидно, Илья и Маша уже заметили, что на дороге полицейские.

– Стой! Документы есть?

От полицейских, несмотря на ранний час, разило самогонкой.

Зина спокойно вынула документы на имя Марии Козловой, предъявила:

– Вот, смотрите. Иду в посёлок кирпичного завода.

Документы были в порядке, но Зина показалась полицейским подозрительной. Оглядев девушку, они приказали:

– Пойдёшь с нами, там разберемся.

– Куда? – спросила Зина, немного побледнев.

– В участок, в Оболь...

И полицейские повели Зину в Оболь. Они поравнялись с лесной опушкой, когда где-то в ее глубине затрещало поваленное дерево. Сердце Зины учащенно забило. Рядом – свои. Зина украдкой оглянулась на кустарник, где с оружием в руках её должны были поджидать Илья и Маша.

Вот они поравнялись с этим местом... Прошли мимо... Но почему ребята молчат?... У них же автоматы, гранаты!.. А что, если сейчас юркнуть в сторону, бежать? Но в руках полицейских наганы – сразу же застрелят... Может, крикнуть, позвать ребят? Но тогда она навлечёт опасность на них.

Случилось что-то непонятное! Она снова оглянулась, но полицейский грубо толкнул ее в спину и выругался сквозь зубы.

Зина никак не могла понять, в чем дело. Может быть, Маша и Илья рассчитывают стрелять полицейским в спину? Или не стреляют, боясь зацепить и её? Стараясь идти медленнее, Зина все ещё ждала помощи. Она надеялась на выручку ребят, пока не

кончился лес и не началось вспаханное под озимь поле, а за ним – постройки соседней деревни. Тут она поняла: с ребятами, очевидно, что-то случилось. Иначе они обязательно стреляли бы в полицейских. Они должны были попытаться освободить её. Ведь для этого и шли на задание втроем.

Теперь на какую-либо помощь ей надеяться не приходилось. И тут она горько пожалела, что не оставила при себе хотя бы одну гранату.

Впереди, у перекрёстка, Зина заметила группу людей, и надежда вспыхнула снова: может, это свои, партизаны. Но, приглядевшись, поняла: обычная деревенская картина. На обочине дороги стояли три закутанные в какую-то ветошь старухи. Как только показалась грузовая военная машина, одна из женщин подняла руку, в которой держала берестяной коробок с куриными яйцами, другая выставила крынку молока, третья – живую курицу... Они меняли продукты у проезжих шоферов на керосин, бензин и соль...

Машина, не останавливаясь, пропылила дальше. Зину провели мимо, и старушки, кажется, не обратили на нее никакого внимания... А Оболь была уже рядом.

Илья и Маша ждали Зину, следя за дорогой и разговаривая шепотом. Сколько времени ждали – было трудно понять. Очевидно, долго. Когда разговариваешь, времени не замечаешь.

Тишину, которая царила вокруг, нарушил какой-то треск в глубине опушки. Партизаны насторожились.

– Я пойду посмотрю... – забеспокоился Илья.

– Я тоже с тобой, – пошла за ним Маша.

Выяснилось, что ничего опасного на той стороне леса не было. Просто рухнуло сломанное бурей дерево.

Илья и Маша вернулись на прежнее место. Им не пришло и в голову, что когда они отлучались, на какое-то время просёлочная дорога была ими упущена.

Прошел час... другой... Зины все не видно. Ребята стали беспокоиться. Теперь они уже не спускали с дороги глаз. Погода портилась – подул сердитый северный ветер. С хмурого неба сыпался снег. Но они терпеливо ждали. А Зины не было.

– Наверное, заговорила с Верой... Ждет, может быть, сумерек, пытался объяснить причину долгого отсутствия Зины Илья.

– Нет... Чует моё сердце, нет... – вздыхала Маша, беспокойно посматривая на лежавшее рядом в густом можжевельнике оружие Зины.

Прошел третий час, четвертый... Зины все не было.

В сумерках, спрятав в кустах свои автоматы и оружие Зины, взяв с собой только гранаты, Илья и Маша пробрались в деревню к Вере Лузгиной.

Там их огорошило известие, что Зина была ещё утром и вскоре ушла.

– А что, если она ушла другой дорогой? – попыталась ухватиться за спасительную мысль Маша.

– Нет. Не могла она оставить своё оружие. Я этого не допускаю.

В этот момент у Ильи zakралось сомнение, что, быть может, Зина – поскольку это совсем рядом – решила побывать в своей деревне, у бабушки. Но тут же отбросил его, зная характер Зины, ее необыкновенно серьезное отношение к делу.

Ребята явились в отряд утром, когда рассвело, расстроенные, не зная, как доложить о случившемся.

Принесли с собой и оружие Зины – автомат и гранаты. У них ещё теплилась слабая надежда: может, Зина уже в отряде? Но её не было.

Пришлось докладывать командиру, что Зина пропала.

Командир смотрел на ребят испытующе. Случаи, когда партизаны, отправившись в разведку, пропадали без вести, бывали и раньше. Но случай с Зиной необычный... Снова и снова заставил он Машу и Илью рассказать все подробности, но исчезновение Зины оставалось загадочным.

Днём к Маше и Илье прибежала из госпиталя Галя:

– А Зина где? Почему она не пришла?

– Придёт позднее, – тихо отозвалась Маша.

– Придёт, – обнадежил её и Илья.

Но Зина не вернулась.

Посланные командиром разведчики уже донесли, что по дороге из Мостищ в Оболь полицейскими была схвачена какая-то девушка. По описанию, она была похожа на Зину. Илья и Маша терзались догадками, но никак сами не могли понять, что же все-таки произошло. Ведь другой дороги на Оболь не было.

Но когда командир расспросил их снова, они вспомнили про короткий эпизод с поваленным деревом. Теперь командир не сомневался, что арестована именно Зина, ребята пропустили момент, когда её вели.

Тщательно скрывали партизаны случившееся от Гали, а она каждое утро прибегала в избу, где жила Зина.

– Не пришла? – спрашивала Галька хозяйку.

Старушка отрицательно качала головой:

– Нет, милая, не возвращалась ещё. Сама беспокоюсь, не случилось ли что.

В госпиталь к Гале теперь то и дело заглядывали двоюродные братья, Лёнька и Нестёрка, как могли, старались они успокоить сестрёнку.

Но когда Лёнька узнал от партизан правду, пришёл проститься с Галей и пообещал ей, что сам разыщет Зину, и ушёл из партизанской деревни.

Глава одиннадцатая

Полицейские привели Зину в Оболь, в гестапо. Короткий допрос: кто? откуда? куда и зачем шла?

Зина старалась держаться спокойно. Полученный в партизанском отряде документ на имя Марии Козловой не вызывал ещё сомнений. Зина поняла: пока она не опознана.

После допроса её поместили в одиночную камеру.

Зина огляделась: забранное ржавой массивной решеткой окошко, загаженный пол, в углу смятая, с рыжими пятнами засохшей крови, солома. Обессиленная, Зина опустила на неё.

Что-то теперь делает Галька? Наверное, ждёт... И острая, щемящая боль охватила душу: увидит ли она ещё сестрёнку? Ведь Галька останется одна-одинешенька, маленькая, ещё глупая девчонка.

Было обидно, что так нелепо – без борьбы, без сопротивления – попала в лапы врага. Почему она не попыталась убежать? Ну, пускай застрелили бы! Все же лучше, чем живой попасть к врагу.

На следующий день Зину снова привели на допрос. Увидав рядом с гестаповцем знакомую седую немку-переводчицу, бывшую соседку по бараку, Зина вздрогнула. Теперь ей вряд ли удастся вырваться отсюда. Её опознали! Уже не было никакого смысла выдавать себя за работницу кирпичного завода Марию Козлову. Переводчица слишком хорошо знала Зину и сразу подтвердила по-немецки и по-русски:

– Да, это моя соседка по жилому дому.

– Кто же ты теперь? Мария Козлова или Зинаида Портнова? – спросил гестаповец Зину.

Зина медлила с ответом. Полученная в партизанском отряде справка на имя Марии Козловой теперь ей вредила, служила главной уликой, подтверждавшей, что она пришла из партизанского края. И она решила изменить тактику своего поведения на допросе и дать показания с большей долей достоверности.

...Да, она Зинаида Портнова, бывшая школьница из Ленинграда. Из-за войны застряла здесь, в Оболи, с младшей сестрёнкой.

...Да, она работала в подвале кухни в офицерской столовой. Но когда там случилось отравление и её заставили есть отравленный суп, она, еле живая, с трудом добралась до соседней деревни, где её отпоили молоком. Больше она в столовую не являлась, так как боялась, что опять заставят есть отравленный суп.

...Все это время она жила в находящейся в партизанской зоне дальней деревне, у родственников бабушки. Никакого участия в партизанской деятельности она не принимала, так как по возрасту ещё несовершеннолетняя. А шла она в Зую, чтобы узнать о судьбе бабушки – Ефросиньи Ивановны Яблоковой.

...В подпольной группе «Юные мстители» не состояла и не знала, что такая группа существует.

...Справку на имя Марии Козловой взяла у знакомой девушки, потому что сама никаких документов не имеет, а без документов боялась идти.

Большого, сколько её ни допрашивали, ни били, от неё не могли добиться. Ленинградская школьница оказалась девочкой с твёрдым характером.

После недельных пыток и допросов в обольском полицейском участке гитлеровцы повезли Зину в Горяны.

Её ввели под конвоем в приземистое серое здание, где, как она поняла по форме стоявшего у крыльца часового, находилось гестапо. Её ввели в большую комнату с двумя окнами, забранными частой решёткой. Два письменных стола: один большой, под зеленым сукном, – у окна; другой, поменьше, – в углу. Там рылся в бумагах офицер.

За большим столом, развалившись в кресле, сидел другой гестаповец, видно чином повыше, в черном мундире, с белой повязкой на рукаве, на которой чернела фашистская свастика. Зина почему-то подумала, что это тот самый гестаповец, который допрашивал и пытал ее погибших товарищей. Это он выкручивал руки и избивал Нину. Это он мучил Евгения, Зою, Машеньку...

Зина стояла перед ним в разорванном полушалке и в расстёгнутой чёрной шинельке. А гестаповец смотрел на нее каким-то стылым взглядом и молчал. Так Зина стояла перед ним одну минуту, другую, третью. Самое непостижимое и страшное заключалось в том, что гестаповец ничего не спрашивал, только глядел на неё. Глядел пытливо ей в глаза, словно ощупывая острыми, чёрными зрачками.

Вот он расстегнул кобуру, вынул массивный пистолет, очевидно для устрашения. Положив сбоку перед собой на стол, прикрыл листом бумаги.

– Шваль! – вдруг громко, как-то трескуче крикнул он, рванувшись с кресла.

От неожиданности Зина вздрогнула, вытянулась. «Бить будет», – невольно подумала она. Но он бить не стал. Видимо удовлетворенный её испугом, гестаповец неожиданно чисто произнёс по-русски:

– В каком партизанском отряде ты была?

– Я не была в партизанском отряде, – ответила Зина и снова повторила то, что твердила на допросах в Оболи.

Гестаповец недоверчиво глядел на неё.

И тут на дороге послышался шум подъехавшей машины. Гестаповец подошёл к окну. А Зина, метнувшись к столу, схватила пистолет. Очевидно уловив шорох, офицер порывисто обернулся, но пистолет был уже в её руке. Она нажала курок. Выстрела почему-то не слышала. Только увидела, как гестаповец, схватившись руками за грудь, свалился на пол, а второй, сидевший за боковым столом, вскочил со стула и трясущимися руками торопливо отстегивал кобуру револьвера. Она направила пистолет и на этого гестаповца и снова, почти не целясь, нажала курок.

Бросившись к выходу, Зина рванула на себя дверь, выскочила в соседнюю комнату и оттуда в полуоткрытую дверь коридора на крыльцо. Там она почти в упор выстрелила в часового. Выбежав из здания комендатуры, Зина вихрем помчалась вниз по тропинке, к реке.

«Только бы добежать до реки».

А сзади уже слышался шум погони...

«Почему они не стреляют?»

Совсем рядом рябилась от ветра серо-свинцовая гладь воды. За рекой чернел лес.

Она услышала звук автоматной стрельбы, и что-то колючее пронзило ногу. Зина упала на речной песок. У неё ещё хватило сил, слегка приподнявшись, выстрелить... Последнюю пулю она берегла для себя.

Когда они подбежали совсем близко, она решила, что всё кончено, и наставила пистолет себе на грудь. Нажала курок. Но выстрела не последовало: осечка. Фашист вышиб пистолет из ее слабеющих рук.

Глава двенадцатая

Делом обольской подпольщицы-партизанки теперь занимались гестаповцы чином выше, чем в Горянах. Зину сразу же перевезли в Полоцк. Допрашивали её самые изощрённые в жёстоких пытках палачи. Больше месяца Зину избивали, загоняли под ногти иголки, жгли калёным железом. После пыток, едва она немного приходила в себя, её снова приводили на допрос. Допрашивали, как правило, ночью. Ей обещали сохранить жизнь, если только юная партизанка во всем признается, назовёт имена всех известных ей подпольщиков и партизан. И опять гестаповцы встречались с удивлявшей их непоколебимой твёрдостью этой упрямой девочки, которая в их протоколах именовалась «советской бандиткой».

Зина, измученная пытками, отказывалась отвечать на вопросы, надеясь, что так её быстрее убьют. Смерть теперь ей казалась самым лёгким избавлением от пыток.

Однажды на тюремном дворе заключённые видели, как совсем седая девочка, когда её вели на очередной допро-пытку, бросилась под колёса проезжавшего грузовика. Но машину остановили, седую девчонку вытащили из-под колёс и снова повели на допрос.

...В начале января в полоцкой тюрьме стало известно, что юная партизанка приговорена к расстрелу. Она знала, что утром её расстреляют.

Вновь переведенная в одиночную камеру, свою последнюю ночь Зина провела в полузабытьи.

Она уже ничего не видит. У неё выколоты глаза... Фашистские изверги отрезали ей уши... У неё вывернуты руки, раздроблены пальцы... Неужели когда-нибудь придёт конец её мукам!.. Завтра все должно кончиться. И всё же эти палачи ничего от неё не

добились. Она давала клятву в верности Родине и сдержала её. Она клялась мстить беспощадно врагу за то горе, которое он принёс советским людям. И она отомстила, как смогла.

Мысль о сестрёнке снова и снова заставляла трепетать ее сердце. «Милая Галочка! Ты осталась одна... Вспоминай меня, если останешься в живых... Мамочка, отец, помните свою Зину».

Слёзы, смешиваясь с кровью, вытекали из изувеченных глаз – плакать Зина ещё могла...

Наступило утро, морозное и солнечное... Приговорённых к расстрелу, их было шесть человек, вывели во двор тюрьмы. Кто-то из товарищей подхватил Зину под руки, помог идти. У тюремной стены, окружённой тремя рядами колючей проволоки, с раннего утра толпились старики, женщины с детьми. Одни принесли арестованным передачу, другие ждали, что среди узников, которых выводили на работу, они смогут увидеть и своих близких. Среди этих людей стоял парнишка в стоптанных валенках и разодранном в клочья ватнике. У него не было никакой передачи. Его самого только накануне выпустили из этой тюрьмы. Он был задержан во время облавы, когда пробирался из партизанской зоны к линии фронта. Посадили его в тюрьму за то, что при нём не было документов.

По укатанной белыми сугробами улице проехала повозка с бочкой – в тюрьму привезли воду.

Через несколько минут ворота раскрылись снова, и автоматчики-конвоиры вывели шесть человек. Среди них в седой и слепой девушке парнишка с трудом узнал свою сестру... Она шла, спотыкаясь босыми почерневшими ногами, по снегу. Какой-то черноусый мужчина поддерживал её за плечи.

«Зина!» – хотел крикнуть Лёнька. Но голос его прервался.

Зину вместе с другими приговорёнными к смерти расстреляли утром 10 января 1944 года вблизи тюрьмы, на площади.

Эпилог

Весть о том, что Зины Портновой уже нет в живых, не скоро дошла до партизан, так как гитлеровцы предприняли мощное наступление на партизанский край. Сжатые в двухсоткилометровом огненном кольце, партизаны яростно защищались. Напряжение боев изо дня в день возрастало. Битва принимала все более ожесточённый характер, но кольцо смерти постепенно сужалось.

Население партизанского края почти поголовно снималось с мест и уходило вместе с партизанами.

Тех, кто не смог уйти, каратели расстреливали, жилые постройки сжигали. Все просёлочные дороги, все лесные и болотные тропы были запружены беженцами. На небольшом пространстве теперь сосредоточивалось более сотни тысяч людей, обречённых врагом на смерть.

Горела земля, с треском валялись расщепленные взрывами деревья. В сплошном грохоте, лязге танковых гусениц, пулеметной трескотне, реве пикировавших самолётов порой было трудно попятить, день это или ночь. Вражеские орудия разных калибров били прямой наводкой и навесным огнём по партизанским позициям, а сверху, прижимая всё живое к земле, лились огненные пулемётные струи, сыпались бомбы. Среди такого кромешного ада на одной из полян, где сгрудившиеся беженцы после взрыва авиационной бомбы были обращены в кровавое месиво, случайно обнаружили живого ребёнка – десятилетнюю девочку. Как она уцелела – никто не мог

понять. Один из партизан узнал в ней Галю Портнову.

Галю удалось пристроить на самолёт, прилетевший в партизанский край с Большой земли за ранеными. Так на последнем из партизанского края самолёте Галя попала на смоленскую землю, в детский дом.

Десятки тысяч людей погибли в эти страшные дни. Десятки тысяч других, ошеломив немцев своей яростью, прорвали кольцо окружения... Прорвавшиеся снова занимали боевые позиции, маленькие группы быстро обрастали народными мстителями, формировались в новые партизанские отряды.

А вскоре перешёл в стремительное наступление 1-й Прибалтийский фронт. Началась крупная операция советских войск, носившая название «Багратион». Миллионная группировка вражеских армий была разгромлена. Советские войска с помощью партизан освободили белорусскую землю от фашистов. О подвигах юных мстителей советский народ узнал пятнадцать лет спустя, когда в июле 1958 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. За подвиги и мужество, проявленные во время Великой Отечественной войны, большая группа участников Обольской подпольной комсомольской организации «Юные мстители» была награждена орденами Советского Союза. А на груди руководителя организации Ефросиньи Савельевны Зеньковой засверкала Золотая Звезда Героя Советского Союза. Этой высокой награды Родины была удостоена посмертно и самая юная подпольщица, отважная дочь Ленинграда, легендарная Ромашка – Зина Портнова. Возле Оболи, у автострады, среди зелёных молодых деревьев и цветов, установлен высокий гранитный памятник. На нем золотыми буквами высечены имена погибших юных мстителей:

Зинаида Портнова
Нина Азолина
Мария Дементьева
Евгений Езовитов
Владимир Езовитов
Мария Лузгина
Николай Алексеев
Надежда Дементьева
Нина Давыдова
Федор Слышенков
Валентина Шашкова
Зоя Софончик
Дмитрий Хребтенко
Мария Хребтенко

В Ленинграде, на тихой Балтийской улице, сохранился дом, в котором жила легендарная Ромашка. Рядом школа, в которой она училась. А немного подалее, среди новостроек, широкая улица имени Зины Портновой, на которой установлена мраморная стена с её барельефом.

Годы идут, но память о юных героях вечно жива в сердце народа.

Публикуется по: Смирнов В. Зина Портнова. – М., Воениздат, 1980.